72

ГАРИЙ ЖИЛЬЦОВ

ПРОПУСК В ИСТОРИЮ

Р2
ЖС-72.

ГАРИЙ ЖИЛЬЦОВ

ПРОПУСК В ИСТОРИЮ

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

Для молодежи

Токтогул Сатылганов
атындагы
Ош облустук китепкана
ИНВ № 341383
0,60 к.

Токтогул Сатылганов атындагы
Ош облустук китепканы
КЕПИЗГИ ФОНД
БӨЛҮМҮ

ФРУНЗЕ «МЕКТЕП» 1980

84 Р 7
Ж 72

Жильцов Г. А.

Ж 72 Пропуск в историю: Повесть и рассказы. Для молодежи. /Авт. вступ. статьи А. Сальников. — Ф.: Мектеп, 1980. — 184 с.

В сборнике рассказывается о суровой юности первых ошских комсомольцев. Герои книги — бойцы отряда особого назначения, сотрудники милиции — люди не простой судьбы, глубоко убежденные в правоте своего дела, интернационалисты, верные защитники завоеваний Октября, пламенные патриоты Родины.

Ж $\frac{70302—224}{М\ 452\ (17)—80}$ 210. 80. 4702010200.

Р2
ББК 84 Р 7

© Издательство «Мектеп», 1980 г.

ВЕРНОСТЬ ИЗБРАННОЙ ТЕМЕ

Когда читаешь рассказы Гария Жильцова, все время думаешь: откуда автор столь детально знает о людях и событиях, о которых пишет? Читателю, думается, всегда интересно узнать об авторе то, о чем не узнаешь из самой книги. Ведь для нашего читателя, любящего литературу, интересно проследить, как жизненные впечатления, факты «переплавляются» в художественную правду, затрагивают чувства каждого из нас.

С Гарием Жильцовым мы познакомились в конце пятидесятых годов, он принес тогда в редакцию «Литературного Киргизстана» свой первый рассказ «Ночная операция». Рассказ нам понравился и был вскоре опубликован на страницах журнала. Первый успех на литературном поприще Жильцов расценил, как необходимость всерьез овладевать этим нелегким мастерством, используя накопленный жизненный опыт.

Гарий Амосович Жильцов принадлежит к тому поколению, для которого Великая Отечественная война явилась высшей суровой школой юности. В 18 лет он ушел добровольцем на фронт. Многие километры прошагал по нелегким дорогам войны. Сражался с немецко-фашистскими войсками под

Москвой, освобождал Белоруссию, штурмовал Кенигсберг, в составе Забайкальского фронта принимал участие в разгроме милитаристской Японии, войну закончил в Порт-Артуре. Был трижды ранен. За ратные подвиги удостоен многих правительственных наград.

Демобилизовавшись в 1947 году из рядов Советской Армии, Жильцов возвратился в город Ош, где прошла его юность. Несколько лет был на руководящей комсомольской и партийной работе, но свое призвание, как журналиста и литератора, осознал, придя в областную газету «Ленинский путь».

Работа в газете — это частые командировки и множество встреч с интересными собеседниками. Газета научила Жильцова точности и достоверности публикуемых фактов, научила не только понимать людей самых разных профессий, но и доверительно рассказывать о них массовому читателю. Герои его очерков — шахтеры, чабаны, врачи, ветераны труда и войны. «Каждый факт должен быть проверен до конца, каждый характер до конца продуман» — это остается и сейчас главным в его творчестве.

Работая в газете, Жильцов проявлял живейший интерес к истории города Оша, к событиям гражданской войны в Туркестане. Видимо, тогда и возник у него замысел поведать читателю в художественной форме о малоизвестных страницах героического прошлого народов советской Средней Азии.

В газете, а затем на республиканском радио Жильцов проработал двадцать лет. За это время он опубликовал в печати более сорока рассказов и очерков. В эфире звучали его репортажи, радиофильмы и радиопьесы. В 1969 году в издательстве

«Кыргызстан» выходит его книга «Ошская повесть» (в соавторстве с С. Зайцевой и А. Голубевым). В 1978 году в том же издательстве увидел свет многоплановый роман «Война без фронта», созданный Гарием Жильцовым в содружестве с Николаем Кузьмичевым. Роман сразу же нашел дорогу к широкому читателю, не залежался на полках книжных магазинов, и это говорит о его популярности.

Главная тема произведений Жильцова — гражданская война на юге Киргизии, показ героической борьбы советских людей за светлое будущее. Все его произведения во многом документальны. Созданию их предшествовали долгий, кропотливый и упорный труд по собиранию материала, многочисленные встречи с людьми. Трудность состояла в том, что прошло много лет с того времени, к которому относятся описываемые события. Авторский поиск людей — свидетелей и непосредственных участников памятных событий — увенчался успехом. Результат встреч с ними — десятки редких фотографий, сотни страниц воспоминаний, записи бесед, магнитофонные записи. Большая часть собранных материалов в повествовательной форме вошла в рассказы, повесть и роман.

Герои «Ошской повести» и романа «Война без фронта» — люди, с которыми автор хорошо знаком. Он лично знал и был связан долгими годами дружбы с бесстрашным воином Валерием Лебедевым, преданным делу революции начальником милиции Александром Добрыниным, отважным разведчиком Дмитрием Чураковым и многими другими борцами за власть Советов на юге нашей республики.

Перед тобой, читатель, новая книга Гария Жильцова — «Пропуск в историю». Книга адресована

молодежи, но можно с уверенностью сказать, что ее с интересом воспримет читатель всех возрастов. Читателя ожидает встреча с уже знакомыми героями по опубликованным ранее произведениям Жильцова. Познакомится он и с новыми героями. Это свободолюбивая дочь киргизского народа Салкын в одноименном рассказе, комсомольцы Миша Михайличенко, Володя Земсков и Николай Линц, отдавшие свою жизнь за Родину, в рассказе «Особое задание», побратимы Александр Подгайный и Максим Сатымкулов в рассказе «Жизнь продолжается» и другие. В книге четко прослеживается тема советского патриотизма и социалистического интернационализма, и в этом ее воспитательное значение.

Гарию Жильцову есть что рассказать, есть о чем поведать широкому кругу читателей. Читатель вправе ждать от него новых ярких произведений о нашей молодежи, о ее героических делах и свершениях во имя Родины, на благо народа.

Анатолий Сальников.

ПРОПУСК В ИСТОРИЮ

Весна 1919 года на юге Киргизии выдалась ранняя. К марту повеселевшее солнце растопило снег в долинах, черневшая земля стала покрываться первой травой.

Жизнь уездного городка Ош продолжала оставаться тревожной. Вокруг рыскали басмаческие шайки, грабили пригородные кишлаки, зверствовали, а гарнизон Ош состоял всего из небольшого отряда Красной Гвардии.

Уездно-городскому комитету партии приходилось в те дни решать множество проблем: оборона города, охрана национализированных предприятий, бесперебойная работа пекарни, школ, почты, боль-

ницы... Председатель угоркома Николай Кондратьев — мужчина средних лет, высокий, широкоплечий, обремененный большими и малыми заботами, был обеспокоен еще одной проблемой, которую требовалось решать без промедления.

В прокуренном кабинете, за приставным столом сидел и ждал ответа только что прибывший уполномоченный из области. Кондратьев, силясь сосредоточиться, уже в третий раз пробегал глазами мандат приезжего: «Предъявитель сего товарищ Четвертаков Владимир Николаевич направляется в Ошский уезд...»

За окном постепенно смеркалось. Улицы быстро пустели. Горожане как можно раньше старались попасть домой.

Уполномоченный сидел, и, не замолкая, продолжал рассказывать о возложенной на него миссии. Это был крепыш лет двадцати, круглолицый, с ямочкой на подбородке. Держался свободно, говорил грамотно, изредка улыбался, но это Кондратьева не убеждало. Он думал в эти минуты о своих делах.

С полчаса как закончилось совместное заседание угоркома и ревкома. Перед Кондратьевым лежали докладные, всякого рода справки, в которых не было ничего утешительного: не хватало винтовок, патронов, продовольствия, топлива, медикаментов. Начальник милиции уведомлял, что не сегодня-завтра басмачи намереваются совершить очередной набег на город. Эти вопросы занимали Кондратьева больше всего и отвлекали от дела, ради которого прибыл Четвертаков.

Отойдя к окну, Кондратьев рассматривал парня со стороны. «А про него, пожалуй, не скажешь, что

он гвоздь не из той стены»,— с неожиданным удовлетворением подумал Кондратьев. Уполномоченный начинал ему нравиться, и как ни тяжелы были мысли председателя, в них появилось что-то светлое, обнадеживающее. А Четвертаков между тем, свернув самокрутку и закурив ее от лампы, продолжал:

— Если ошские парни и девушки поймут суть и цель Коммунистического Союза Молодежи, это придаст им такую силу, которая провернет даже маховик парового молота. Только вы это поймите...

— Кто? Я? — Кондратьев был задет за живое. Парень явно перестарался, призывая его, председателя угоркома партии, понять то, чем он жил, что держало его на ногах: веру в силу народа, в победу коммунистических идеалов.

— Кто должен понять? — переспросил Кондратьев, и его глухой бас зарокотал на самых низких нотах.

Парень осекся, забыл о самокрутке, смотрел на заговорившего Кондратьева с удивлением, потом понял свою ошибку и широко улыбнулся. Его синие глаза блеснули озорными искрами. Кондратьев тоже скупо улыбнулся, и ему захотелось рассказать, в каких трудных условиях работают ошские большевики, но, сдержавшись, он только кашлянул в кулак, чтобы подавить вздох.

Пройдя к столу, Кондратьев сел на свое место. Стул громко проскрипел, наступила тишина. Уполномоченный Ферганского обкома комсомола и председатель Ошского угоркома партии смотрели друг другу в глаза. Какое-то время между ними шел безмолвный диалог.

«Молодо — зелено, — мысленно произнес Кон-

дратьев. — Суть не столько в том, чтобы объединить молодежь в Союз, сколько в том, чтобы эта организация обрела прочную почву под ногами. Не простое это дело. И ответственность за это большевики с себя не снимают...»

«А не кажется ли вам, товарищ председатель, что вы недооцениваете молодежь? — спрашивал Четвертаков. — Отобрать для организации Союза надежный костяк молодежи непросто, но вполне возможно. Такой отряд нам сейчас необходим, и его надо создать, чего бы это ни стоило».

— Конечно, две-три роты красноармейцев сейчас было бы не плохо,— сказал гость вслух. — Но где их взять? А комсомольская организация, созданная сегодня, через месяц будет равнозначна для Оша целому полку! Разве я не прав?

— Полк — это хорошо... — добродушно улыбнулся Кондратьев и стал прислушиваться к далеким выстрелам со стороны электростанции. Они слышались четко, и эхо долго катилось по городу к Сулейман-горе. — Где ночуете?

— Здесь,— отозвался Четвертаков, положив ладонь на стол.

— Не возражаю. — Кондратьев собирался пригласить его к себе домой, но подумал, что под охраной часового и дежурного уполномоченному будет безопасней. — Завтра с утра обо всем и договоримся. — Кондратьев легонько хлопнул Четвертакова большой ладонью по плечу, пожелав гостю на прощанье спокойной ночи.

Четвертаков покосился на стоявший в углу диван с потертой обшивкой, повесил на спинку стула кожаную тужурку, как вдруг неслышно вошла девушка.

— А вы здорово говорили. Только сейчас Николай Иванович прав: не легкое это дело, — девушка заговорила сочувственно и, кажется, собиралась помочь.

Она была среднего роста, с тонкими чертами лица, с изящно уложенной на голове темной косой, обута в ботинки со шнуровкой выше щиколоток. Четвертаков смотрел на нее с нескрываемым любопытством и не понимал, откуда она взялась в такой поздний час.

— А накурили, хоть топор вешай,—укоризненно произнесла девушка и подошла к окну открыть форточку.

— Что вы меня так удивленно рассматриваете? Я сегодня дежурю. Зовут меня Шура Чуракова, а вас Владимир Николаевич. Я не ошиблась?

— Зачем так официально,— запротестовал Четвертаков. — Володя. — Он протянул руку, ощутил ее узкую маленькую ладонь и удивился неожиданно крепкому пожатию.

Спать расхотелось. Еще во время беседы с Кондратьевым он думал о предстоящей встрече с городской молодежью и вот сейчас одна из будущих комсомолок уже встретилась. От нее можно узнать о других. Володя сел к столу.

— Мне просто повезло, что я встретил вас,— быстро заговорил он. — Ну рассказывайте же, рассказывайте.

— О чем? — искренне удивилась Шура. Она осторожно разглядывала Володю и теребила в руках батистовый платочек.

— О молодежи, конечно! Ведь я никого в городе не знаю. Начните с себя. Как вы-то пришли в революцию?

— От отца, наверное, это мне передалось,— грудной голос Шуры дрогнул, она вздохнула. — Он в 1906 году был выслан сюда из Баку за революционную деятельность. Здесь и умер через год. Тяжело пришлось матери, четверо нас у нее, я — старшая...

Четвертаков кивнул понимающе. Нить разговора на какое-то время оборвалась, но незаметно для самой себя Шура разговорилась. Она рассказала Володе о городе, наводненном частниками, спекулянтами, всякими приезжими. Девушка сделала несколько движений руками, по которым Володя безошибочно понял, кто такие эти приезжие в шляпках, в пенсне.

— Понимаете? Юг, Фергана, Ош, куда даже железной дороги нет. А рабочих в городе — раз-два и обчелся. Ушли на фронт, в Красную Армию. Даже бывший владелец электростанции Дряхлов остался на ней директором — некем заменить. Неделю ремонт там идет, поэтому и сидим при лампе. Но Вовка заверил меня, что свет сегодня обязательно будет. Что-то, видимо, у них там не ладится.

И словно опровергая утверждения Шуры, лампочка, скрытая незамысловатой люстрой, вдруг стала светиться, несколько раз мигнула и стала накаляться все ярче и ярче.

— Молодец Вовка! Сдержал слово! — Шура захлопала в ладоши.

— Кто же этот мой тезка, которому вы так искренне аплодируете? — поинтересовался Четвертаков и добавил: — Если не секрет, конечно.

— Какой там секрет. Я говорю о Володе Земскове. Мастер на все руки. И к тому же смелый, честный, прямой. А как он поет, танцует... — Шура запнулась и слегка покраснела: чего доброго этот

уполномоченный расценит ее слова как особую симпатию к Земскову. — Вот бы вам с кем поговорить. Все наши ребята Вовку обожают. А про что я вам говорила, совсем и неинтересно.

— Ну это вы напрасно,— запротестовал Четвертаков. — Очень даже интересно. — Он замолчал, думая о чем-то своем, и нить разговора снова оборвалась. — Скажите, электростанция далеко отсюда? — неожиданно спросил Шуру уполномоченный.

— Что? — не поняла Шура, занятая своими мыслями. — Электростанция? Напрямую совсем близко. Спуститься к Ак-Буре, перейти через мост... Постойте, а зачем вы об этом спрашиваете? Уж не думаете ли вы так поздно направиться туда? Не выйдет. Я за вас отвечаю.

— Пожалуй,— согласился Володя. — Понимаете, вы разбудили во мне интерес к Земскову и возникло желание поговорить с ним сейчас же. Но вы так ничего и не сказали про остальных, кто достоин быть комсомольцем. Вот, если бы вас спросили, кого вы готовы взять с собой в революцию, что бы вы ответили?

— Взять с собой в революцию,— повторила негромко Шура и задумалась. — Я вам назову тех, в ком уверена: Кудайберген Ниязов, Миша Михайличенко, Ваня Малышев, Боря Нестеренко, Даня Кордуб. На них всегда можно положиться. Джура Зайнабитдинов, Рашид Ишанханов, Хамид Шамсутдинов — боевые ребята. Ну и, конечно, Митя, брат мой. Отчаянный только сверх меры.

— А из девушек? — Володя не стал записывать и мысленно повторял про себя названные фамилии. Память у него была отличная.

— Лена Кириллова, Лиза Неупокоева. Ой, да

что это я разговорилась с вами. Знаете что, ложитесь-ка спать,— неожиданно закончила Шура. — Я дежурная, и вы обязаны мне подчиняться.

— Подчиняюсь,— улыбнулся Четвертаков. — Спасибо вам, Шура. Вы мне очень, очень помогли.

Шура подошла к двери, щелкнула выключателем. Комната погрузилась в темноту.

— Спокойной ночи,— произнесла она и, немного помолчав, тихо добавила: — И приятных вам снов.

На следующий день по городу разнеслись слухи о комсомоле. Гимназист Виктор Треногин доверительно рассказывал дружкам:

— Повстречался я вчера на почтово-дилижансной станции с приезжим из Скобелева. Он попросил показать, где находится штаб большевиков, угорком, как они называют. Слово за слово, он мне и рассказал, что теперь у городской молодежи будет свой Союз, коммунистический. И вот вам доказательство того, что это не пустые разговоры. — Треногин достал из нагрудного кармана вчетверо сложенный лист. — Это я со столба сорвал. Митька Чураков на каждом углу наклеивает такие бумажки. Читайте, дарю от щедрого сердца на память.

— Тэк-с, интересно,— протянул Виталий Кузнецов, сын бывшего чиновника городской управы. Стройный, степенный, одет по моде — в кожаную тужурку, галифе из чертовой кожи, на голове фуражка. К нему тянулись парни, по внешности не из бедных. Они дымили папиросами, говорили нарочито громко, так, чтобы слышали прохожие.

— «Омский уездно-городской комитет партии (большевиков),— читал вслух сорванное объяв-

ление Кузнецов,— приглашает всех желающих из числа молодежи обоего пола в бывшее офицерское собрание. Повестка дня: организация городского Коммунистического Союза Молодежи». Все понятно. Ваше мнение, господа, то бишь, товарищи?

Парни загалдели. Одни доказывали, что им там делать нечего, другие настаивали на том, что их присутствие необходимо.

— Теперь слушайте меня,— повысил голос Кузнецов. — Мое резюме — надо идти. Если, конечно, мы хотим знать о политической обстановке в городе, как говорят, из первых уст. Итак, встречаемся в семнадцать ноль-ноль у офицерского собрания. — Он достал массивные золотые часы, эффектно щелкнул крышкой, бросил небрежный взгляд на циферблат.

— Ого! — восхищенно протянул Треногин. — Вот это вещь. На что выменял?

— Этим не занимаюсь,— брезгливо скривил губы Кузнецов. — Фирма «Павел Буре». Родительский подарок в день моего восемнадцатилетия. Оревуар, друзья! До встречи!

К вечеру у городского клуба, который по-прежнему называли офицерским собранием, появились любопытные. Зал был открыт, но в него никто не входил —все ожидали руководителей уезда. На тополях бойко чирикали воробьи. Солнце уже опускалось за Сулейман-гору, окрашивая небо в пурпурные тона.

— Нехорошо поступает товарищ Кондратьев,— проговорил Кузнецов, доставая часы. — Все собрались, а «их» нет.

Только что подошедший Виктор Треногин многозначительно сообщил:

Токтогул Сатылганов атындагы Ош облустук китепканасы
ИНВ № 341383

— Мы — не все. Все — там,— он кивнул в сторону угоркома.

— То есть, как это? — растерянно протянул Кузнецов.

— А очень просто. В угорком пригласили, как говорится, молодых пролетариев города. Вот они там сейчас, надо полагать, и соединяются.

— Врешь,— не поверил Кузнецов.

— Не знаешь, а говоришь. Сам видел,— оскорбился Треногин.

— Зачем же тогда нас приглашали? — спросил кто-то с обидой.

— Спокойно. Без нас не обойдутся,— быстро оправился от растерянности Кузнецов. — Будем ждать хотя бы всю ночь.

Он одернул тужурку, изучающе оглядел собравшихся. Заметив девушек у крыльца, осклабился, приподнял фуражку.

Из-за поворота улицы показался Четвертаков в окружении стайки ребят. Следом, немного поодаль, шел Кондратьев и командир отряда Красной Гвардии Иван Бондарев. Он о чем-то возбужденно докладывал председателю, то и дело показывая в сторону Сулейманки.

Все гурьбой повалили в зал. На сцену прошли Кондратьев и Четвертаков. Захлопали откидные сидения кресел, зал ожил, наполнился приглушенными голосами. Кузнецов сел рядом с Лизой Неупокоевой, произнес вежливо вполголоса:

— Бонжур. Рад вас видеть.

— Ах, и вы здесь? Вот уж не ожидала... — иронически отозвалась Лиза. На ее удивительно белом лице с продолговатыми глазами проступал чуть заметный румянец.

— Я не мог оставаться в стороне в этот важный для всех нас момент, когда...

— Тише,— перебила Лиза. Она бросила взгляд на сцену. Кондратьев прошел к краю сцены, дождался тишины и без всяких предисловий начал:

— В грозный час, товарищи, собрали мы вас. Снова подняли голову недобитые курбаши. От всех нас требуется сейчас предельная выдержка и организованность. — И Кондратьев сообщил, что басмачи в любой момент могут напасть на город, рассказал о той тяжелой обстановке, которая сложилась в уезде.

— И в этих условиях,— продолжал он,— каждый из вас, сынов и дочерей революционного народа, должен найти свое место в жизни. И решить эту задачу призван Союз молодежи. А что это за Союз, мы попросим рассказать представителя обкома комсомола.

Володя Четвертаков не стал ничего говорить ни о басмачах, ни об английских интервентах в Закаспье. Зато увлеченно рассказал о комсомольцах Петрограда, Иваново, Ташкента, о тех парнях и девушках, которые борются за свое будущее, не захотели его ждать, сложа руки.

— Мы и есть будущее нашей Республики Советов,— сказал он. — Сегодня мы становимся своим будущим. Но для этого нам нужна организованность, для этого мы должны вырабатывать в себе идейную убежденность, преданность делу большевистской партии, и, конечно же, дисциплину.

Потом выступил Кудайберген Ниязов, сын кузнеца. «Вот это здоровяк. Настоящий палван!» — восхищенно подумал Четвертаков, когда Кудайберген поднялся на сцену.

Ниязов, энергичным жестом сбросив со лба густые кольца черных волос, волнуясь, заговорил:

— Я так скажу. Комсомол — это хорошо. Я, Ишанхан, Хамид, Алимджан — мы все будем вступать в Союз. Мы хотим учиться, хотим жить и работать свободно. И всегда быть вместе. Русский, киргиз, узбек — все как братья. Я правильно говорю?

— Правильно! Молодец, Кудайберген! — поддержал его с места Митя Чураков.

Неожиданно слово попросил Кузнецов. Четвертаков вопросительно глянул на Кондратьева, тот утвердительно кивнул головой. Говорил Кузнецов долго и путано. Смысл его выступления был ясен в самом начале. Он предлагал избрать такой комитет, на который бы не распространялось воздействие партии большевиков.

— Молодежь по своему складу никогда не мирилась и не будет мириться с каким бы то ни было насилием над ней,— доказывал Кузнецов. — Свобода действий и убеждений — только на этих условиях мы согласимся быть в Союзе молодежи.

В зале зашумели, заговорили все разом. Особенно старались дружки Кузнецова. Выкрикивая, они протиснулись к самой сцене и, было похоже, готовились сорвать собрание. Напрасно Кондратьев призывал к порядку, постукивая стаканом о графин. Страсти в зале накалялись. Казалось, дело может дойти до потасовки. Виктор Треногин вцепился в рубаху одного из парней и призывал дружков последовать его примеру.

Внезапно раздались один за другим три выстрела. Они гулким эхом прокатились по залу. Шум оборвался, наступила тишина.

— Кто стрелял? — раздался взволнованный бас Кондратьева.

По узкому проходу быстро пробирался командир красногвардейского отряда Иван Бондарев. Все увидели, как он, поднявшись на сцену, вложил в кобуру револьвер.

— В чем дело? Почему позволяете такое? Вы понимаете, как это могут расценить? — возмутился Кондратьев, не дав Бондареву открыть рта.

— А что же мне оставалось?.. — смущенно объяснил Бондарев. — Басмачи идут на город, сведения достоверные. Я поднял отряд в ружье и к вам. Вбегаю, а здесь такое творится, сразу и не разберешь. Ералаш, одним словом. Вот и пришлось... Так что, я за вами, Николай Иванович.

— Через пять минут я буду в крепости. Резервное оружие получили?

— Маловато... И не выдавать же его кому попало. Вы же сами говорили...

— Не кому попало,— перебил Кондратьев,— а вполне надежным товарищам. Идите в крепость. — И, уже обращаясь к молодежи, добавил: — Товарищи, повторяю, обстановка сложная, и у нас нет времени разводить дебаты. Вопрос стоит так: есть среди вас те, кто готов сейчас же с оружием в руках, с риском для жизни защищать Советскую власть?

На сцену вскинулся Володя Земсков. Он поправил непокорный чуб и глухо произнес:

— Товарищ Кондратьев, да мы все, как один...

Председатель спрыгнул со сцены прямо в толпу и пошел через нее, как плуг, оставляя глубокую борозду. И уже по этой борозде, следом за ним, решительно двинулись один за другим Володя Зем-

сков, Митя Чураков, Кудайберген Ниязов, Даня Кордуб, Боря Нестеренко, Ваня Малышев, Миша Михайличенко, Рашид Ишанханов, Хамид Шамсутдинов. Земсков пропускал их мимо себя, стоя на выходе из зала, потом звонко выкрикнул:

— Мы — молодая гвардия рабочих и крестьян!

Обескураженный Кузнецов и его дружки вывалились на улицу, стали разбегаться и прятаться по укромным местам.

Город быстро пустел. Закрывались магазины и лавки, гремели засовы на воротах, кричали женщины, скликавшие детей.

А на окраине, в стороне Сулейманки, уже гремел бой. Первые комсомольцы Оша в этом бою получали пропуск в историю, хотя в те минуты они и не думали об этом. Они сражались с оружием в руках за светлое будущее.

* * *

К полудню десятого марта парни из компании Кузнецова снова собрались к городскому клубу. Они надеялись, что вчерашние дебаты продолжатся, ведь собрание было прервано из-за нападения басмачей на город. Узнав, что участники собрания приглашены в угорком, они пошли туда. По дороге доказывали друг другу, что их не поняли, оскорбили. Часовой на крыльце остановил их:

— У Кондратьева важное совещание. Посторонних пускать не велено.

— Как не велено? — возмутился Кузнецов. — Какие же мы посторонние? Мы должны быть там, поймите это, голова садовая!

Все заорали, двинулись на часового, но тот не

растерялся: вскинул винтовку, щелкнул затвором. Парни замерли. Кто-то попятился, за ним отступили другие. У крыльца остался один Кузнецов. В эту минуту он готов был погибнуть, но не уйти. В его голове промелькнула мысль: «погибну за народ». Такие слова часто произносились в его доме, когда тайком собирались друзья отца.

— Мне нужно к председателю,— сказал он спокойно часовому. — Это очень важно.

— Один — иди. — Часовой опустил винтовку.

Кузнецов прошел нарочно близко, даже слегка задел часового плечом. Он знал, что на него смотрят и постарался подняться в глазах дружков.

В кабинете Кондратьева было тесно. Юноши и девушки заняли все стулья, даже устроились на подоконниках. Председательствовал Земсков.

— Голосую,— спокойно сказал он. — Кто за предложенный состав нашего комитета? Против? Единогласно!

Кузнецов, на которого никто не обратил внимания, понял, что собрание заканчивается. Не выдержав, он выкрикнул:

— Комсомол так не делают! Где же демократия?

На него оглянулись, смотрели недоуменно. Земсков вышел из-за стола и, поправляя чуб, направился к Кузнецову.

— Не надо громких фраз,— Володя говорил тихо, глядя в упор на Кузнецова. — Вы себя вчера уже показали. Если вы за комсомол, почему же вас не было с нами? Иди и не мешай нам.

Кузнецову захотелось в ответ бросить что-либо обидное, но он не сразу нашелся. Он увидел строгие глаза других и понял, что озлоблять комсомольцев нельзя — будет хуже. На улице его ждали и ему

нельзя было возвращаться побежденным. Он повернулся и вышел.

— Все в порядке,— сказал он с крыльца, стараясь придать голосу тон уверенности. — Я же говорил, что без нас не обойдутся.

Парни обступили его, но он не стал объяснять, как и когда «не обойдутся» без них. Подмигнув дружкам, на которых можно было положиться, он увел их в переулок и там, на лавочке у какого-то дома, рассказал тут же придуманную «правду».

— Эти пролетарии хотят прижать нас, чтобы мы перед ними по струнке ходили. Девчат не трогать, на базар или в пивнушку — ни-ни, в парке не собираться и прочее. А кто не подчинится, тех на судилище.

— Это что же такое? — спросил гимназист Треногин.

— Вроде гражданской казни. Соберут народ и будут обсуждать все твои грехи.

— Ну, уж это... — Треногин запнулся, даже не смог сказать, как это называется. Он покраснел и собрался было оправдываться за те грехи, которые вспомнились, но Кузнецов не дал говорить, сам продолжил:

— Только зря они так. Ничего у них не выйдет, если мы тоже объединимся.

— Правильно. Мы свой комсомол создадим.— Треногин ободрился.

— Дурак,— ответил Кузнецов. — Комсомол — это что? Коммунистический Союз. У них устав. А ты намерен жить по уставу? То-то. Нам надо объединиться, чтобы сбить спесь с этого Земскова и еще кое с кого. Посчитать ребра одному-другому, остальные пардону попросят.

— Правильно,— быстро согласился Треногин. — Можно сегодня вечером...

— Начнем с уполномоченного,— подсказал его брат. — С Четверухина.

— Четвертакова,— поправил Кузнецов и укоризненно покачал головой. — Эх, головы садовые... Уполномоченный — это же, считай, Советская власть. За него запросто в тюрьму загремишь. Думать надо...

И парни задумались, потом решили, что безопаснее всего начать с Земскова. За него ничего не будет.

...Вечер выдался по-весеннему темный. Черная земля поглощала свет звезд. Город затих рано, нигде не светились окна, молчали собаки, улицы, как глухие овраги, пахли сыростью. На одной из них, где жил Земсков, кто-то тихо свистнул, потом послышался настойчивый стук в калитку. Собаки отозвались разноголосым лаем.

— Кто там? — раздался из глубины двора старческий хрипловатый голос.

— Володьку в угорком вызывают,— отозвался Треногин.

— Нету Володьки. Не пришел еще...

— Ты за кем следил? — прошипел Кузнецов на Треногина.

— Ей-богу, дома он. Своими глазами видел.

— Что же делать? — спросил Кузнецов. Их было четверо. Они сгрудились у калитки, замолчали.

— Может окна пересчитать? — предложил Треногин, когда бездействие утомило его. Он нагнулся, пошарил под ногами, поднял камень. — Вы меня только подсадите на дувал, а там я управлюсь.

— Я тебе управлюсь...— голос прозвучал в сто-

роне, но каждому из дружков Кузнецова показалось, что Земсков стоял рядом и произнес эти слова в самое ухо.

Они вздрогнули, обернулись. Их глаза, привыкшие к темноте, различили и даже узнали рослого Кудайбергена, тонкого Митю Чуракова, плотного Дано Кордуба, за ними Ишанхана, Хамида, а ближе всех самого Земскова. В его опущенной руке тускло поблескивал наган. Глаза парней остановились на этом пятне и не могли оторваться. Земсков догадался, почему парни онемели.

— Да вы не бойтесь,— сказал он. — Это оружие мы достали в бою и в бою будем применять его. Вы нам хотите навязать бой? Не советуем.

Кудайберген поднял над головой винтовку.

— Будем бить, как басмачей,— добавил он.

— Кто не с нами, тот против нас,— сказал Боря Нестеренко. Комсомольцы сдвинулись с места, приближались.

— Уходите по-хорошему. Последний раз предупреждаем,— говорил Земсков.

Парни ушли. В них кипела злоба, ей требовался выход, и они нашли на ком сорвать зло. Им на глаза попалась бездомная собака. Они погнались за ней, кидая в след камни, а потом почувствовали себя еще хуже, словно осознали, каково было собаке.

* * *

Их было 28, первых комсомольцев Оша, 23 парня и 5 девушек. Быть первыми всегда не легко. Их запугивали, на них клеветали. Особенно трудно приходилось девушкам. Их байкотировали обыватели, от них сторонились на улицах, им угрожали распра-

вой. Преодолевать трудности комсомольцам помогали твердость духа, убежденность в своей правоте, постоянная помощь ошских коммунистов.

Сразу же встал вопрос: с чего начинать, что делать? На собраниях горячо спорили, каждый вносил предложение и отстаивал его. Не приняв окончательного решения, шли в уездно-городской комитет, в ревком, требовали живой работы, такой, чтобы дух захватило, чтобы видели друзья и недруги силу коллективизма.

Руководители уезда внимательно выслушивали комсомольцев, ненавязчиво советовали, на что следует в первую очередь обратить внимание, как разбудить инициативу у всей городской молодежи. При поддержке ошских коммунистов 12 комсомольцев вступили в отряд Красной Гвардии. Кто был помоложе также не остались без дела. Участвовали в отвлечении молодежи от церкви и мечетей, от соблюдения религиозных обрядов. Вели борьбу со спекуляцией и саботажем. Выявляли лиц, враждебно настроенных к Советской власти. Масштабы деятельности юной комсомолии росли, ширились с каждым днем.

Крайне напряженным в уезде было положение с заготовкой хлеба, который прятали кулаки и баи. Особая продовольственная комиссия Ошского продрайона привлекла на помощь комсомольцев, молодежь города. И они влились в продотряды, выезжали в кишлаки и села, выявляли скрытый богатеями хлеб.

О напряженной, наполненной глубоким смыслом работе первых комсомольцев свидетельствуют их воспоминания. Рассказывает Александра Дмитриевна Чуракова:

«...Поначалу, кажется, вся культурно-просветительная работа в городе была отдана на откуп муллам и ишанам, попам и раввинам. Поэтому комсомольцы всячески старались нести в народ слова правды.

По нашей инициативе проводились субботники по благоустройству общественных мест. Своими силами мы организовывали вечера самодеятельности, спектакли, лотереи. Сбор от этих мероприятий поступал в фонд обороны Туркестана. Часть отчислений шла на местные нужды: в дома приюта, детдомы.

По призыву ревкома комсомольцы ремонтировали поврежденные басмачами дороги и мосты. Нам говорили: «Надо ехать на заготовку дров, с топливом тяжело». И мы ехали в горы на подводах, рубили лес и привозили дрова».

Но самой почетной комсомольцы считали задачу защищать с оружием в руках завоевания Октября от посягательства внутренней и внешней контрреволюции, от басмаческих банд и их приспешников.

Вспоминает комсомолец двадцатых годов Хамид Хаджиевич Шамсутдинов:

«...Мы были верной опорой органов ВЧК по борьбе с контрреволюцией. Нередко принимали участие в засадах в старом городе, громили басмачей при первом же их появлении. Когда летом 1919 года была создана партийно-комсомольская дружина по борьбе с басмачеством на территории уезда, в нее влилась большая часть членов городской комсомольской ячейки».

Голод, холод, разруха, разного рода панические слухи, опустошительные набеги басмачей на старый город — ничто не могло сломить боевого духа ош-

ских комсомольцев, их уверенности в окончательной победе социалистической революции.

Уездный комитет партии выделил под молодежный штаб помещение на улице Скобелевской в бывшем магазине Щукина. В этот штаб группами и поодиночке приходили юноши и девушки, просили принять их в комсомол. Желающих вступить в Коммунистический Союз Молодежи проверяли на конкретных поручениях и затем торжественно принимали в свои ряды.

19 апреля 1920 года в город Ош прибыл член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, командующий Туркестанским фронтом Михаил Васильевич Фрунзе. О встрече ошских комсомольцев с выдающимся полководцем вспоминает Дмитрий Дмитриевич Чураков:

«На следующий день М. В. Фрунзе выступил на городском митинге. Случилось так, что, когда он появился, трибуна не была готова. И тогда Кудайберген не растерялся: он подвел к командующему фронтом рослого оседланного коня. М. В. Фрунзе пожал руку киргизскому юноше и легко вскочил на коня. Говорил он около получаса. После митинга мы плотным кольцом окружили Михаила Васильевича и засыпали его вопросами. Рядом со мной находились, как сейчас помню, Ваня Малышев, Володя Земсков, Хамид Шамсутдинов. На прощанье, обращаясь к нам, М. В. Фрунзе сказал: «Правильный путь вы избрали. Желаю вам успехов, товарищи!»

* * *

В первых числах декабря 1920 года, когда басмачество стало наживать себя, снова у городского клуба

собралась ошская молодежь. Над входом в клуб алело полотнище, на котором бросалось в глаза поздравление: «Горячий привет делегатам первого съезда комсомола Ошского уезда!»

У входа в клуб играл оркестр. Марш сменялся полькой, полька вальсом.

Пятьдесят делегатов представляли на съезде триста членов комсомола и среди них были те, кто первыми записался в Союз в кабинете председателя уторкома партии. Докладчик зачитал делегатам речь Владимира Ильича Ленина на III съезде РКСМ:

— Союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму! — звучал под сводами зала голос докладчика. — Надо, чтобы Коммунистический Союз Молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде...

Делегаты съезда дали клятву с честью выполнять это ленинское указание. А потом под сводами зала зазвучал знакомый каждому мотив, звонкие молодые голоса дружно пели: «Мы наш, мы новый мир построим...»

Ленинский завет — учиться коммунизму — ошские комсомольцы пронесли через всю свою жизнь. Вооруженная борьба с басмачеством вырвала из комсомольских рядов немало юношей. О тех, кто пал смертью храбрых и кто продолжал сражаться за дело революции, рассказывается в этой книге.

ОШСКИЕ ЗОРИ

1

Поезд из Андижана прибыл в Кара-Су далеко за полдень. На вагонов высыпали пассажиры с мешками и котомками в руках, последним сошел на платформу молодой человек в кожаной тужурке, перехваченной ремнем. На правом боку виднелась кобура. В одной руке он держал новенький саквояж, другой поправлял кубанку, из-под которой выбивался темный чуб.

Он огляделся, увидел неподалеку дилижанс и направился к нему. Дилижанс курсировал между Ошом и Кара-Су дважды в неделю. Под охраной милиции он перевозил почту и пассажиров.

Время было тревожное, вокруг рыскали басмаческие шайки.

Ош встретил приезжего яркими красками юга. Буйно цвели сады, насыщая сухой воздух тонким ароматом. Словно огромные бунты ваты, в небесной голубизне застыли тугие облака. На востоке бледнели очертания снежных гор. Вдоль улочек, стиснутых высокими дувалами, журчали арыки. Серая громада Сулейман-горы купалась в лучах уходящего солнца.

Дилижанс подъехал к уездно-городскому комитету партии. На фасадной стене здания пестрели наклеенные распоряжения местных властей. В глаза бросался заголовок, набранный крупным шрифтом: «Обращение Коммунистической партии Туркестана к рабочей и дехканской молодежи». Приезжий заинтересовался, стал читать: «...В борьбе против нашего общего врага — басмачества — молодежь не должна быть на последнем месте.

Ни одного молодого дехканина не должно быть в басмаческом отряде!

Рабочая молодежь! Смотри зорко за развертывающимися событиями!

По первому зову будьте готовы к общей борьбе против курбашей! Вступайте в народную милицию и в добровольческие отряды! Крепче держите в руках винтовку!»

Под текстом обращения имелась приписка чернилами: «Запись в отряд милиции производится в ревкоме ежедневно с 10 ч. до 12 ч. у тов. Бондарева».

В приемной председателя комитета партии за небольшим столиком сидела смуглая девушка в батистовом платье с отложным воротником. Она

бросила мимолетный взгляд на вошедшего и продолжала что-то писать.

— Добрый вечер,— произнес он. — Неотложное дело к товарищу Кондратьеву. Прибыл из обкома партии.

Девушка подняла голову, внимательно посмотрела на незнакомца. Выше среднего роста, широкоплеч, лицо круглое, глаза серые.

— Николай Иванович занят. Подождите немного,— сухо сказала она.

Посетитель поставил на пол саквояж, достал из брючного кармана портсигар, собрался закурить. Девушка молча указала на стену перед собой. Он обернулся и увидел табличку: «Здесь не курят», понимающе кивнул головой.

Девушка не удержалась и лукаво улыбнулась. На матовой коже лица вспыхнул нежный румянец, на щеках проступили ямочки.

— Извините. Не обратил внимания. Пойду подымлю на крыльцо,— сказал мужчина. — Саквояж, с вашего разрешения, оставлю. Не помешает?

— Ни капельки. Сохранность гарантирую,— в тон ему ответила девушка.

Председатель комитета Кондратьев просматривал свежую почту. Не торопясь, он знакомился с докладными, ходатайствами, официальными письмами. Отмечал в настольном календаре кому и что конкретно нужно сделать, звонил по телефону, советовался, разъяснял, требовал.

По совместительству он заведовал сеце и военным отделом райкома. Остро ощущалась нехватка грамотных кадров, и многим коммунистам приходилось занимать две-три должности.

Рабочий день председателя начинался рано. В

первой половине дня он принимал посетителей, решал текущие вопросы, потом его видели на электростанции, в пекарне, в продовольственном комитете, в крепости.

К вечеру Кондратьев уединялся в кабинете и, пока не прочитывал поступившую почту, никого не принимал.

Осталось ознакомиться с двумя документами. Он взял один из них, поднес к глазам. Зарябили фиолетовые строчки, отпечатанные на машинке: «Доводим до вашего сведения содержание декрета СНК РСФСР о Советской Рабоче-Крестьянской милиции...»

Буквы сливались. Кондратьев встал, щелкнул выключателем. Под потолком вспыхнула яркая лампочка. Сосредоточившись, он продолжил чтение декрета: «В целях более успешной борьбы с преступностью и для улучшения состава Рабоче-Крестьянской милиции Совет Народных Комиссаров постановляет...»

Дальше шли пункты декрета. Последний пункт Кондратьев подчеркнул красным карандашом. Он гласил: «Части милиции, находящиеся в районе боевых действий, могут быть привлекаемы, если это вызовется требованиями обстановки, в районах своей постоянной службы к участию в боевых действиях совместно с Красной Армией». В конце сообщалось, что декрет подписал Председатель СНК РСФСР В. Ульянов (Ленин), и указывалась дата — 3 апреля 1919 года.

Кондратьев бросил взгляд на календарь, подумал, что почта из Москвы идет все же долго.

Донесение заведующего пунктом особого отдела Туркфронта Лебедева заставило Кондратьева

насторожиться. «По достоверным сведениям,— сообщал Лебедев,— банда Хал-Ходжи намеревается в ближайшие дни совершить налет на старый город. Необходимо срочно усилить численность караула южных застав».

Кондратьев позвонил в крепость, попросил дежурного найти Ситняковского и явиться к нему. Прогоняя усталость, он потер переносицу и постучал по кнопке настольного звонка. Дверь кабинета приоткрылась.

— Леночка,— обратился Кондратьев к девушке,— чаю, пожалуйста. Ко мне есть кто-нибудь?

— Ждет один товарищ. Говорит, из обкома партии.

— Пусть зайдет.

Приезжий вошел в кабинет. Жестом руки Кондратьев указал на стул за приставным столиком, приглашая сесть.

— Слушаю вас,— произнес Кондратьев.

Посетитель вынул из кармана тужурки мандат и подал Кондратьеву:

— Здесь все сказано.

Кондратьев пробежал глазами содержание мандата: «Настоящим удостоверяется, что предъявитель сего член РКП (б) товарищ Добрынин Александр Константинович направляется Ферганским обкомом Коммунистической партии Туркестана в распоряжение Ошского ревкома на должность начальника уездной милиции и наделяется всеми вытекающими из этого полномочиями».

— Здравствуйте, товарищ Добрынин! — обрадовался Кондратьев. — Как добрались? Благополучно?

— Нормально. Без происшествий. — Добрынин

снял кубанку, подумал, куда бы ее деть, и положил на стол.

— Мы вас ждали. Даже место в гостинице забронировали. — Кондратьев задержал взгляд на левой кисти Добрынина, там был вытатуирован якорь. — Из военных моряков?

— А-а, вы про это? — Добрынин скосил глаза на татуировку, пояснил: — Память о Каспийском море. Плавал на коммерческих судах компании «Кавказ и Меркурий». Порт приписки — Баку.

— Как же в здешних краях оказались?

— Очень просто. — Добрынин чувствовал себя с Кондратьевым непринужденно, словно они были знакомы много лет. — В двенадцатом году выслали в административном порядке в Туркестан. За распространение большевистских листовок. Работал на угольных копях в Кызыл-Кия.

— Что же потом?

— Началась германская война, призвали в действующую армию. Попал на Северо-Западный фронт. Воевал. Был контужен. Вернулся в Фергану. После революции послали в Сулюкту, командовал там партийной дружиной. Полгода назад обком отозвал в свое распоряжение, возложили на меня охрану города Скобелева. Теперь вот к вам...

— Выходит, успели многое повидать. Такие люди нам вот как нужны,— Кондратьев провел ребром ладони по горлу.

Неслышно открылась дверь. Вошла девушка с подносом в руках, быстро и ловко поставила на стол фарфоровый чайник, стаканы в подстаканниках, блюдца. В одном — сушеный мясистый урюк, в другом — нарезанный ломтиками ржаной хлеб.

— Угощайтесь,— предложил он Добрынину. —

Правда, чай не натуральный, фруктовый, да и сахара, к сожалению, нет. Но, чем богаты, тем и рады.

— Одну минуточку. Я сейчас...— встрепенулся Добрынин. Он поспешно встал и вышел в приемную. Кондратьев непонимающе смотрел ему в след.

Добрынин тут же вернулся с небольшими кульками. Поставил на стол и, заглядывая в них, стал перечислять:

— Копченая колбаса. Белый хлеб. Яйца вареные. Здесь пиленый сахар. Это галеты. А здесь что? Ага, масло крестьянское в банке. Гулять так гулять! И не смейте отказываться, обидите.

— Где это вы умудрились раздобыть столько богатства? В Сколопено, наверное? — спросил Кондратьев.

— Ближе,— намазывая масло на хлеб, отозвался Добрынин. — В Андижане. На привокзальном рынке у спекулянтов. За деньги, конечно.

— Да, спекулянты — бич для простого народа.— Желтоватые глаза на сухощавом лице Кондратьева вспыхнули гневными искорками. Искорки тут же погасли. Он озабоченно спросил: — Вы хоть обедали? Формальный допрос нам устроил, а об этом не поинтересовался.

— Подкрепился в местной чайхане,— успокоил Добрынин,— но от чая не откажусь.

Добрынин уплетывал за обе щеки колбасу, яйца, хлеб с маслом и с шумом прихлебывал из стакана чай. Глядя на него, Кондратьев понял, что он проголодался и про чайхану попросту выдумал.

— Так вот, Александр Константинович,— допив чай, перешел на серьезный тон Кондратьев,— начинать нам придется, как говорится, с нуля. Обста-

новка в двух словах такова: на местах никакой милиции нет, в городе десяток милиционеров и небольшой гарнизон, а вокруг басмачи. Позарез нужен отряд милиции, способный умело маневрировать, чтобы не только отражать наскоки, но и самому наносить чувствительные удары по бандитам. Решение о создании отряда мы приняли до вас, а выполнять его придется вам. Сразу же настраивайте себя на преодоление трудностей, которые неизбежны в нашем деле.

— А я и не рассчитываю на легкую жизнь,— вспыхнул Добрынин. — Знаю, на что иду.

— Я вас не собираюсь запугивать. Это объективная оценка текущего момента,— Кондратьев сделал паузу и продолжал: — Нам нужна, как сказал Ленин, действительно народная милиция. Несмотря на бесчинства и жестокости басмачей, народ не сломлен. Он всей душой поддерживает Советскую власть, и на него мы прежде всего должны опираться в нашей работе. Очень важно привлечь в отряд мусульманскую молодежь. Кстати, вы местным языком владеете?

— Говорю по-татарски, так что считайте — владею.

— Вот как? — удивился Кондратьев. — Где же научились?

— На угольных копях половина горняков татары.

— Понятно. Так вот... принимайтесь за дело.

— Одному туговато придется.

— Вашим помощником будет товарищ Бондарев. Фронтовик, хорошо знает военное дело. Думаю, сработаетесь.

Наклонив голову, Добрынин думал о том, что

сказал Кондратьев. Он хотел спросить, где намечена стоянка отряда, но дверь кабинета открылась, и вошел военный. На зеленом френче выделялись ремни кавалерийской портупеи, на левом боку сабля, на ногах хромовые сапоги со шпорами. Военный сделал два шага вперед, стукнул каблуком о каблук, шпоры звякнули. Чеканя слова, он доложил:

— Прибыл по вашему вызову, товарищ председатель!

— Весьма кстати. Проходите, Алексей Зиновьевич. — Кондратьев вышел из-за стола, взял военного за локоть, подвел к Добрынину. — Знакомьтесь: наш новый начальник уездной милиции товарищ Добрынин. Только что прибыл из Скобелева. А это начальник Ошского боевого участка товарищ Ситняковский.

— Рад знакомству,— военный снова щелкнул каблуками.

— Вам, товарищи, придется работать в тесном контакте,— Кондратьев прошелся по кабинету и остановился перед Ситняковским. — Я вас пригласил по делу, не терпящему отлагательства. Необходимо сегодня же усилить седьмую и восьмую заставы. Вы понимаете?

— Понимаю, товарищ председатель. Но... где прикажете взять людей? Вы отлично знаете: двенадцать застав, патрулирование по улицам, дежурство в крепости, и в моем распоряжении всего сотня красноармейцев. Возможно, ложная тревога? Хал-Ходжа затаился, он Аравана и активности не проявляет.

— Вот именно — затаился. Вас это не настораживает? Может и обрушиться на город,— Кондратьев

ев испытующе смотрел на Ситняковского. — Думаю, что никакой беды не произойдет, если уменьшить численность охраны на второстепенных заставах. Пораскиньте, как лучше это сделать. Вам видней.

— Будет исполнено, товарищ председатель. Разрешите идти?

— Идите. Кстати, если вас не затруднит, проводите товарища Добрынина до гостиницы. Он в городе человек новый.

— С большим удовольствием,— охотно согласился Ситняковский.

Закрыв за ними дверь, Кондратьев подошел к окну, распахнул его. Город затихал. Сиреневые сумерки сгущались. Привычно шумела Ак-Бура. Где-то далеко протяжно ревели карнаи. «Свадьба,— подумал Кондратьев. — Удивительно: борьба с басмачеством и свадьба. У жизни своя логика, она не считается с войной».

На следующий день Добрынин встретился с Бондаревым. То и дело подкручивая кончики темных усов, Бондарев охотно стал рассказывать, что в отряд милиции записалось двадцать восемь человек, но пока нет ни помещения, ни коней, ни оружия.

— Выходит, и отряда нет,— помрачнел Добрынин. — Голыми руками басмачей не возьмешь. Во что же все дело упирается?

— В крючкотворов. Души чернильные сидят везде! — неожиданно взорвался Бондарев. — Ревком обязал коммунальное управление подыскать для отряда стоянку, а там и в ус не дуют. А дача за Ак-Бурой уже сколько времени пустует.

— Какая дача? — заинтересовался Добрынин.

— Да бывшего уездного начальника. Никто на нее и не зарится, потому как на отшибе. А там и конюшня, и площадки для выездки, и под казарму постройки можно приспособить.

— Допустим, дачу отведут отряду,— вслух размышлял Добрынин. — Но, опять-таки, ни коней, ни оружия.

— Насчет коней поинтересуйтесь у Ситняковского. Только осторожно, не в лоб,— посоветовал Бондарев. — Оружие тоже есть, правда, винтовки. Их берегут для партийной дружины. А для отряда милиции карабины кавалерийские нужны. Говорят, есть такие в Скобелеве. У вас в штабе Ферганского фронта никого знакомых нет?

— Над этим надо подумать. — Добрынин почесал в затылке. — Местных много записалось в отряд?

— Все местные, городские,— довольным тоном ответил Бондарев. — Ребята подобрались один к одному.

— Я спрашиваю про мусульманских товарищей.

— Этих маловато.

— Плохо. Не желают?

— Не в этом дело. Разъяснительной работы никто с ними не ведет.

— Я так и подумал. Сами в кишлаки выезжали?

— Да что вы в самом деле! — снова взорвался Бондарев. — Все заботы навалили на меня одного. Верчусь, как белка в колесе, разве я могу везде успеть?

— Я вас не упрекаю,— понимающе сказал Добрынин. — Вместе проедем, потолкуем с народом, объясним. Как смотришь на это, Иван Лаврентьевич?

— Только одобряю,— повеселел Бондарев. — Вдвоем легче будет.

— Вот о чем хочу попросить,— произнес Добрынин. — Нужен мне толковый ординарец, обязательно из местных, из мусульман. Есть у тебя такой на примете?

Бондарев подумал и сказал:

— По всем статьям подойдет Хамид Шамсутдинов. Шустрый паренек. Сирота. Натерпелся лиха. Между прочим, учился в русско-туземной школе.

— Пришли его ко мне в гостиницу.

Под вечер по приглашению Ситняковского Добрынин побывал в крепости.

— Через час начнется развод ночного караула. Вам будет полезно увидеть эту церемонию. — Ситняковский был оживлен, глаза его подозрительно поблескивали. — Пойдемте, я покажу вам нашу цитадель. Оказывается, вы были начальником охраны в Скобелеве?

— Довелось,— подтвердил Добрынин и подумал: «Уже успел собрать информацию обо мне».

Они шли вдоль казарм. Ситняковский не спеша рассказывал:

— Месяц назад здесь никакой крепости не было. Точнее, стояли одни казармы. Басмачи могли в любой момент навалиться и перестрелять весь гарнизон. Теперь, сами видите, иной коленкор. Казармы соединили стенами из сырого кирпича. В стене — бойницы, на стыках — площадки с пулеметами. Получилось вполне приличное оборонительное сооружение. Вряд ли бандиты теперь сунутся сюда.

— Кто же подал мысль о крепости? — спросил Добрынин, чтобы поддержать разговор.

— Даже не интересовался. Как и вы, я здесь че-

ловек сравнительно новый. Всего три недели как вступил в командование боевым участком. Направлен штабом Ферганского фронта.

Добрынин украдкой разглядывал Ситняковского. Чистое, выбритое до синевы лицо. Усы, цвета спелой пшеницы, напомажены. Тонкие розовые губы при разговоре без причины кривились. Еще в кабинете Кондратьева у Добрынина мелькнула смутная догадка о Ситняковском и, чтобы проверить ее, он спросил:

— Скажите, вы военспец?

— Угадали,— безразлично отозвался Ситняковский. — До революции служил в казачьем полку в чине есаула. Черт побери, какая жизнь была! Нет, это не сожаление о безвозвратном прошлом, с прошлым я окончательно порвал, но что было, то было и не сразу померкнет в памяти. Говоря между нами, рассчитывал на большее, но... Судьба бросала меня из одной дыры в другую и, наконец, кинула сюда, на край земли. Разве Николай Иванович ничего не рассказывал обо мне?

— О нас разговора не было,— ответил Добрынин и, меняя тему разговора, указал на длинную приземистую постройку:

— Конюшня?

— Так точно.

— И много строевых коней?

— Какой там! Всего три десятка и столько же трофейных. Отбили у басмачей. Но я распорядился наложить на них карантин, чтобы, чего доброго, не реквизировали местные власти. — И вдруг безо всякой связи с предыдущим Ситняковский спросил: — Александр Константинович, сколько вам лет?

— Двадцать шесть. А что? — насторожился Добрынин.

— Не дал бы. Выглядите старше. Впрочем, суть не в этом. Я ведь вас пригласил по делу. Командного состава у меня в обрез. Как на грех, вышел из строя по болезни командир полуроты, а ему завтра в ночь заступать в караул. Вот я и подумал о вас. Выручайте. Сразу же войдете в курс наших дел. Согласны?

— Если это не противоречит существующим у вас порядкам, возражать не стану.

— Не только не противоречит, а соответствует,— успокоил Ситняковский. — К несению дежурства в карауле привлекаются товарищи из партийного актива. Завтра днем проедем по заставам. Конь у вас есть?

— Еще не обзавелся.

— Это я устрою в два счета,— заверил Ситняковский. — Так и быть, лучший трофейный конь будет ваш.

В душе Добрынин поразился такой щедрости и оказанному вниманию, но вслух все же поблагодарил Ситняковского.

— Благодарить потом будете,— снисходительно сказал Ситняковский.— Если что понадобится, безо всякого стеснения обращайтесь ко мне. Выражаю надежду, что мы будем друзьями. Пойдемте на плац, посмотрите мое войско.

2

Утром следующего дня Добрынин побывал у председателя ревкома Савелия Михайличенко, поставил его в известность о ночном дежурстве. От

него пошел в крепость: не терпелось увидеть обещанного коня. Ситняковский встретил его радушно.

— Могу угостить шустовским коньяком. Не желаете? Повышает жизненный тонус.

— С утра не употребляю,— вежливо отказался Добрынин.

— Не смею настаивать. Прошу следовать за мной. Сейчас я вам что-то покажу.

Когда из конюшни вывели рослого карабаира, у Добрынина загорелись глаза. Конь был и в самом деле хорош: вороной масти, шея крутая, ноги тонкие, во лбу белая звездочка. Он фыркал, настороженно шевелил ушами, косил на Добрынина умные глаза и нетерпеливо перебирал точеными ногами. Ситняковский ласково похлопал коня по холке.

— Что скажете, Александр Константинович?

— Великолепный экстерьер. Признаться, не ожидал увидеть такого красавца. Не иначе какой-то курбаши на нем гарцевал. — Добрынин испытывал приятное волнение.

— Вполне возможно,— согласился Ситняковский. — Рад, что смог угодить. Сейчас этого чертяку оседлают и поедем по шатанам.

Объезд начали с восточных шатан. Побывали на электростанции, потом на русском кладбище, спустились по каракатской дороге к пьян-базару.

— Название какое-то кабацкое,— удивился Добрынин. — Пьян-базар. С чего бы это?

— У каждого названия своя история,— стал объяснять Ситняковский.— Так стал именоваться базар лет десять назад. Право, не знаю из-за чего, но произошла здесь потасовка между пьяными солдатами местного гарнизона. Базар по соседству с казармами, как видите. Полицейские пытались уре-

зонить буянов, но какой там! Им тоже досталось. Тогда они кинулись к уездному начальнику: «Как быть?» Полковник Зайцев выслушал их рапорт и расхохотался. Будто бы он сказал при этом: «Выходит, весь базар пьяный». С его легкой руки и прилипло к базару такое кабацкое название. Сейчас от этого веселого базарчика мы прямиком выедем к Сулейман-горе.

На восьмой заставе Добрынин внимательно присмотрелся к местности. Застава располагалась под горой. Справа, вдоль дороги, ведущей на Араван, тянулись могильные холмы мусульманского кладбища. Слева простирался пустырь, за ним виднелись жилые постройки южной окраины.

«Пожалуй, этот пустырь самое уязвимое место,— размышлял Добрынин. — Через кладбище басмаческая конница не пройдет, а по пустырю раз плюнуть».

Андижанская, Кара-Суйская и Гульчинская заставы были самыми отдаленными от крепости и не менее уязвимыми, чем Араванская. Ситняковский обстоятельно охарактеризовал каждую из них, высказал предложения о вариантах защиты, путях отхода в случае успеха противника. Как бы подводя итог поездке, он глубоко вздохнул и признался:

— Видите, какое большое хозяйство. Разве угадаешь, где бандиты сунутся? Приходится распылять наличные силы. Не о таких масштабах я мечтал. Пятьсот лихих конников было у меня. А сейчас? Курам на смех: пешая рота Красной Армии и взвод красногвардейцев. А для обороны города на худой конец нужно иметь батальон пехоты. Вот так-то, милейший Александр Константинович. Попробуйте

влезть в мою шкуру и тогда все поймете... Едемте в крепость. Я вас угощу таким обедом, что пальчики оближете: наваристый борщ и гречневая каша, заправленная свиным салом. Устраивает?

— Не откажусь,— согласился Добрынин.

За полтора часа до развода караула Добрынина вызвали из крепости к Кондратьеву. Председатель комитета выглядел утомленным, под глазами залегли тени. В эти дни ему мало приходилось отдыхать. Он пожал Добрынину руку, указал на стул, но сам не сел. Слегка прищурив глаза и глядя на Добрынина сверху вниз, он спросил:

— Вам не кажется, Александр Константинович, что вы несколько преждевременно согласились на сегодняшнюю роль начальника караула?

Добрынин непонимающе смотрел на Кондратьева. Поборов подступившее волнение, он спокойно ответил:

— Считаю, что никакой ошибки этим шагом я не совершил. Ситняковский объяснил, что у него безвыходное положение... Отказываться не стал. Что в этом плохого?

— И все же вы поступили опрометчиво. Не сошелся же свет клином на Добрынине. Могли и без вас обойтись.

— Тогда объясните, в чем заключается моя опрометчивость,— в голосе Добрынина звучало нетерпение.

— Сейчас объясню,— Кондратьев сел напротив Добрынина.— Человек вы в городе новый. Вас здесь толком еще никто не знает, в том числе и начальник боевого участка. А у нас принято судить о человеке прежде всего по его делам. Согласны?

— Не возражаю,— утвердительно кивнул голо-

вой Добрынин, все еще не понимая, в чем он провинился.

— Стоит вам что-то недоглядеть, если хотите, переоценить свои способности, и тогда все заговорят: «Разве можно было ожидать промашки от такого опытного товарища? Кого к нам прислали?» Вы меня понимаете? Ведь вы ни города, ни людей не знаете.

— Позвольте,— не согласился Добрынин. — Вчера я был на разводе караула. Сегодня объехал вместе с Ситняковским все заставы. Я что-то не пойму вас, Николай Иванович. Скажите прямо: вы мне не доверяете?

— Никто так вопрос не ставит. Но чтобы вам был на будущее урок, стоило бы отстранить от дежурства.

— То есть, как?— опешил Добрынин.— А тогда как обо мне заговорят? Скажут: «Новый начальник милиции попросту струсил. Не пожелал взять на себя ответственность...» Да я сотню раз нес такое дежурство!

— Зачем эта бравада? — осадил Добрынина Кондратьев. — Слушайте меня внимательно. Стало известно, что Хал-Ходжа выступает на город сегодня в ночь. Пойдет по Араванской дороге. Следует предпринять меры для отражения палёта.

— Сведения достоверны? — остыв, спросил Добрынин.

— Человек, через которого они поступают, абсолютно надежен. Дезинформация исключена. Теперь вы понимаете, какая ответственность ложится на ваши плечи?

Добрынин машинально достал портсигар, но, вспомнив о табличке в приемной, тут же спрятал

его в карман. От внимания Кондратьева это не ускользнуло.

— Курите, не стесняйтесь,— разрешил он.

— Потерплю,— досадуя, сказал Добрынин.

— Как вы намерены действовать?

— На восьмой заставе необходимо установить пулемет,— ответил Добрынин. — Я намекал об этом Ситняковскому, но он не согласился. Говорит, нельзя оголять крепость. Но ведь у него три пулемета! Басмачи хорошо осведомлены, что заставы малочисленны, а мы им сюрприз преподнесем и шарахнем из «максима». И еще, потребуется десятка три гранат.

Кондратьев задумался. Встал из-за стола, прошелся по кабинету. Остановился. Снова зашагал.

— Пожалуй, ваше предложение стоит принять,— наконец сказал он. — Через полчаса состоится экстренное заседание уторкома. В помощь заставам направим партийный актив. Пулемет и гранаты у вас будут. Где вы намерены находиться?

— На восьмой заставе.

— Правильно. В помощь вам пошлем товарища Лебедева. Кстати, вы должны его знать, он был председателем оперативного штаба войск Ферганской области.

— Встречался.

— Думаю, найдете общий язык. Полагаемся на ваш опыт. Действуйте уверенно и решительно.

Подле разводя караула Добрынин поскакал на седьмую заставу. Его сопровождал ординарец Хамид Шамсутдинов, молодой узбек с тонкими красивыми чертами лица.

Бойцы заставы отдыхали, дымили самокрутками и о чем-то лениво переговаривались.

— Четырех бойцов я у вас забираю,— объявил Добрынин старшему группы.

— Это как же понимать? — запротестовал старший. — Ведь в случае чего нас опрокинут, и мы даже...

— Не паникуйте! — оборвал его Добрынин. — Через два-три часа придет подкрепление из городских товарищей. Получите у моего ординарца гранаты. При нападении сразу сигнальте ракетой. Я буду на восьмой заставе.

План операции по отражению бандитского налета Добрынин видел теперь четко. Он учитывал, что басмачи нередко пускались на хитрость. Под покровом ночи небольшая группа завязывала перестрелку вблизи от намеченного места прорыва. На выстрелы спешили бойцы с соседних застав, и тогда ударная сила налетчиков обрушивалась на ослабленный участок. Посеяв панику и смяв сопротивление защитников заставы, они врывались в город, и начинался грабеж. С награбленным добром, разбившись на группы, басмачи обходили стороной заставы и покидали город.

Трудно было предугадать, где они начнут просачиваться после грабежа. Поэтому главная задача заключалась в том, чтобы не дать возможности басмачам ворваться в город, где они рассеивались в лабиринте узких улочек.

Еще днем Добрынин прикинул, где удобнее всего установить пулемет, и теперь, в наступившей темноте, действовал безошибочно. Часть бойцов он решил выдвинуть вперед с таким рассчетом, чтобы весь пустырь оказался под обстрелом. И тогда басмачи окажутся в западне.

— Ничем себя не выдавайте. Затаитесь и жди-

те,— наставлял бойцов Добрынин.— Пойдут басмачи — пропустите. И только тогда бейте им в хвост. А мы ударим в грудь. Когда они повернут — шпарьте в грудь, а мы в хвост жару поддадим.

Город окутала густая чернильная темнота. На небе — ни звездочки. Даже очертания Сулейман-горы слились с темнотой.

Добрынин лежал за кипой хлопка и вслушивался в тишину. Донесся топот ног. Добрынин поднялся. К нему кто-то приближался, и отдаленно маячили темные фигуры людей.

— Где здесь Добрынин? — вполголоса спросил незнакомец.

— Я Добрынин.

— Будем знакомы! Лебедев. Принимайте подкрепление. Вместе со мной — десять коммунистов. Показывайте, где нам разместиться.

Добрынин без суеты провел коммунистов к кипам хлопка, указал каждому место. Теперь на заставе было двадцать четыре защитника, вдвое больше, чем на других.

Добрынин достал портсигар, угостил Лебедева папиросой. Огонек пламени от зажигалки осветил юное лицо Лебедева, человека необыкновенной биографии. Впрочем, его были обыкновенная биография и необыкновенное время.

В 17 лет он стал волонтером 413-го Ахтырского полка, в боях с кайзеровскими войсками был ранен и эвакуирован в Пермь. Грянула Октябрьская революция, и Лебедев стал командовать полковой разведкой Красной Армии, громил белоказаков под Троицком и Оренбургом. Под Актюбинском снова был ранен и попал в Ташкентский госпиталь.

На первом съезде Красной Армии Туркестана

его избрали членом Военного Совета республики. Направили в Фергану, а потом в Ош заведовать пунктом особого отдела Туркфронта. Шел в ту пору Лебедеву двадцатый год.

— Что-то я не вижу пулемета,— заметил Лебедев. — Где это вы его так ловко замаскировали?

— Идите за мной, сейчас разглядите,— Добрынин провел Лебедева к пулемету и, обращаясь к пожилому бойцу, которого приметил еще на разводе, спросил: — Как вы здесь? Не притомились?

— Третью ночь томимся,— ответил боец. — Ждать себя заставляют басмачи. Хитрющий он, этот Хал-Ходжа. Сколько раз слух пускал, что на город собрался идти, а сам отсиживался в своей берлоге, выжидал. Потом новый слух — будто на Андижан подался. Здесь его и ждать перестали, а он тут как тут. Налетел — и пошла резня. Сегодня, видать, не напрасно ждем.

— Откуда такая уверенность? — поинтересовался Лебедев.

— А пулемет, а гранаты для чего? И подкрепление зря не стали бы присылать. Вот и получается: басмач-то хитрый, но мы на этот раз перехитрим его. — В словах бойца звучала уверенность. На душе Добрынина стало спокойнее.

Томительно тянулись ночные часы. Под утро посвежело. Зеленоватый воздух медленно окрашивался в голубые тона. Четче стали очертания Сулейманки. В вершинах тополей еле слышно шелестел ветерок.

«Неужели Хал-Ходжа передумал? — засомневался Добрынин. — Или в последний момент решил другой дорогой идти?» Своими сомнениями он поделился с Лебедевым.

— Не мог передумать,— успокоил Лебедев. — Нам известны все его планы, а он даже не подозревает об этом.

В стороне седьмой заставы раздался булькающий выстрел. За ним другой, третий. В бледнеющее небо взвилась красная ракета. Грохнули подряд два взрыва. А на восьмой заставе было тихо.

Добрынин смотрел на дорогу и ждал. К сердцу подкрадывался холодок. Но вот явственно стал нарастать глухой грохот. Это могло означать только одно: на заставу мчался крупный отряд конницы.

Добрынин ждал этой минуты всю ночь. Все, что можно было продумать, предусмотреть и сделать,— было сделано. И все же червячок сомнения точил сердце: вдруг все произойдет по-другому?

Теперь он знал точно, что враг идет на восьмую заставу. Идет сюда, где все готово для отпора. Добрынин бросился к пулемету.

С тяжелым топотом — стремя к стремени — мчалась басмаческая конница. Сколько их? Сотня? Пустив коней в карьер, басмачи быстро приближались. На всем скаку они стреляли из карабинов и оглашали воздух дикими выкриками.

Лавина на глазах росла, стремительно надвигалась на заставу сплошной темной массой. И тогда застрекотал пулемет. С оглушительным треском стали рваться гранаты.

Словно наткнувшись на непреодолимую стену, конница резко замедлила бег и стала медленно кружиться на одном месте. Седоки кувырком падали с коней, кони вставали на дыбы и пронзительно ржали. Добрынин даже не почувствовал, когда шальная басмаческая пуля сбила с головы кубанку.

Басмачи отхлынули и, разворачивая коней, ре-

шили прорваться через кладбище, но пули настигали их всюду. Длинными очередями строчил пулемет, трещали винтовочные выстрелы, похожие на звук рвущегося полотна.

Ошеломленные, не ожидавшие такой плотности огня, басмачи повернули назад. Лавина распалась, расползлась, рассеялась. Ошалелые кони без седоков храпели, кидались из стороны в сторону. Слышались истошные вопли раненых басмачей.

Скоротечный бой затихал, у защитников заставы спадало возбуждение. Город заливал трепещущий рассвет. Добрынин посмотрел вокруг, увидел кубанку, поднял ее, отряхнул от пыли. Взглянув на пожилого бойца, подмигнул ему и громко сказал:

— Получается, все же перехитрили бандитов...

Голос у Добрынина был хриплым, дребезжащим. По всему телу разливалась усталость. В голове стучали сотни молоточков.

— Хамид! — позвал он ординарца.

— Я здесь, товарищ начальник! — звонким голосом отозвался Хамид.

— Давай коня!

Ординарец подвел карабаира. Добрынин легко вскочил в седло, дал шенкеля и зарысил на седьмую заставу.

Прошло три дня. Вместе с Бондаревым Добрынин побывал в пригородных кишлаках. В отряд потянулись киргизы, узбеки, казахи. Людская молва о поражении банды Хал-Ходжи сыграла в этом немалую роль.

Среди тех, кто записался в отряд, был и Мурзалы из села Мады. Природа одарила его недюжинной силой, ловкостью, сметливостью. Предприимчивые дельцы предлагали ему стать бродячим борцом,

выступать на городских площадях, но Мурзалы наотрез отказался выставлять себя на потеху публике.

В один из налетов на село главарю басмаческой банды Чотбаю приглянулась красавица Зейнеб, сестра Мурзалы. Курбаши решил взять ее в наложницы, но отец девушки решительно воспротивился и набросился с кулаками на бандита. Мурзалы в тот день был в городе, и когда вернулся в село, узнал, что отца басмачи убили, а сестру увезли. Мурзалы поклялся отомстить за отца и найти сестру.

«Этот парень не подведет, не переметнется к басмачам,— решил Добрынин. — На него можно смело положиться».

Добрынин требовал от ревкома помещения для отряда. Ему ответили, что этот вопрос обязано решить коммунальное управление. В управлении его внимательно выслушали, пообещали принять меры и намекнули, что все зависит от председателя ревкома. Вдохновленный, возбужденный, Добрынин пошел в ревком.

— Что же это получается? — едва войдя в кабинет, стал он наседать на председателя ревкома Михайличенко. — Когда кончится эта чехарда? Сколько я буду обивать ревкомовский порог?

Михайличенко пригладил русые волосы и шутливым тоном сказал:

— Милиция это прежде всего порядок. А вы шумите. Не годится так, товарищ Добрынин.

— А когда нет ни помещения, ни коней, ни оружия для отряда милиции — это порядок?

— Уж больно вы быстрый,— в прежнем тоне говорил Михайличенко. — Только приехали и сразу — дашь да положь.

— То есть, как? — опешил Добрынин. — Выхо-

дит, все это мне лично нужно? Решение об отряде принимали вы? Подписали и с плеч долой? Каждый день записавшиеся в отряд меня спрашивают: когда? Что я им должен ответить? Ведь они походят, да и махнут рукой, что тогда прикажете делать? Снова набирать?

Михайличенко стушевался, сразу не нашелся что ответить. Снова пригладил волосы и, переходя на официальный тон, спросил:

— Что же вы предлагаете?

— Предлагаю немедленно передать в мое распоряжение дачу уездного начальника. Это во-первых. Во-вторых, вынести распоряжение об изъятии из ведения начальника боевого участка трофейных коней. Выделить отряду оружие. Оно у вас без пользы в резерве на складе лежит. Это в-третьих.

— Как-то легко вы все по полочкам разложили. Раз, два — и в дамках. Лихо!

— А зачем ждать? Вот вы прежде, до ревкома, кем были?

— Фельдшером. Какое это имеет значение?

— Сейчас поймете. Вы лечили людей, проявляли заботу об их здоровье. Зная чем болен человек, вы сразу же принимали меры. Так или не так?

— Ну, так... — недоумевая, соглашался Михайличенко.

— Вы не теряли зря время и этим добивались успеха. А сейчас речь идет о судьбе сотен, тысяч людей. Басмачи чувствуют себя вольготно. Безнаказанно убивают, грабят дехкан, насилуют женщин. Что же вы сделали для защиты их жизни? Ничего! Решили создать отряд и не в состоянии подыскать даже стоянку.

Добрынин говорил горячо, убежденно, и его на-

пористость вызывала у Михайличенко чувство замешательства, беспомощности. Добрынин видел, понимал это и продолжал наседать.

— Как хотите, Савелий Игнатьевич, но я не вижу другого выхода, как доложить о сложившейся обстановке обкому партии и областному ревкому. Ваша медлительность только усугубляет положение.

Михайличенко попытался урезонить Добрынина.

— Не советую прыгать через голову начальства. Нам с вами вместе работать. Кроме ревкома есть и уездный комитет партии.

— А вы позвоните Кондратьеву,— посоветовал Добрынин, сделав вид, что слова председателя ревкома подействовали на него. — Может, и не стоит мне шум поднимать? Как Николай Иванович скажет, так тому и быть.

Михайличенко бросил недовольный взгляд на Добрынина и стал крутить ручку телефонного аппарата. Соединившись с Кондратьевым, он изложил суть вопроса. По лицу и коротким репликам Михайличенко можно было догадаться, что Кондратьев на стороне Добрынина.

— Вы меня убедили,— положив трубку на рычаг, сказал Михайличенко. — Завтра можете занимать дачу.

— Дача — это хорошо. А кони? Винтовки?

— Будут и кони. А вот с оружием придется малость подождать. Для нашего отряда занаряжено 50 карабинов. Если сейчас выдать вам винтовки, то вы можете лишиться карабинов. Приедут из области, посмотрят и скажут: раз обошлись, не стоит и выделять.

— Хотя бы на время,— не сдавался Добрынин. — Под мою личную ответственность.

— Ничего не выйдет,— решительно отказал Михайличенко. — Винтовки предназначены для партийной дружины. Вот возьмем и поручим вам это дело. Что тогда скажете? Снова станете требовать оружие, а его по вашей милости уже не будет.

«Пожалуй, верно,— подумал Добрынин. — Поручат командовать партийной дружиной, и тогда я попаду впросак. Все шишки на меня посыпятся».

— Что ж, Савелий Игнатьевич,— сказал Добрынин, поднимаясь. — За внимание — спасибо. От всего отряда спасибо.

— Ладно, чего уж там,— не понял иронии Михайличенко. — Оказывается, вы настырный, пробивной. Теперь-то довольны?

— Каждый день буду к вам ходить. Думаете, этим отделались? — по голосу чувствовалось, что Добрынин шутит, но председатель ревкома держал ухо востро. Вдруг и в самом деле начальник милиции выдвинет новые требования?

— Если что в моих силах, отказывать не стану,— сказал на прощанье Михайличенко. — Но и с вас теперь спрос будет строгий. Миндальничать не станем!

Через три недели Добрынин доложил уездногородскому комитету партии, что отряд милиции в 50 сабель сформирован и готов к выполнению возложенных на него задач.

Через областной ревком Добрынин добился для отряда карабинов, шашек и обмундирования. Из гостиницы он перебрался на дачу, которая стала штаб-квартирой отряда. Вместе с Бондаревым с утра до позднего вечера Добрынин был занят военной подготовкой бойцов. Учил их всему, что знал и умел сам. Приглядывался, оценивал каждого, сжи-

лался с отрядом. И с каждым днем в Добрынине крепла уверенность, что отряд не дрогнет перед врагом, покажет себя с лучшей стороны.

Когда выдавался свободный час, он уединялся и внимательно изучал карту-десятиверстку. Вглядываясь в извилины рек, запоминал расположение низовий, урочищ, перевалов, мысленно представлял рельеф местности.

Как пройдет первая операция? Где пролягут пути отряда? Эти вопросы будоражили Добрынина. Он стремился предусмотреть все мелочи походной жизни.

3

Телефонный звонок раздался в штабе отряда на рассвете. Дневальный схватил трубку, выслушал распоряжение и бросился будить Добрынина.

— Велели немедленно прибыть в ревком,— доложил он Добрынину.

— И больше ничего не сказали? — спросил Добрынин, поспешно одеваясь.

— Только это... Сейчас же в ревком,— повторил дневальный.

Добрынин принял мгновенное решение и отдал приказ поднять отряд по тревоге, приготовиться к маршу. Он интуитивно почувствовал, что вызывать в такую рань просто так не будут. «Значит,— размышлял он,— дело серьезное. Если ошибся, не беда. Можно считать, что тревога была учебной и пойдет отряду только на пользу».

В ревкоме уже были Ситняковский и двое военных. Михайличенко кивнул Добрынину, глухо кашлянул и заговорил:

— Вчера вечером басмаческая банда напала на кишлак Караджиду. Это в семи верстах от Оша по гульчинской дороге. Одному из жителей кишлака удалось незамеченным выскользнуть и добраться к нам. От него мы узнали о бесчинствах бандитов. Приблизительная численность шайки около сотни всадников. Что будем делать?

— Можно мне сказать? — поднялся Добрынин. — Отряд милиции поднят по тревоге и готов к выступлению. Прошу поручить проведение операции мне.

— Ваше мнение? — обратился Михайличенко к Ситняковскому. — Чем вы располагаете?

— Гарнизон находится сейчас в карауле. Все, что я могу сделать,— это выставить команду в 20 сабель.

— Не густо,— покачал головой Михайличенко.

— Вам хорошо известна обстановка,— с раздражением в голосе отозвался Ситняковский. — Наши возможности не безграничны. После вчерашнего осмотра конского состава оказалось, что половина подкованы только на передние ноги. Отсутствует даже такая чепуха, как подковы. Но суть не в этом. Считаю, что сформированный отряд милиции вполне боеспособное подразделение. Товарищ Добрынин за короткое время показал себя тактически грамотным командиром. Его отряду самое время проявить себя в деле. Будь в моем распоряжении такой отряд...

— Ясно,— перебил его Михайличенко. — Значит, поручаем операцию отряду милиции под командованием товарища Добрынина. Все товарищи могут быть свободны.

Ситняковский дружески хлопнул Добрынина по плечу и вполголоса произнес:

— Желаю удачи.

Михайличенко тоже хотелось что-то сказать ободряющее.

— Мы надеемся на вас, Александр Константинович... Не люблю красивых слов, но убежден, что доверие ревкома оправдаете.

Они пожали друг другу руки и расстались.

* * *

Отряд шел на рысях. Поднятая пыль лениво уплывала на сады, что тянулись справа от дороги. За садами виднелась бугристая степь, а дальше горные гряды. Слева раскинулась пестрая долина в зеленых лоскутках хлопковых плантаций, в рыжих пятнах выгоревших под июньским солнцем бурьянов. Кое-где на ней серебрились одинокие тополи или шарами клубилась шелковица. Отряд спешил. Добрынин время от времени оглядывался и криком головы требовал отстающих подтянуться.

Отряд спустился с пригорка и пошел в кышлак Карадонду. Басмачи ушли отсюда каких-то полчаса назад. По-видимому, их успел кто-то известить о приближении отряда милиции. Они увезли двух девушек, угнали десяток лошадей, на которых навьючили награбленное добро и неосвежеванные туши.

«Как быть? — размышлял Добрынин. — Повернуть отряд? Где их искать, этих басмачей?» Он знал, что винить его не станут, если отряд вернется. Но какой тогда молва пойдет о нем и его бойцах? Как расценят этот шаг жители ограбленного кышлака?

Добрынин почувствовал на себе взгляды бойцов.

Они ждали, какое решение примет командир, верили в него.

— Как думаешь, Иван Лаврентьевич,— обратился Добрынин к Бондареву,— может попытаться преследовать?

— Попытка не пытка,— уклонился от прямого ответа Бондарев. — Узнав о погоне, басмачи кинутся в разные стороны и тогда ищи, свищи. Так что...

— Выходит, надо возвращаться? А ревком на отряд надеется...

Послышались негодующие выкрики. Добрынин обернулся: к нему вели здоровяка в порванном халате, со связанными руками. Он упирался, мотал головой, ноги его заплетались. Жители говорили наперебой, и Добрынин не сразу понял, что произошло.

Здоровяк оказался басмачом. Всю ночь он пил бузу, а под утро уснул, пугая детишек мощным храпом. Бегство басмачей было настолько поспешным, что пьяный басмач пришел в себя, когда уже был связан по рукам и ногам хозяином кибитки.

— Хамид! — позвал ординарца Добрынин. — Пусть ребята потрясут мародера и узнают, куда ушла банда.

Поняв, кто перед ним, басмач быстро протрезвел и под дулами карабинов выложил все, что ему было известно. По словам пленного, банду возглавляет известный конокрад Чотбай. Его стоянка в урочище Джалпакташ.

Добрынин вынул из планшета карту, прикинул. Получалось, что до урочища около сорока верст.

— Товарищ начальник,— прервал размышления Добрынина боец Мурзалы,— вот этот человек хочет с нами ехать.

Добрынин оторвался от карты. Перед ним стоял киргиз лет тридцати, лицо в кровоподтеках, глаза лихорадочно блестят, губы стиснуты.

— Кто такой?

— Мамат его звать. Он чабан. У бая работал. Горы хорошо знает,— спешил объяснить Мурзалы.— Говорит, ночью басмач жену его мучил, корову резал. Он не давал, его били.

— А конь у него есть?

— Есть, есть! Который басмач поймали, его конь. Я хорошо знаю Мамата. Он поможет нам. Дорогу показывать будет.

Добрынин больше не колебался.

— Иван Лаврентьевич, стройте отряд,— распорядился он.— Выделите дозор и охранение. А этого басмача пусть сами жители доставят в город.

— Есть!— весело откликнулся Бондарев, и через минуту прозвучала команда:

— Рысью ма-а-арш!

По проселочной дороге зацокали кованые копыта.

Через час с небольшим показалось заброшенное здание таможенной заставы. От нее отряд свернул с дороги влево по тропе, которая пролегала вдоль небольшой речушки Талдык.

С гор подул освежающий ветерок. Ехали долго. Солнце стало садиться. Жара спадала. По горам скользили косые лучи. Показалась одинокая юрта. Рядом с ней горел костер.

Отряд спешился. Размяв затекшие ноги, Добрынин направился к юрте, возле которой, молитвенно сложив руки, стоял сгорбленный киргиз. Он что-то рассказывал Мурзалы.

Две лошади и десяток овец — это было все бо-

гатство старого Эшимкула. С весны он поставил юрту у подножия гор и молил аллаха послать ему удачный приплод. Он внушал себе, что жизнь наладится, и в мечтах уже ездил на ошский базар, продавал овец, покупал большой казан, новую юрту, муку и рис. Но налетели басмачи — и ничего не осталось.

Из потухших глаз Эшимкула по сморщенному бронзовому лицу текли слезы, он вытирал их заскорузлыми ладонями. Эшимкул указал, куда пошли басмачи. Там, впереди, было ущелье, через которое лежал путь в урочище Джалпакташ.

Добрынин отозвал в сторонку Бондарева, Мурзалы и проводника Мамата.

— В ущелье может быть засада,— поделился тревогой Добрынин. — Что посоветуете? Хорошо бы в обход, там, где нас не ждут. Но разве пройдешь по горам?

Узнав от Мурзалы о чем идет разговор, Мамат стал по-киргизски что-то горячо доказывать. Добрынин без перевода понял, что Мамат берется провести отряд по горным тропам к стану басмачей. Ему эта местность хорошо знакома. Бондарев поддержал предложение Мамата.

— Дождемся, когда совсем стемнеет. Пусть и люди, и кони отдохнут. Марш предстоит не легкий,— рассудил Добрынин.

* * *

Закат догорал, темнел небосвод. По-кошачьи подкрадывался сиреневый сумрак, затягивая лиловую даль туманом. На землю опускалась безлунная ночь.

Отряд тронулся в путь. Вскоре начался подъем. Лошади заскользили по гладкому камню. Ехали молча. Разговаривать не хотелось. Каждый думал о предстоящем бое. Отлогий подъем тянулся нестерпимо долго. Ночная прохлада пробиралась под гимнастерки и гнала сон прочь.

— Мурзалы! — позвал Добрынин.

— Я здесь, товарищ начальник!

— Кони устали. Может, надо спешиться, как думаешь?

— Зачем? Мамат говорит, сейчас дорога пойдет ровная. Совсем немного осталось.

— Ну, ладно...

Наконец, отряд, совершенно измученный, одолел перевал и остановился на плоскогорье.

Короткий отдых — и снова в путь по отлогой вершине. Впереди кто-то соскочил с лошади. Добрынин подъехал ближе. Узнав его, Мурзалы пояснил:

— Мамат говорит, джайлоо совсем рядом. Дальше ледяной скат, пешком надо... Коней здесь оставим...

По цепочке пробежала команда спешиться. Слышно было, как один за другим прыгают люди на каменистую почву.

— Бондарев! — позвал помощника Добрынин.— Вот что, Иван Лаврентьевич. Распорядись, чтобы коней оставили здесь. Выдели двух бойцов для присмотра за ними. Проводнику лучше не лезть в пекло.

Он подошел к краю плоскогорья. Внизу мерцали четыре огонька.

«Ну, и занесло нас — под самые облака...— подумал Добрынин. — Как теперь спускаться с такой кручи?»

— Это басмач костер зажигал,— вполголоса пояснил Мурзалы. — До джайлоо близко. Ночью в горах всегда так бывает, смотришь и думаешь: о-о, далеко, высоко. Надо очень осторожно спускаться, тихо-тихо.

Добрынин волновался, но, овладев собой, заговорил спокойно:

— Товарищи, мы у цели. Теперь самое важное — бесшумно спуститься. Басмачи нас не ждут. Внезапность — наш помощник. Шашки отстегнуть и оставить здесь, только шуму при спуске могут наделать.

Спуск продолжался недолго. Внизу оказалась удобная балка, заросшая кустарником. В ней и расположились бойцы.

Ветер переменился и дул со стороны врага. Добрынин с Мурзалы выдвинулись вперед, стараясь рассмотреть лежавшую перед ними поляну. В сотне шагов, в зыбком свете костров видны фигуры басмачей. Уверенные в полной безопасности, они грелись у огня.

Добрынин зашептал на ухо Мурзалы:

— Узнай, где у них коновязь. Если там часовые, их придется убрать. Только без шума. Понимаешь?

— Все понял, командир. — Мурзалы положил рядом с Добрыниным карабин, попробовал легко ли вынимается нож из ножен и пополз.

Медленно тянулось время. Тишина ничем не нарушалась. Добрынин напряженно вглядывался в темноту и крепко сжимал рукоятку револьвера.

В траве что-то зашуршало. Мурзалы подполз к Добрынину и, прерывисто дыша, стал еле слышно рассказывать:

— Все видел... Все сделал... Кони — там,— он показал вправо. — Часовой был. Пришлось...— Муралы сделал короткий взмах рукой. — Надо со стороны лошадей нападать. Басмачи не услышат. Собак нет.

— Молодец,— прошептал Добрынин.

По знаку Добрынина милиционеры поползли вперед. До басмачей — каких-нибудь шагов тридцать. Они отдыхали, видимо, ожидая ужина. В отдалении горел еще один костер, на фоне которого вырисовывались очертания двух юрт. Но вот басмачи ожили, зашевелились и приступили к ужину.

— Пора!— спокойно сказал Добрынин и, поднявшись во весь рост, швырнул гранату.

Тишину вспорол взрыв. Сверкнули желтые языки пламени. Раздались залпы из карабинов.

— Вперед! — Добрынинский бас услышали все бойцы и ринулись на басмачей.

Беспорядочно хлопали выстрелы. Тревожно ржали кони. Над скалистой горами маленькой долиной звучало многократно повторенное эхо стрельбы.

Бандиты обезумели. Ничего не соображая, давя и обгоняя друг друга, они без оглядки бежали от выстрелов, падали, поднимались и спасительную темноту. «О, алла! О, алла!» — причитал кто-то, катаясь по траве.

Добрынин, Хамид и Муралы подбежали к первой юрте и откинули полог. Чадящая коптилка освещала двух перепуганных молодых киргизок и старуху.

— Давайте в другую юрту! Быстро! — распорядился Добрынин.

В ней царил мрак. В темноте кто-то жалобно

причитал, всхлипывая. Чей-то мужской надтреснутый голос скороговоркой произносил молитву.

Добрынин чиркнул колесико зажигалки, вспыхнул фитилек и озарил полуобнаженную девушку в порванном платье. Она прикрывала руками грудь и смотрела на вошедших широко раскрытыми одичалыми глазами. На кошме, у ног девушки, трясясь, как в лихорадке, стоял на коленях тучный безбородый киргиз с заплывшими от жира глазами-щелочками.

— Зейнеб! — воскликнул Мурзалы, глядя на девушку. — Я знал, что найду тебя...

В следующее мгновение он обрушил на голову толстяка приклад карабина, схватил за руку сестру и потянул ее из юрты.

4

После боя и изнурительного ночного марша по горам отряд вышел на гульчинскую дорогу и вскоре остановился у заброшенной таможни.

До Оша оставались какие-то двадцать верст. Солнце приближалось к зениту и палило нещадно. Бойцы укрывались от его лучей в тени дувала. Там же разместили коней.

Как только отряд устроился на отдых, Добрынин распорядился отправить в родной кыштак проводника Мамата и девушек, вызволенных из неволи. Сопровождать их и трофейных коней выделил двух бойцов.

На сердце у него было неспокойно. Прошлой ночью отряд разгромил банду Чотбая, взял неплохие трофеи: тридцать английских карабинов и по ящику патронов и гранат. И хотя Чотбаю под пок-

ровом темноты удалось бежать, неожиданно был захвачен не менее важный пленник. К удивлению всех, он оказался русским. «Лебедев быстро разберется, что это за персона»,— рассудил Добрынин. Он нисколько не сомневался в том, что пленник из числа тех белогвардейцев, кто перешел на службу к басмачам. Эту догадку подтверждало и обнаруженное при нем письмо английского консула в Кашгаре Эсертона к главарю ферганских басмачей Мадамин-беку.

«Исчезновение беляка всполошит басмачей,— продолжал размышлять Добрынин. — Если это крупная для них фигура, то они обязательно попытаются выручить его». Мысли нарушил цокот копыт. Со стороны Гульчи галопом неслись дозорные.

— Басмачи,— доложил боец Пайзы. — Скоро здесь будут...

В несколько минут заброшенная таможня превратилась в крепость.

— Патронов не жалеть! — приказал Добрынин. Вместе с Бондаренко он расставил бойцов под прикрытием дувала и теперь подбадривал их.

Вдали возникло и росло на глазах облако пыли. Все ближе и ближе доносился глухой топот, нарастало нервное напряжение у бойцов.

Басмачей было не меньше сотни. Добрынин крепко стиснул зубы, щеки при этом слегка провалились, четко обозначились скулы, на лбу выступили крупные капли холодного пота.

Раздался дружный залп из карабинов, полетели гранаты, и снова последовал залп. Лавина басмачей дрогнула, приостановилась, смешалась, рассыпалась. Они предприняли еще одну атаку, после которой угомонились, видимо, что-то задумали.

Таможня стояла у дороги, между двумя холмами. За ними были глубокие саи, в которых свободно могла укрыться вражеская конница. За таможней раскинулись заросли облепихи. Местность позволяла басмачам скрытно перегруппироваться и нападать с разных сторон.

Пользуясь передышкой, Добрынин прошел в здание таможни. Там под охраной Хамида, прислонившись к стене, сидел со связанными руками пленник: высокого роста, чистолицый, голубоглазый, с прямым тонким носом. Был он в цветном шелковом халате, просторных шароварах, мягких хромовых сапогах.

— Послушай, Добрынин, хочу дать умный совет,— сказал пленник. — Бой, как я понимаю, идет из-за меня. Я не хочу, чтобы гибли люди. Предлагаю простой выход: отпустите меня, и басмачи уйдут.

— Мне не нужны твои советы,— ответил Добрынин, перезаряжая револьвер.

— Напрасно. Не понимаю, какой резон рисковать всем отрядом. Стоит ли этого моя особа?

— Стоит! — ответил Добрынин и ушел к бойцам.

Затишье продолжалось. Никто не стрелял. Бойцы лежали у наскоро сделанных бойниц, отдыхали. Добрынин о чем-то советовался с Бондаревым, Мурзалы и Пайзы.

— Иди, Пайзы... Но помни: надо тянуть время,— Добрынин тихонько толкнул бойца в плечо. Он решил начать переговоры, чтобы избавиться от атак и сохранить гранаты к вечеру. А там должна подоспеть подмога: с бойцами, сопровождавшими проводника и девушек, он послал донесение в ревком.

— С наступлением ночи оружие утратит свою силу,— делился он своими соображениями с Бондаревым. — Басмачи навалятся скопом и тогда потери неизбежны. Подмога должна быть, а если нет?

— Перехитрить их надо,— подумав, отозвался Бондарев. — Басмачи уверены, что у нас только один шанс: попытаться осуществить прорыв на Ош. Там у них сильная застава. А мы атакуем в другом направлении. Сомнем их и сразу повернем.

— Интересный зигзаг,— загорелся Добрынин. — Давай обмозгуем твою идею.

Бондарев посмотрел по сторонам, поднял прутик и стал быстро чертить им по земле. Добрынин всматривался в нацарапанные линии, он уже видел во всех деталях замысел прорыва.

— Товарищ начальник,— подошел к ним Мурадов,— Хамид зовет. Русский басмач говорить хочет.

— Я обращаюсь к вашему благоразумию,— сказал пленник, когда Добрынин подошел к нему. — Вы не имеете права так безумно распоряжаться судьбой целого отряда. Выслушайте меня внимательно.

На мгновение он перешел на «ты» и говорил с Добрыниным как с равным, не подчеркивая своего пренебрежения, которое впрочем выражал в каждом слове.

— Не вам судить о моих правах! — Добрынин тоже перешел на «ты». — Вот что, ваше благородие, говорите по существу.

— Если ваша надежда слабая, вам лучше отдать меня. Этим вы уменьшите натиск своих врагов и, значит, сохраните отряд. Предлагаю начать переговоры. Я прикажу им уйти и, оставив заслон,

открыть дорогу на Ош. А вы отпустите меня.

— Хм. Заманчиво,— Добрынин поскреб небритый подбородок, поправил на плечах ремни портупеи. Казалось, он начинал соглашаться. — Выходит, я должен довериться вашему честному слову?

— Понимаю. Нужна гарантия?

— А как же! Вас отпустить, что за окно плюнуть.

— В чем же сомневаетесь?

— Те, кто останется, навяжут нам бой. Мы задержимся и тогда вернутся остальные. Хитро...

— Но у вас нет другого выхода! — разозлился пленник. — Вам надо или поверить моему слову, или вы погибнете.

— Есть выход! — не поясняя, отрезал Добрынин, круто повернулся и вышел. Не оборачиваясь, громко сказал: — Хорошенько смотри за ним, Хамид! Головой отвечаешь!

Вскоре Пайзы вернулся с парламентером от басмачей, седобородым муллой. Он долго и льстиво говорил о том, что Чотбай не хочет проливать кровь, но его заставляют делать это злые люди.

— Я верю Чотбаю,— ответил Добрынин,— он благородный воин, воюет так, что у нас нет ни одного раненого. Посмотрите сами, уважаемый мулла.

Тогда тот перешел к разговору о деле.

— На каких условиях вы хотите сдаться? Нам известно, что вы захватили в плен нашего большого друга, хотя он и не мусульманин. Намерены ли вы его передать нам? Возможно, мы тогда найдем общий язык.

— Мы не собираемся сдаваться. Если вы снова навяжете нам бой, то ваш большой друг может погибнуть от вашей же пули. Нам жалко ваших лю-

дей, которые гибнут зря. — Добрынин показал на поле за дувалом. Там под палящим солнцем лежали трупы басмачей. В другой стороне было то же самое.

— У нас очень меткие стрелки,— продолжал Добрынин.

Мулла оглядывался вокруг и не верил своим глазам. Он находился в юрте Чотбая и ничего не видел. Найды провел его по руслу ручья, где не было трупов, и он не знал о своих потерях. Теперь же он понимал, почему Чотбай согласился начать переговоры. Если у большевиков появится подмога, Чотбай не удержит своих воинов, они разбегутся.

— Что вы предлагаете? — вежливо спросил мулла.

— Нам ли предлагать? Мы осажденные,— Добрынин осторожно вел переговоры. Он догадывался, что мулла не готов предложить что-либо, должен посоветоваться с Чотбаем. На это уйдет час-другой, и, значит, атаки не будет, и отряд выиграет время.

Мулла поднял голову, прочитал молитву, провел ладонями по лицу и пошел советоваться.

Плакало небо, гасли дневные краски. На впадин между холмами подступали сумерки. Добрынин объяснил отряду задачу:

— Атаковать будем в конном строю. Без единого выстрела. Внезапно. Стремительно. Ударим по тыловой заставе басмачей.

Кони успели за день отдохнуть. Теперь их подняли, и через несколько минут в наступившей темноте отряд с шашками наголо ринулся на басмачей.

Как и было задумано, прорыв удался без выстрелов. Басмачи не ожидали нападения. Стрельба поднялась потом, когда отряд уже мчался к другим

холмам. Погоня явно запоздала, басмачи не рискнули продолжать преследование.

— Вперед! Вперед! — командовал Добрынин.

Дорога шла под уклон. Кони скакали легко, дружно, как на аламан-байге. Промелькнуло село Мады, вдали замигали редкие огоньки. Там был Ош.

* * *

Добрынин сдал пленника Лебедеву и только после этого поехал отдыхать в свою штаб-квартиру. Отдав необходимые распоряжения, он еле добрался до койки и тут же заснул.

По выработанной годами привычке проснулся он рано, быстро оделся, умылся и поехал к Лебедеву. Накрапывал дождь. Летом такое в Оше случается редко и воспринимается всеми желанно. Дождь смывал серую пыль, которая покрывала все толстым слоем, так что даже листья на деревьях становились серыми. После дождя наступала свежесть, легкость во всем. Однако Добрынину в это утро не хотелось ни дождя, ни свежести, ни легкости. Он еще чувствовал усталость во всем теле.

Лебедев встретил его, широко улыбаясь, поздравил с успехом, усадил в кресло, угостил папиросой. Добрынин глубоко затянулся, выпустил через ноздри струйки сизого дыма и спросил:

— Прояснилось что-нибудь с этим фруктом? Или, может, зря старались, и он не заслуживает внимания?

— Пока что ничего определенного сказать не могу. Послал шифровку в Ташкент. Сегодня к нам выезжает уполномоченный особого отдела Турк-

фронта. Думаю, через день-два все станет на свои места.

В комнате было сумрачно. За окном шел дождь. Небо наполокло тучами. Добрынин докурил папиросу и пошел к рейком докладывать о проведенной операции.

Минуло двое суток. Об успехе отряда милиции по городу ходили самые невероятные слухи. С чьей-то легкой руки бойцов стали называть добрынинцами. Добрынин стал известным не только всему городу, но и в окрестных кишлаках.

Под вечер третьего дня Добрынину позвонил Лебедев.

— Необходимо твое присутствие. Прибыл товарищ из Ташкента.

Уполномоченный детально расспрашивал Добрынина, при каких обстоятельствах был захвачен пленник, о чем состоялся между ними разговор, как он себя вел. Добрынин отвечал обстоятельно, вспоминая все подробности.

Уполномоченный хмурил брови и прятал лукавую улыбку под аккуратно подстриженными усами. Лебедев участие в разговоре не принимал, смотрел с непроницаемым видом в окно и почему-то избегал встречаться взглядом с Добрыниным.

— Однако времени у меня в обрез, надо еще встретиться с товарищем Кондратьевым,— сказал уполномоченный, давая понять, что беседа подошла к концу. — Валерий Андреевич, пусть приведут пленного.

Пленника ввели через несколько минут. Он был спокоен, держался свободно. Лебедев дал знак конвоиру, тот вышел.

Уполномоченный подошел к пленнику.

— А ты похудел, Николай Сергеевич,— и неожиданно обнял его. — Ну, здравствуй...

Добрынин смотрел на них широко открытыми глазами и ничего не понимал.

— Рассказывай, как же ты так оплошал? — тормошил «пленника» уполномоченный.

— А что мне оставалось делать? — невозмутимо ответил тот. — Отряд обрушился ночью на басмачей, как снежная лавина. Я и пикнуть не успел, как меня обезоружили и связали. Слава богу, что такой суматохе не продырявили. Чотбай сле ноги унес, его конь около юрты был привязан.

Пленником оказался сотрудник особого отдела Туркфронта, выполнявший задание в стане врага. Он потерял связного, искал возможность передать Ташкент сведения о замыслах англичан. И в этот критический момент на банду налетел отряд милиции.

Только сейчас Добрынин начал осознавать подлинный смысл слов «пленника», которые слышал в заброшенной таможне. «Так вот почему он беспокоился за судьбу отряда...»

— Да разве ж мог я предполагать...— начал Добрынин, обращаясь к уполномоченному. Переведя взгляд на «пленника», он резко спросил: — Почему сразу не сказал?

— А ты бы поверил? — «Пленник» улыбнулся.

Добрынин хлопнул себя по колену.

— Черт возьми, верно! Ни за что бы не поверил!

— Вы действовали правильно,— успокоил Добрынина уполномоченный. — Для всех товарищ Панов должен оставаться белогвардейцем, захваченным в плен. Так надо. — Уполномоченный помол-

чал и взглянул на Лебедева. — Завтра я заберу Николая Сергеевича. Под конвоем, конечно.

5

В напряжении и тревогах проходила жизнь отряда. Где-то на городской окраине захлопают в ночи выстрелы, и бойцы, оседлав коней, спешат на выручку осажденной заставе. Заслышав цокот копыт по булыжной мостовой, басмачи уже знали, что это — добрынинцы. Не желая искушать судьбу, они поспешно уходили по преселочным дорогам в темноту. Но кишлаки по-прежнему оставались беззащитными. Потерпев неудачу при налете на город, басмачи вымещали злобу на дехканах. Добрынин думал над тем, что можно предпринять для организации милиции на местах, советовался с Кондратьевым и Михайличенко.

— Начинайте с волостных центров,— говорил Кондратьев. — К примеру, с Кара-Су. Оружием поможем. Люди, надеюсь, в местные отряды пойдут. А костяком там будут твои бойцы.

— То есть, как? — не понял Добрынин.

— Обыкновенно. Скажем, создали отряд в Кара-Су или Ургене. Народ в отряде, понятно, не обстрелянный, без опыта. Кто им передаст опыт? Твои бойцы. Придется выделить для этого лучших. Вместо них придут другие. И не откладывая дело в долгий ящик, посылайте-ка завтра в Кара-Су.

Но ехать в Кара-Су Добрынину не пришлось. Утром следующего дня его пригласил Кондратьев.

— Читайте,— ничего не объясняя, сказал он и протянул какое-то письмо. В правом углу письма выделялись пометка: «Срочно!» Добрынин присел.

«Заведующему военным отделом Ошского ревкома тов. Н. И. Кондратьеву. Во исполнение распоряжения Совнаркома Туркестанской Республики обязываем в трехдневный срок выделить и снабдить всем необходимым надежный, боеспособный отряд для обеспечения безопасности работ и охраны экспедиции, на которую возложено установление телеграфной линии связи Ош — Гульча.

Председатель Ферганского облревкома *Н. Ходжаев*».

Слова «надежный, боеспособный отряд» были подчеркнуты красным карандашом. Добрынин вернул письмо.

— Только что звонил начальник экспедиции,— тихо заговорил Кондратьев. — Он со своими людьми сейчас в Андижане. Прибудет к нам завтра. С ними обговорите все детали. Готовьте отряд, Александр Константинович.

— Мы как пожарная команда...— недовольным тоном произнес Добрынин, не глядя на Кондратьева. — Ведь договорились, что надо создавать милицию на местах...

—Да, нам приходится решать самые различные вопросы,— отозвался Кондратьев. — Подковы, фураж, хлеб, мануфактура, топливо, писчая бумага для школ. И линия связи. Потому что мы строим новую жизнь, и здесь все важно. Неужели вам надо разъяснять эту истину?

— Да понимаю я,— вздохнул Добрынин. — И долго придется охранять эту экспедицию?

— Сколько понадобится, столько и будете охранять. Все будет зависеть от обстановки. Район этот считается относительно спокойным, но всякое может статься.

...Через два дня экспедиция приступила к навеске телеграфной линии. Днем людей донимала жара, а ночи были прохладные. Работа спорилась, и экспедиция все дальше и дальше удалялась от Ош.

Каждый вечер Добрынин подключался к телефонной линии, сообщал в ревком о делах, справлялся о городских новостях. Связисты под надежной охраной чувствовали себя уверенно и через две недели дотянули линию до Гульчи.

Отряду лишь дважды пришлось иметь дело с местными бандами. Басмачи внезапно возникали на недалеких холмах и открывали стрельбу, но на сближение не шли. Они предпочитали не подпускать к себе близко добрынинскую конницу и, почуяв опасность, пускались наутек.

В Гульче экспедицию встретил военный пост из тридцати бойцов Красной Армии. Сутки отряд отдыхал, потом стал готовиться к возвращению в город.

Добрынин пошел доложить по телефону в ревком о готовности отряда к возвращению в Ош, по дороге думал о чем-то своем. Ему навстречу спешил посыльный.

— Ош на проводе, — сообщил он. — Вас вызывают.

На линии были помехи. В телефонной трубке слышалось потрескивание, еле различимо, словно из глубокого подземелья, приглушенно доносился чей-то голос. Прикрыв ладонью ухо, Добрынин напряженно вслушивался. Треск прекратился, отчетливо зазвучала речь:

— Говорит Кондратьев. Кто у аппарата?

Добрынин отозвался и поздоровался.

— Здравствуйте, Александр Константинович,— ясно звучал голос Кондратьева. — Вам необходимо сегодня же выступить в Куршаб.

Добрынин подумал, что Кондратьев, видимо, оговорился, назвав вместо Оша Куршаб, и сказал:

— Прошу повторить.

— Повторяю: срочно выступайте в Куршаб. Там присоединитесь к отряду Ситняковского. Дальнейшие указания получите у него. Вы меня поняли?

— Понял,— ответил Добрынин и, не выдержав, все же спросил: — А что случилось?

— Узнаете на месте,— голос в трубке внезапно замолк, по-видимому, на линии замыкало. Через несколько мгновений связь восстановилась, и Добрынин услышал конец фразы: — «Задание государственной важности. Если возникнут осложнения, берите инициативу в свои руки. Желаю успеха».

Добрынин развернул карту, стал водить пальцем по извилистым линиям, намечая маршрут. Все взвесив, он решил совершить переход через перевалы Чиль-Бель и Арпа-Тактыр, выйти в урочище Ири-Джар и спуститься в долину. Это сокращало путь на тридцать верст.

Отряд выступил из Гульчи, когда в селе все уже спали. Бледный диск луны заливал окрестность матовым светом. Кругом громоздились мрачные каменные исполины. Неподалеку шумела река Гульчинка. За первой цепью вершин поднимались другие и невозможно было предугадать, где они расступятся и откроют выход в долину.

Перед рассветом горный ветер разогнал косматые облака тумана. Занималась заря.

Отряд спустился в долину и, когда взошло солн-

не, переправился через Куршабку. Вдали показалось большое село. Почуяв жилье, кони пошли резвее.

В Куршабе отряда Ситняковского не оказалось. Час назад он ушел в Узген. До Узгена было рукой подать — каких-то десяток верст, и Добрынин решил дать отдых бойцам и коням, а сам пошел искать председателя комитета бедноты.

Михаил Ус представлял на селе Советскую власть. Грузный, на голову выше Добрынина, он вынес во двор крынку парного молока, краюху хлеба и уселся на лавку. Пока Добрынин пил молоко, Ус рассказывал:

— Позавчера вечером прискакал из Мирза-Аксы Иван Лавутин. Сообщил, что крупная банда напала на отары государственной директории. Всю охрану перебили, чабаны разбежались, а овец басмачи угнали в сторону Каракульджи. Я с Даниловой Колядой на конях и — в Ош. Доложили Кондратьеву и Лободину, и сами вернулись. Вчера под вечер пришел отряд Ситняковского, около двухсот бойцов.

— Откуда столько набрали? — удивился Добрынин.

— Бекадрон Соленова и полсотни ахунджановцев из Андижана перебросили, ну и ошские, вот и набралось. Дело не шуточное: считай, что двенадцать тысяч голов государственного стада. Это на какое богатство! А задача у отряда такая: преследовать банду и отбить овец.

— Выходит, я с отрядом не опоздал?

— И самый раз. Ситняковский полагал, что ты только к вечеру с отрядом придешь. Товарищ Добрынин, спешить надо. По горячим следам надо ид-

ти. Ведь за день бандиты могут порядочно отмахать. Спешить надо!

— Вот она какая петрушка,— задумчиво произнес Добрынин. — Подкрепиться надо моим бойцам. Как, можно надеяться?

— Сейчас все организуем,— заверил Ус.

— Вот и хорошо. Немного отдохнем и двинемся в Узген. Надо спешить, ты прав, Михаил Иванович.

К полудню отряд прибыл в Узген и разместился на южной окраине. Узген — большое волостное село с пестрым населением. Здесь жили киргизы, узбеки, русские, украинцы, татары, поэтому не было ничего удивительного в том, что постройки являли собой причудливую смесь азиатской и европейской архитектуры.

Добрынин не стал спешить к Ситняковскому за указаниями, решил сначала встретиться с Лебедевым. Его он разыскал на другом конце села в свежепобеленной хате, крытой камышом. По натуре веселый и общительный, на этот раз он был хмурым.

— Складывается сложная обстановка,— озабоченно сказал Лебедев.— Стало известно, что банду возглавляет генерал Муханов. До революции он командовал Памирским пограничным отрядом, так что эта местность ему хорошо знакома. Вместе с бандой едут жены и дети белогвардейцев. Муханов твердо намерен уйти за кордон. Раз так, банда наверняка пойдет к перевалу Ишик-Арт.

— Все же непонятно,— недоумевал Добрынин,— они и овец в Кашгар решили угнать?

— Конечно,— подтвердил Лебедев. — Муханов себе на уме, одним выстрелом надеется наповал

уложить двух зайцев. Он явится в Кашгар с целым состоянием и приобретет вес в глазах тамошних властей. Отары овец можно продать и, обладая солидным капиталом, перебраться куда душа пожелает: в Париж, в Лондон, за океан.

Угон государственного стада в такое тяжелое время обернется для Туркестанской республики невосполнимой потерей десятков тысяч пудов мяса и шерсти. Действия Муханова надо рассматривать как попытку совершить крупную экономическую диверсию. Мы должны сделать все, чтобы помешать Муханову.

— Но тогда почему Ситняковский медлит? — насупился Добрынин. — Он мог начать преследование, не дожидаясь меня. Неужели вся загвоздка во мне?

— Выходит, что так. — Лебедев улыбнулся уголками губ. — Но желает распылять силы, как на зайца. Но вот что интересно. Ситняковский настраивает свое окружение на то, чтобы Муханова с овцой не трогали. Понять, главное — овцы. Муханов сейчас находится в Мин-Урюке, в двух часах перехода реки. Банда пришла из района Джалал-Абада и осмотрена. Ситняковский же распорядился дать отряду днюху и выступить завтра на рассвете. Самое удивительное, что Муханов прекрасно осведомлен о наших замыслах. Или у него хорошо поставлена разведка, или... — Лебедев не договорил и задумался.

— Я не понимаю, какого черта еще ждать! — взорвался Добрынин. — Сейчас же пойду и потребую от Ситняковского немедленно начать преследование банды.

— Требовать нужно, — поддержал Лебедев. —

При этом учти, что командир сводного отряда все же Ситняковский, а не ты. Убеди его, но не пори горячку, он упрям и самолюбив. К сожалению, с его мнением приходится считаться, его уполномочил штаб Ферганского фронта. Ты его найдешь в волостном управлении. Это рядом с базаром.

— Почему ахунджановцев прислали? Неужели больше никого не было? — спросил Добрынин. Ахунджановцами звали бойцов отряда бывшего курбаши Ахунджана, перешедшего на сторону Советской власти.

— Какой-то риск есть,— сказал Лебедев,— но если взглянуть на это по-другому, то можно понять товарищей из штаба фронта. Надо же проверить их в деле. Сам Ахунджан остался в Андижане, здесь только часть его отряда. От тебя скрывать не стану: под видом связного я направил к ахунджановцам своего человека. Чуракова Дмитрия. Запомни пароль, по которому ты узнаешь его. — Лебедев написал на клочке бумаги три слова, дал прочитать Добрынину и тут же порвал.

К Ситняковскому Добрынин отправился вместе с Бондаревым и ординарцем Хамидом. Во дворе волостного управления горел костер, пахло жареным мясом. Вооруженные люди в халатах хлопотали возле казана с пловом. Источая ароматный запах, на мангале потрескивал шашлык. «Ахунджановцы»,— догадался Добрынин и, отозвав Хамида, тихо сказал:

— Оставайся здесь. Поговори с народом. Узнай настроение.

В просторной комнате за большим столом, уставленным всякой снедью, сидели с десяток военных, среди них двое в зеленых полосатых халатах,

на голове черные тюбетейки с белыми разводами по краям.

Увидев Добрынина и Бондарева, из-за стола поднялся Ситняковский. Неуверенной походкой он подошел к ним, пожал руки и, пьяно улыбаясь, заговорил:

— Рад, рад вашему прибытию. Я полагал, что отряд придет к вечеру, а вы уже здесь. Теперь мы повяжем эту шантрапу! А у нас скромный обед... В честь боевых командиров сводного отряда. Пойдемте, я представлю вас. Товарищи командиры! Перед вами отважный начальник уездной милиции Добрынин и его помощник Бондарев. Прошу любить и жаловать. Отведай нашей кухни, Александр Константинович.

— Мы ненадолго,— попытался противиться Добрынин. — Когда выступаем?

— Сначала хлеб-соль, потом разговоры о деле. И предлагаю тост за успех нашей операции! — Ситняковский поднес Добрынину стакан самогона. — Отменный первач. Реквизировали на базаре. Ну, будем...

Добрынин не стал отказываться и выпил. Ситняковский услужливо протянул шампур с нанизанными на него кусочками шашлыка. В это время двое ординарцев внесли в комнату лохани с пловом.

Ситняковский снова наполнил стаканы. Видя, что хозяин затягивается, Добрынин наклонился к нему и сказал на ухо:

— Есть серьезный разговор.

Они прошли к окну. Ситняковский помотал головой.

— Первач что надо. Ноги свинцовые, а голова чистая. Так о чем ты хотел поведать?

— Нельзя терять времени. Надо немедленно выступать и обрушиться на Муханова.

В ответ Ситняковский хрипло рассмеялся.

— Голубчик, Муханов у меня вот где,— он сжал пальцы в кулак. — Я все обмозговал. Выступать сейчас — безрассудно. Необходима дневка. Ведь и твои бойцы после перехода изрядно устали. Разве не так?

— Отряд отдохнул. Я настаиваю...

— Позволь,— перебил Ситняковский. — Кто ты такой? Свои распоряжения я не отменяю. — Он увидел на руке Добрынина вытатуированный якорь и неприятно усмехнулся. — Здесь не море, а суша. На море сплошная гладь, а на суше реки, горы, ущелья, черт побери!

Добрынин почувствовал, как в нем все закипает от злости. Он сдерживал себя, старался подавить возникшее раздражение. Ему вспомнились слова Кондратьева: «Если возникнут осложнения, берите инициативу в свои руки». Своими действиями Ситняковский давал возможность Муханову уйти от преследования, беспрепятственно перебраться за кордон. В этом Добрынин уже не сомневался.

— Значит, пусть банда уходит? Пусть угоняют овец в Кашгар? Не выйдет! — резко сказал Добрынин и стал сворачивать цигарку.

— В Кашгар? — удивился Ситняковский и трудно было понять, то ли он впервые слышит об этом, то ли ловко притворяется. — Что за чушь! Откуда тебе стало известно?

— Мне все известно, и я требую немедленно отдать приказ о выступлении сводного отряда. Если

вы не способны командовать, поручите операцию мне.

Слова Добрынина только подлили масла в огонь.

— Не способен командовать? — вызывающе повторил Ситняковский. — Да как ты смеешь меня оскорблять, вахлак!

Командиры за столом насторожились. Бондарев встал и шагнул к окну. Добрынин пристально смотрел в глаза Ситняковскому. В груди у него клокотала ярость.

— Что ты уставился на меня, как баран на новые ворота? — Пьяная ухмылка не сходила с губ Ситняковского. Он отошел к столу, плеснул из бутылки в стакан самогона, повернулся к Добрынину. — Я сейчас арестую тебя, Добрынин. И прикажу запороть в сарай. За ночь поумнеешь.

Добрынин швырнул на пол недокуренную цигарку, руки скользнули к бедру. Ситняковский, поднеся стакан к губам, смотрел на Добрынина, ожидая, какое действие произведут его слова. Добрынин выхватил из кобуры пистолет и, не целясь, выстрелил в Ситняковского. Но мгновением раньше Бондарев успел сильно ударить его по руке, и пуля, свистнув над головой Ситняковского, застряла в стене.

Ситняковский выронил стакан и тревожно огляделся. Лицо его побледнело, зрачки расширились. Он почувствовал, как его стала колотить мелкая дрожь.

— Тебе это так просто с рук не сойдет, — приходя в себя, медленно произнес Ситняковский и, повысив голос, добавил: — Перед трибуналом ответишь!

— Согласен, — спокойно отозвался Добрынин. — Только и тебе придется держать ответ за срыв операции. Трибунал разберется...

— Хорошо, — неожиданно для Добрынина согла-

сился Ситняковский. — Бери свою милицию, полуэскадрон, мусульманский отряд и начинай преследование. Но предупреждаю: вся ответственность в случае неудачи полностью ляжет на тебя.

Добрынин повернулся к Бондареву:

— Иван Лаврентьевич, поднимай наших орлов, а я потолкую с товарищами командирами.

Через час сводный отряд в сто пятьдесят всадников под командой Добрынина, поднимая пыль, тронулся в сторону Каракульджи. Ситняковский и Лебедев остались в Узгене. Было решено, что они вместе с полуэскадроном Соленова и ошской полуротой выступят через два часа.

Небосвод постепенно темнел и словно опускался на землю. От одного края неба к другому стлались легкие перистые облака. Пронзительно пахло полынью, травами. Впереди синели горы. Где-то там остановилась банда Муханова, но прежде чем добраться до нее, нужно найти брод и переправиться через Кара-Дарью.

Добрынин мелкой рысцой ехал в голове отряда. В памяти всплывало все, что его связывало с Ситняковским. Только теперь он понял, почему Кондратьев проявил недовольство его согласием на ночное дежурство в первые дни пребывания в Оше. Ситняковскому тогда ничего не стоило свалить всю вину на Добрынина, если бы он оплошал и не сумел сдержать натиск Хал-Ходжи.

Вместе с отрядом милиции Ситняковский вполне мог послать часть своих бойцов на операцию против банды Чотбая. Мог, но не послал. Почему? И когда отряд, возвращаясь с операции, принял бой у таможенной заставы, подмога от Ситняковского так и не пришла.

Теперь все становилось на свои места: Ситняковский действовал тонко, рассчитывая, что новый начальник милиции сам сломает себе шею.

Переправившись через Кара-Дарью, отряд стал подниматься в предгорье. До Мин-Урюка оставалось немного, когда Мурады и Пайды вернулись из разведки и доложили, что басмачи успели уйти в горы.

Добрынин в сердцах выругался, не скрывая досады. Он ожидал встречи с Мухановым в открытом бою, рассчитывая завершить операцию до наступления темноты. Теперь нужно продолжать преследование, не дать банде оторваться и ускользнуть.

Мин-Урюк — небольшой кышлак, всего несколько дворов. Банда пробыла здесь почти весь день. О приближении красного отряда кто-то успел предупредить Муханова. Жители в один голос утверждали, что русский генерал ушел вверх по течению Каракульджи.

«Далеко не уйдет,— подумал Добрынин. — Быстро идти не сможет: стада овец, женщины, дети... Надо преследовать». Прозвучала команда:

— По коням!

Отряд длинной вереницей растянулся по тропе. Вереты через две к Добрынину подскакал всадник в халате и тюбетейке. Солнце уже зашло, и в наступающих сумерках Добрынин не сразу разглядел лицо незнакомца.

— Связной от мусульманского отряда,— назвался всадник. — Товарищ начмил, нужно менять маршрут. Отъедемте в сторонку.

Чисто русское произношение не вязалось с одеждой всадника. Добрынин вгляделся: молод, остроносое, лицо белое, скорее всего европеец.

— Я задержался в Мин-Урюке и узнал много ин-

тересного,— неторопливо говорил связной. — Под страхом смерти бандиты потребовали от жителей указать ложный маршрут, а сами пошли в другую сторону. Обещали вернуться. Муханов держит путь в урочище Ойтал. Овец гонят по этой дороге, охрана небольшая, человек 20—30.

— Почему я должен тебе верить? — насторожился Добрынин.

— Потому что Ош — ворота Памира.

Это был пароль, который сообщил Добрынину в Узгене Лебедев. Чтобы окончательно развеять сомнения, Добрынин позвал Бондарева.

— Тебе этот парень знаком? — Добрынин кивнул на связного.

Бондарев пригляделся и уверенно сказал:

— Это Митька Чураков, сотрудник Лебедева. Вот встреча! Сразу и не признаешь в такой хламиде.

Чуракову едва исполнилось восемнадцать лет. Он вырос в Оше, свободно владел узбекским языком, по рекомендации комсомола его направили в отдел к Лебедеву.

Добрынин объяснил Бондареву возникшую обстановку и в раздумье спросил:

— Что теперь предпримем? Хочешь не хочешь, а надо дробить отряд. Придется тебе, Иван Лаврентьевич, догонять отары и поворачивать их в Узген. С десяток наших бойцов пусть все же останутся со мной. А ты, Дмитрий, возвращайся к ахунджановцам. Как они настроены?

— Товарищ начмил, никак понять не могу...

— Не буду подсказывать, сам знаешь, как надо держаться. Если что — сразу же дай знать.

Отряд разделился. Большая часть бойцов свернула направо, оставшиеся тронулись по равнине прямо

и вскоре растворились в наступившей темноте. В Мин-Урюк отправился гонец от Добрынина. Он вез два коротких донесения. Одно предназначалось Лебедеву, другое Ситняковскому.

Тропа вела все выше и выше в горы. В тишине ночи отчетливо звучал цокот копыт. Вдалеке показался и замерцал крохотный огонек. Проводник из Ургени, бывалый охотник Дуйшенкул, знавший местность как свои пять пальцев, объяснил, что там находится избушка лесника Ивана.

Избушка стояла на плоскогорье, за ней начинались заросли арчи. Иван оказался кряжистым мужиком лет шестидесяти, с заросшим густой щетиной лицом и дремучей бородой. Жил он бобылем, промышлял охотой на архаров, держал небольшую пасеку и не сетовал на свою судьбу.

— Для вас огонек засветил,— сказал он Добрынину.— знал, что пожалуете.

— Какая же это сорока принесла вам весть о нас? — спросил Добрынин.

— Не сорока, а дым,— усмехнулся старик. — Это я о Музакове говорю. Он, почитай, через каждую версту сигнальщиков расставил, вот они и сообщили про вас. А генерала мне довелось не раз видеть, под его началом на Памире служил.

— И много людей в банде?

— Десятка два офицерья, да басмачей с полсотни. Кроме них, женщины с детишками. Никак в толк не возьму, их-то зачем волокут с собой? Ведь не на прогулку направились. Воевать — дело мужицкое, а детишки и бабы причем? Бандюги в ущелье затаились, это мне доподлинно известно. В темноте вам лучше туда не соваться, перестреляют, как куропаток. Да и днем их не так-то просто взять. Жен-

щины-то к верховой езде не привычны, поэтому банда вынуждена идти еле-еле.

Слова лесника заставили Добрынина задуматься. Безоружных женщин и детей нельзя подвергать опасности. Но бой есть бой, и пуля не разбирает, кто перед ней. Добрынин морщил широкий лоб, думал. Потом стал о чем-то толковать с проводником и дедом Иваном. Решили ждать до утра.

Лесник поделился своими запасами с бойцами. Они сварили похлебку из муки, напились кипятка с медом и, выставив охранение, улеглись спать.

Было еще совсем рано, когда Добрынин проснулся и вышел из лесной избушки. На небе одна за другой гасли звезды, половодьем разливался трепещущий рассвет. Пахло свежестью диких трав, ароматом арчи. В стороне, где расположился отряд ахунджановцев, послышался сдавленный крик. Добрынин насторожился. Снова явственно прозвучал крик. Добрынин с двумя бойцами пошел на голос. Его никто не остановил, не окликнул. Возле низкорослой арчи на земле лежал человек. Его освободили от пут. Это был связной Митя Чураков.

— Ушли, сволочи... Какой-то час назад снялись и ушли,— дрожащим от обиды голосом тихо проговорил он и стукнул кулаком по земле. — В банде земляки у них. Из Андижанского уезда,— разминая затекшие ноги, объяснил Дмитрий. — Я задремал, потом проснулся, вижу, собираются. Хотел к вам, но меня схватили и связали. Прирезать грозились. Велели передать, что с женщинами и детьми воевать не будут.

Митю отвели в избушку лесника. Добрынин пригласил командиров полуэскадрона.

— Ахунджановцы дезертировали,— стараясь

казаться невозмутимым, заговорил он. — Ставлю задачу: разделиться на две группы, надежно закрыть выходы из ущелья и ждать подхода отряда Ситняковского. Нас поведут проводник Дуйшенкул и дядя Иван. Первыми активности не проявлять. Банда должна понять, что окружена и сопротивление бесполезно. Не будем терять времени. Поднимайте бойцов.

Когда Добрынин с бойцами спустился к ущелью, солнце уже взошло. Небо было чистым. В долине зеленели ковры разнотравья. Горы оглашались пронзительным криком птиц.

Зажатое высокими отвесными скалами ущелье тянулось вверх на две. По его дну, заросшему арчой и кустарником, протекала небольшая речушка. Там, где она вырывалась в долину, горы слегка расступались.

Банда ничем себя не выдавала. Казалось, что в ущелье никого нет. «А что, если Иван обвел нас вокруг пальца?» — подумал Добрынин и тут же отогнал эту мысль.

К полудню бойцы стали донимать жара. Они укрылись в тени скалы. Отряд Ситняковского не появлялся, и это рождало тревогу.

«Придется кого-то посылать в банду с предложением сдаться, — решил Добрынин. — Будем знать, как действовать дальше. Но кого?» Он остановился на Чуракове.

— Пойдешь парламентером, — сказал ему Добрынин. — Писать ничего не буду. Передай на словах: ущелье заперто с двух сторон, нас три сотни, на каждого по две гранаты. Сложат оружие — гарантируем жизнь, не сложат — пусть пеняют на себя. Скажи, если им не дорога своя жизнь, то пусть

не проявляют жестокость к женщинам и детям и позволят им покинуть ущелье. Задерживать их не станем, могут идти на все четыре стороны. На размышление два часа. Приглядись, оцени обстановку.

Митя вернулся через час. По его лицу нельзя было угадать, как прошли переговоры.

— Передал все слово в слово,— доложил он Добрынину. — Муханов спрашивает, кто командир отряда. Отвечаю: начмил уезда Добрынин. Он почему-то удивился. Подумал и говорит, что капитулировать перед каким-то мужиком ему не позволяет честь генерала. Согласен вести переговоры только с парламентером в чине офицера. Вместе с ним были курбаши. Я одному из них по-узбекски толкую, что положение у них безнадежное. Он в ответ: «Наши братья не станут в нас стрелять». Ну я тогда ему от себя ввернул, что «братьев» заменили эскадроном из Скобелева. У курбашей сразу лица вытянулись. Стараются держаться бодро, но после того, что я им передал, сразу залопотали, заспорили. Муханов прикрикнул на них, а мне предложил быстрее убираться.

Когда дневные краски стали гаснуть, из ущелья выехал всадник с белым флагом в руке. За ним, растянувшись в цепочку, ехали женщины с детьми. Парламентер Муханова передал, что генерал согласен сдаться и готов ждать до утра, если капитуляцию примет бывший офицер. Но ждать до утра он не стал и пошел на прорыв в другом конце ущелья. В темноте с десятком единомышленников генералу удалось уйти в неизвестном направлении. Оставшиеся утром сложили оружие.

Так и не дождавшись Ситняковского, Добрынин

вместе с полуэскадроном и своими бойцами выступил в обратный путь.

Бондарев к тому времени выполнил поставленную задачу. Отары овец были спасены. Ситняковский, посчитав, что главная цель операции достигнута, приказал возвращаться и не пришел на помощь Добрынину.

6

— Вы не забыли наш разговор про Кара-Су? — спросил Кондратьев Добрынина после заседания ревкома, обсуждавшего итоги операции по возврату государственной отары.

— Помню,— скупо ответил Добрынин.

— Пожалуй, завтра и поезжайте. Время не ждет. Кого вместо себя оставите в отряде?

— Бондарева. Мужик толковый.

— Согласен. Успеха вам,— Кондратьев крепко пожал руку начмила.

Проселочная дорога на Кара-Су пролегала по заросшим горицветом хлопковым полям. Горы отступили за них и голубели вдали, подернутые утренней дымкой. Дороги были пустынной, только изредка попадались одинокие глинобитные мазанки, огороженные высокими дувалами, из-за которых еще издали слышался злобный лай собак, почуявших всадников.

«А могут грохнуть и выстрелы,— подумал Добрынин, когда увидел за одним из дувалов притаившегося человека.— Пять выстрелов — и нас нет». Ему вспомнилось предупреждение Валерия Лебедева, и появилось сомнение: правильно ли он поступил, что отказался от охраны? Правда, он согласился взять Митю Чуракова.

Местность пустынная, где-то неподалеку басмачи, а он едет только с четырьмя бойцами — рискует. Но не оправдается ли этот риск той целью, которую поставили перед ним? Ему надо создать в Кара-Су отряд милиции. Отряд боевой, по-настоящему преданный Советской власти, способный бороться с басмачами. Значит, в него должны войти только искренние добровольцы. А что получится, если он, Добрынин, явится с охраной? Какая это агитация? Какие душонки вольются в отряд?

«Нет, Валерий не прав,— думал Добрынин. — Силой хвастать не стоит. Народ знает, что она есть, и недаром басмачи беснуются».

Всадники ехали маршевой рысью, иногда кони переходили в намет, но их сдерживали.

— Застоялся, шайтан! — незло ругался Хамид Шамсутдинов, желая похвастаться своим конем. Митя понимал это и, ничего не говоря, смеялся, отчего Хамиду еще больше хотелось показать силу своего любимца. Двое других милиционеров — Умаралы Юнусов и Мурзалы — рысили стремя в стремя и, казалось, были погружены в свои мысли, ничего не замечая вокруг.

Впереди показалась водонапорная башня станции Кара-Су, а минут через пять и весь кишлак, расстелившийся по равнине вокруг станции. Всадники поехали шагом вдоль железнодорожного полотна.

Солнце уже припекало. Воздух был насыщен душистыми запахами сохнущих бурьянов. Кони фыркали, отчаянно махали хвостами, отгоняя въедливых слепней. Всадники вытирали потные шеи, растегивали воротники.

— Товарищ начальник...— настороженно ска-

зал Умаралы и показал камчой на дорогу, уходившую от станции в сторону Султан-Абада. Там, вдали, у самого горизонта, клубилось облако пыли, оно быстро росло и приближалось.

— Басмачи? — спокойно спросил Добрынин.

— Да,— отозвался Мурзалы и в раздумье добавил: — Сорок, а может быть, пятьдесят коней будет.

— Да откуда же они взялись? — удивился Митя, суетливо оглядываясь по сторонам: нет ли еще где.

Добрынин тоже оглядывался, но думал о другом. Нужно было немедленно принимать какое-то решение. Силы далеко не равны, но выход должен быть. В двухстах метрах маячила кирпичная башня водокачки. Высоко под крышей в ней зияли узкие, как бойницы, окна. «Туда»,— решил Добрынин и подал команду.

— А ты, Хамид, назад — в Ош! К Лебедеву! Птицей!

Хамид гикнул, пригнулся к гриве коня и с места понесся галопом.

Дверь башни оказалась на замке, его сбили, забаррикадировались и поднялись к бойницам.

— Огонь вести только прицельный. Гранаты беречь! — командовал Добрынин.

Басмачи приближались лавиной. За ними стеной клубилась рыжая пыль. Слышался топот копыт, сливавшийся в гул, потом появился новый звук — вой, он нарастал и дробился на отголоски. Десятки глоток разноголосо распаляли ярость басмачей.

Кишлак опустел, все живое спряталось, даже собаки забились в конуры. Ворвавшись в кишлак,

басмачи открыли стрельбу. Послышался густой треск, но он не заглушил воя.

— Огонь! — скомандовал Добрынин, и выстрелы милиционеров слились с пальбой басмачей. Несколько всадников, взмахнув руками, роняя оружие, рухнули наземь. Остальные проскакали к станции и там столпились, не решаясь вернуться к упавшим, еще не понимая, что произошло, но почуяв опасность. Вокруг главаря собрались пожилые всадники на красивых конях. Остальные потихоньку прятались, не спуская глаз с трупов, которые быстро серели, покрываясь оседающей пылью. Но вот откуда-то появился сутулый в длинном ватном халате старик. Втягивая голову в плечи, он показывал на водокачку и что-то говорил. Его пропустили к главарю и почти сразу же послышались злобные выкрики.

Добрынин следил за басмачами в свою бойницу и пытался угадать, что предпримут басмачи, а те не спешили атаковать. Закружились на месте, снова завопили, заулюлюкали, словно призывали свою храбрость вернуться в их души.

— Митя,— сказал Добрынин,— на всякий случай спустись на нижнюю площадку, и если разломают дверь, встречай гранатами. А мы постараемся не подпустить.

— Есть! — Митя ринулся вниз по железной лестнице, гремя сапогами.

Басмачи спешились и стали окружать водокачку. Группа человек в двадцать собралась напротив дверей. Было ясно — готовится штурм.

Добрынин приказал открыть огонь по этой группе. Только двое, не успев спрятаться за дувалами, упали в мягкую пыль. Остальные затаились.

Минуты тянулись медленно. Добрынин думал о Хамиде и не был уверен, что тому удалось незаметно уйти от басмачей. В пылу первых минут боя Добрынин забыл о нем и не посмотрел на дорогу. «А отсюда было бы видно его»,— упрекал он себя, оглядывая равнину с высоты башни. И вдруг подумал: «А что изменилось бы, если бы я увидел? Все равно надо держаться или до прихода Валерия, или до последнего патрона». Не оборачиваясь к Мурзалы и Умаралы, он спросил:

— Как думаете, чего они мешкают?

— Помирать боятся, конечно,— ответил Умаралы.

Мурзалы только прокашлялся, но ничего не сказал.

— А вы? — спросил Добрынин. — Дела-то наши не очень...

— Конечно, не очень. Только басмачам еще хуже. Кирпич пуля не берет. Дико стрелять не хотят.

— Верно, Умаралы. Мы продержимся.

И в эту минуту по бойницам защелкали пули. Милиционеры инстинктивно присели, но, услышав крики атакующих, бросили две гранаты. Одна из них разорвалась впереди бегущих, вторая попала в толпу. Басмачи с воем бросились в стороны. Однако несколько человек успели укрыться под стеной башни. Добрынин догадался об этом, услышав их выкрики. Кирпич хотел сбросить на них гранату, да и гранат оставалось мало. Их надо было беречь на крайний случай. «Пусть орут»,— подумал Добрынин.

А басмачи готовились к новой атаке. Снимали окружение, собирались все напротив дверей. Где-то затрещали ворота. Несколько басмачей бегом про-

несли за дувал тополевое ошкуренное бревно. «Стенобитное орудие готовят», — понял Добрынин и крикнул вниз:

— Митя, приготовься!..

— Я тут,— отозвался Чураков. — Чего они хотят?

— Дверь ломать будут.

— Я готов. А вы смотрите...

С улицы снова послышались вопли, гиканье, свист, по бойницам защелкали пули.

— Гранаты! По одной! — скомандовал Добрынин.

Грохот взрывов, крики, пальба, свист пуль смешались и оглушили милиционеров. Басмачи прорвались к дверям, ударили по ним бревном и ринулись в пролом, но тут же их отбросило назад — Митя не опоздал.

Башня наполнилась едким дымом. Грохотали железные лестницы, кричали у дверей раненые, и по-прежнему выли на улице басмачи.

Добрынин спустился к Мите.

— Цел?

— Не слы-шу! Уши заложило...

— Ступай наверх,— Добрынин показал на вторую площадку и подтолкнул Митю к ступенькам. Тот ушел.

Вопли стихли. Дым рассеивался. И вдруг Добрынин увидел на стене тени. Кто-то крался по лестнице, стараясь не шуметь. Ясно различались фигуры в халатах. «Переменили тактику»,— подумал Добрынин и, выхватив кольт, несколько раз выстрелил. Грохот падающих тел и крики убегающих снова наполнили башню, как пустую бочку. И вдруг сверху донесся испуганный крик Мити:

— Александр Константинович, гузапаю несут!

Под ногами Добрынина защелкали пули. Басмачи стреляли в пролом двери, не давали спуститься к тем, кто поджигал охапки стеблей хлопчатника.

— Выкурить, сволочи, решили... — выругался Добрынин и бросил вниз свою последнюю гранату. Но щеке что-то царапнуло, в грудь ударила взрывная волна. Шатнувшись к стене, Добрынин устоял на ногах и пощупал щеку — на пальцах была кровь.

— Пустяки...— сказал он, поднимаясь на вторую площадку. Струйка крови побежала за воротник. Товарищи смотрели на него настороженно, а его покачивало, он не мог найти твердую опору, словно лестница находила ходуном.

— Перевязки, чего стоишь! — разозлился он, глядя на испуганного Умарали. Тот выхватил бинт, шагнул навстречу.

— Держаться надо. Немного осталось,— продолжал Добрынин другим тоном и чувствовал, что эти слова нужны не только его товарищам, но и ему самому.

— Да их уже и половины не осталось,— торопливо согласился Митя. — Дали мы им жару.

— Конечно! — твердо произнес Умарали.

Басмачи разъярились. Они уже не укрывались за дувалами, а собрались под стеной башни и жердями запихивали в пролом двери охапки горящей гузапаи. Сквозняк подхватывал огонь, и дым уносился в башню.

Молчание милиционеров тоже подействовало: басмачи почувствовали перевес, заликовали. И вдруг сразу три взрыва гранат разметали их по площади. Вопя истошными голосами, они откатились от дувала и оглянулись на башню, когда по-

чувствовали себя в безопасности. Башня, как огромная самоварная труба, прикрытая красным колпаком крыши, дымилась густыми черно-серыми змеями, которые соединялись над крышей, отбрасывая на пыльную площадь бурую тень. Басмачи смотрели, затаив дыхание и не решаясь снова пойти в атаку.

Главарь призвал к себе доносчика и грозился прирезать его, как барана, если в башне окажется не четыре трупа милиционеров, а больше.

— Я поверил тебе, но поверь и ты мне — ты умрешь, как только я загну вот этот пятый палец, когда насчитаю больше четырех. — Главарь вертел пальцами перед лицом испуганного доносчика и показывал на нож, висевший на поясе поверх цветного халата. И вдруг услышал истерический вопль со стороны коновязей:

— Таксыр! Таксыр!

Оттуда скакал молодой басмач.

— Кызыл-аскеры! Кызыл-аскеры! — кричал он и махал рукой в сторону станции.

Глянув туда, басмачи увидели всадников и на какое-то мгновение замерли, ошеломленные внезапным появлением красных воинов. Они узнали их с одного взгляда. Те неслись в конном строю молча и еще не обнажали сабель.

Главарь выхватил пистолет, выстрелил в живот доносчика и первым опрометью бросился к коням, его обгоняли ошалелые басмачи. Но не всем удалось уйти от кызыл-аскеров, которые уже перестраивались для атаки и обнажали сверкающие на солнце клинки.

А из башни, кашляя и пошатываясь, выходили закопченные милиционеры, и на улице появились

люди. Кто-то принес кувшин воды. Другие обступили Добрынина, просили записать в отряд милиции. Добрынин показал на Митю.

— Он — секретарь.

Лебедев подскакал, когда Добрынин разговаривал с местными стариками, советуясь, какой дом бачи реквизировать под помещение для милиции.

— Вижу, ты уже провел агитацию,— сказал Лебедев, спешиваясь и кивая на толпу вокруг Мити.

В этот день записалось двадцать три человека. Так были созданы местная Кара-Суйская милиция, которая потом принимала участие в ликвидации басмачества.

7

Ночь медленно отступила с востока. Заря теснила ее тени. Но облачное небо словно поглощало свет, и утренние сумерки затягивались. В них едва различались всадники, выехавшие из крепостных ворот. Весь отряд казался слитной массой, за которой двигалось что-то бесформенное — это был обоз.

Пахло конным, фырканье лошадей, стук колес и голоса сливались в приглушенный, вязкий шум.

Отряд выезжал на ворота не спеша, без суеты, над ним поднималась светло-серая пелена пыли, как дымка пара над утренней тихой рекой.

Город еще спал, только у дороги, в разбуженных мазанках, вспыхивали желтоватые огни, и во дворах с высокими дувалами появились смутные фигуры в длинных халатах.

Выйдя на ярканскую дорогу и миновав Сулейман-гору, отряд перестроился. Всадники в развернутом строю двигались по пологим холмам, обоз

и часть отряда остались на дороге, вперед выдвинулась группа дозора.

Добрынин, командовавший отрядом, был настороже. Вчера поздно вечером на заседании укома очень бодро говорили о предстоящей операции. Особенно все ясно было Ситняковскому, который бойко объяснил обстановку, «разжевал» план действий и слишком уверенно предсказал успех.

Добрынина насторожило одно маленькое обстоятельство. Кишлак Таш-Ата находится не так уж далеко от Оша, в котором стоит сильный гарнизон. Почему же курбаши Хал-Ходжа и Саиб-Кары решили соединить свои банды почти на глазах у этого гарнизона? Что придает им уверенность? Почему они обнаглели до такой степени? Знают, что гарнизон состоит из разношерстных отрядов и думают, что эти отряды не смогут действовать слитно?

Сейчас отряд Ахунджана вышел из Андижана с отрядом Соленова. Они приближаются к Таш-Ате с противоположной стороны. Клещи должны сомкнуться. Что же тревожит Добрынина?

— Светает, как у черта в мешке,— сказал он, оглядывая сумрачную долину.

— Кажется, дождик будет...— отозвался Митя Чураков, ехавший рядом. Он кивнул на небо. Тени клубились, и наползали на зарю мутные облака. Под ними едва угадывались темные хлопковые поля, справа поднимались молчаливые щербатые вершины гор.

Но вот далекий хребет в самой своей высокой части засиял, выглянуло солнце, лучи брызнули из-под облаков, и долина осветилась мягким светом. А вершины хребта заиграли разноцветными красками ледников.

— Хороший день будет,— сказал подъехавший Кудайберген,— верная примета. — Он кивнул на ледники и пояснил: — Веселый свет — веселый день.

Добрынин молчал, думы его были невеселые: встреча с басмачами, да еще когда они соединяются в одну банду, ничего веселого не обещала. Это Кудайбергену, везучему разведчику, все кажется, что они едут на охоту. Уверовал он в свою удачу, теряет бдительность.

— Проверь дорогу,— сказал Добрынин, махнув плеткой в сторону ущелья, которое показалось справа. — Дозорным передай, чтобы не отрывались далеко.

— Есть, товарищ начальник! — Кудайберген пришпорил своего ладного скакуна и, пригибаясь к луке седла, полетел вперед.

Отряд в прежнем порядке спорачивал и втягивался в Арпинское ущелье. Оно заросло ивняком и облепихой, кое-где зеленели густые массивы молодых тополей. Далеко впереди виднелись ровные квадраты садов, а где-то за ними — кишлак Таш-Ата. И кто там? Сколько? Соединились басмачи или еще нет? И что думает Хал-Ходжа?

Добрынин подал знак, отряд остановился, начал спешиваться. Кудайберген доложил, что дорога свободна.

— Уже близко осталось. Пять километров будет. Больше — нет.

— Отправляйся туда. Наблюдай,— приказал Добрынин.

Справа над ущельем возвышалась пологая гора, с которой можно видеть и Таш-Ату и дорогу на Андижан.

Добрынин решил занять позицию здесь и ждать, когда отряды Ахунджана и Соленова потревожат басмачей. Действия последних подскажут, что предпринимать дальше. Если силы басмачей большие, они контратакуют андижанцев, тогда Добрынин ударит с тыла. Если они побегут, он встретит их и не выпустит из ущелья.

Отряд занимал позиции, готовился к бою. Вестовые сновали между командами волонтеров, отрядом милиции и партийной дружиной. Их командиры собрались к Добрынину на совет. Говорили мало, только уточнили маршрут, провели рекогносцировку и вернулись к своим людям. Добрынин остался с отрядом милиции.

Умаралы Юнусов и Хамид Шамсутдинов о чем-то спорили. Подойдя к ним, Добрынин услышал неожиданное.

— Какой дурак туда пойдет? — спрашивал Умаралы и сам отвечал: — Никакой дурак не пойдет.

— Загнать надо! — горячился Хамид. — Сам не пойдет — загнать надо.

— А почему не пойдет? — спросил Добрынин. Он понял, о чем спорили милиционеры. Задача отряда состояла в том, чтобы загнать басмачей в расщелину, что врезалась в горы недалеко от позиций, и там покончить с ними. В ущелье, заросшем кустарником, тополевыми рощами и садами, басмачей не достать, они рассеются. Это их тактика. Они разбегаются, как тараканы, когда встречают силу, и снова сползаются в заранее условленном месте. Кажется, разбитые наголову, опять собираются в банду.

— Так почему не пойдут? — переспросил Добрынин.

— Это каменный мешок. Выхода нет,— ответил Умаралы. — Все местные знают его. Никто не пойдет. Дураков нет.

Спор продолжался. А Добрынин, отойдя в сторону, думал, как развернутся события. Сдержит ли милиция лобовой натиск басмачей? Сумеет ли выполнить свою задачу фланговая засада волонтеров и добьется ли успеха партийная дружина?

Время тянулось нудно.

Кудайберген с тремя разведчиками ушел час назад, но еще ничего не доложил. Что там в кишлаке и что на андижанской дороге?

Впереди позиций лохматым скомканным ковром бугрилось зеленое ущелье, и ничто не подсказывало, кто появится через минуту.

Но зато Кудайберген и его разведчики видели все. С горы открывалась четкая панорама всего ущелья. Просторное и зеленое, оно просматривалось из края в край. Было уже светло. Белые облака уплывали на Алайский хребет, небо голубело, и с него лились волнистые потоки света.

Синеватая тополевая роща занимала центр ущелья. На ней раскинулся большой кишлак Таш-Ата. Сверху он казался огромной загородкой для скота, с кучами навоза и с одинаковыми обнаруженными каратачами. На его окраине паслись стреноженные лошади. Около некоторых мазанок дымили костры, и видны были закопченные котлы. Пастухи готовили завтрак. Все было тихо, спокойно и, казалось, ничто не нарушит этой мирной картины.

Кудайберген, приникнув к глазам добрынинский бинокль, вглядывался в строения и переводил взгляд на андижанскую дорогу, где тоже было спо-

койно. Разведчики вполголоса высказывали свои сомнения.

— Пожалуй, там один Саиб-Кары,— говорил Митя,— лошадей немного, а может быть, это и не все?

Они лежали за обломками скал. Солнце припекало, и они жались к холодным камням, обливаясь потом. Август стоял знойный, давно не было дождя. От травы исходил душный запах сена. Легкий ветер поднимал пыль, и она облачками стелилась по склону горы, как серый туман.

Но вот другое, клубящееся облако поднялось над андижанской дорогой. Оно выкатилось из сизой дали и быстро неслось к кишлаку. В бинокль было видно скачущих впереди всадников. Кудайберген вглядывался за облако пыли, но там больше никого не было. «Разведка»,— понял Кудайберген. И действительно, это была разведка басмачей. Она заметила приближающиеся отряды Ахунджана и Соленова и спешила предупредить Хал-Ходжу и Саиб-Кары.

Из кишлака заметили ее. Во дворах забегали люди. Многие из них кинулись на лужайку к коням, другие выводили коней из-под навесов.

Когда разведка влетела в кишлак, уже все были верхом. Кружа по кишлаку, пестрая масса всадников некоторое время как будто не могла найти выхода и вдруг плеснулась в сторону Аравана.

Кудайберген уже послал к Добрынину двух разведчиков доложить обстановку. Теперь он понял, что предприняли басмачи, и опрометью бросился докладывать сам.

Басмачи решили уйти от преследования, вырваться из тесного Араванского ущелья и скрыться

в тех невысоких холмах, что виднелись за позициями Добрынина. Басмачей было более трех сотен. Хорошо вооруженные, на отличных конях, но еще не успевшие узнать друг друга, они решили не связываться с красными и откатывались лавиной, стремясь вырваться из ущелья.

Добрынин приказал приготовиться и ждать сигнала контратаки. Лавины еще не было видно, слышался только топот копыт, и над тополевой рощей поднялось облако пыли, которое медленно уплывало за ту самую гору, откуда скатились разведчики Кудайбергена.

Топот нарастал. Бойцы сводного отряда лежали на самом солнцепеке и, не замечая духоты, не шевелясь, смотрели на дорогу, готовые в любую минуту открыть огонь. Фланговая засада скрывалась в зарослях облепихи; их донимали мухи, но это замечалось до команды «приготовиться». Теперь же волонтеры смотрели на облако пыли и грудью чувствовали, как все ближе и ближе дрожит под лавиной земля. Сухая, знойная, она гудела и словно прогибалась в том месте, где катилась лавина.

И вдруг воздух разорвался, как коленкор. По ущелью рассыпалась длинная пулеметная очередь, и следом немотинулись винтовки, с ними смешался гул лавины. Топот, ржание, крики, выстрелы, звон сабель, треск пулеметов и отчаянный вой закружились на месте, как в клокочущем котле, отдались эхом в горах и покатились над ними, дрожа и вспле скиваясь.

— Вперед! — раздалось в зарослях облепихи. Это настало время волонтерам ударить с фланга. Они ринулись на басмачей, которых уже рубили конники дружины. Отряд милиции теснил с фрон-

та. Лавина басмачей дрогнула и хлынула туда, куда погнали ее волонтеры.

Узкая горловина каменного мешка не вбирала всех. Некоторые басмачи метнулись по сторонам, а ядро, сминая само себя, ломилось в горловину и там, за скалами, продолжало мять себя, уходя от пуль.

Кудайберген и его товарищи преследовали тех, кто пытался увернуться от ловушки, и многие басмачи слетали с коней, настигнутые клинками. Но многие и ушли. Им помогли заросли и тополевые рощи.

Добрынин остановил преследование, когда главные силы басмачей влетели в горловину расщелины, и отряд милиции запер их там, как в мышеловке.

Бой закончился. Бойцы приводили себя в порядок, перевязывали раненых, собирали трофеи. В обозе закурились походные кухни. Решено было передохнуть, подкрепиться и тогда приступить к полной ликвидации банд Хал-Ходжи и Саиб-Кары. Но в это время из Оша прискакал гонец с приказом от Ситняковского немедленно вернуться в крепость для защиты города от ожидаемого нападения басмачей. Это было настолько неожиданно и срывало намеченый план операции, что Добрынин усомнился в подлинности приказа и попытался узнать у гонца обстановку в городе. Но тот ничего объяснить не мог. Ему вручили приказ, и он должен был доставить его исполнителю.

— Ну, а в городе что?

— Говорят, из Гульчи басмачи идут. Паника там.

Добрынин послал Кудайбергена навстречу андижанцам. Хотел, чтобы они ускорили свой марш и сменили его у ловушки — нельзя было бросать не-

добитых басмачей. Но Кудайберген вернулся ни с чем. На несколько километров за Таш-Ата не было андижанцев.

Пришлось оставить небольшой заслон, а весь сводный отряд бросить ускоренным маршем на выручку крепости. Бойцы седлали неотдохнувших лошадей, спешно обедали сами. Через час выступили в поход, ожидая, что придется с ходу встретиться с басмачами.

Было жарко. Полуденное солнце палило нещадно. Ущелье, как разогретая чаша с зеленью на дне, наполнилось душными запахами вянущей листвы, и все вокруг млело и крепком настое пропитанного пылью воздуха.

Через два часа передовые отряды милиции влетели в крепость, и тут стало известно, что паника была ложная. Добрынин был ошеломлен и не верил, что Ситняковский поддался ей не без цели.

Эти сомнения впоследствии оправдались. Ситняковский оказался предателем. Когда через месяц, в сентябре на Ош нахлынули басмачи Мадамин-бека и белогвардейцы Монстрова, Ситняковский открыл перед ними ворота крепости.

Кондратьев, Добрынин и другие руководители уезда были схвачены белогвардейцами и брошены в тюрьму. Когда заключенных собирались ночью вывести за город и расстрелять, тюремная охрана не выдала их и выпустила на свободу. Эту операцию умело провели оставшиеся в подполье ошские коммунисты и комсомольцы.

Белогвардейский авантюра потерпела крах. На помощь Ошу пришел Казанский полк Красной Армии. Басмачи и белогвардейцы в панике бежали в горы.

СХВАТКА У СТАРОЙ МЕЧЕТИ

Скульптор увековечил юного героя в бронзе на высоком мраморном постаменте. Выпуклый лоб, прикрытый прядью волос. Мечтательный взгляд устремлен вдаль. Пухлые губы. Крутой подбородок... Он ушел из жизни, когда ему едва исполнилось 20 лет. Ушел, совершив подвиг во имя революции, и вряд ли тогда он думал о подвиге. Думал лишь о том, как лучше выполнить свой долг.

Его жизнь оборвалась после ранения в просторном дворе старой ошской мечети на правом берегу Ак-Буры, неподалеку от шумного базара. Шершавые, иссеченные дождями, иссушенные ветрами,

опаленные знойным солнцем стены мечети могли бы многое поведать о последнем для него бое. Но стены, известно, безмолвны...

Как услышать сквозь десятилетия биение молодого сердца? Как донести до нынешнего поколения дыхание суровых, героических дней гражданской войны на юге Киргизии? Как увидеть человека таким, каким он был в жизни? Решение пришло само собой: пусть о давно минувшем расскажут близкие, друзья героя, те, кто хорошо знал его, кто дожил до наших дней и кого уже нет среди нас.

* * *

Александр Голубев. По-моему, важно не сколько ты прожил, а как прожил. Мне сейчас 87, и на склоне лет память часто возвращает меня в прошлое, к незабываемым событиям в нашей стране. Память будит воспоминания о моем брате Володе, который ушел из жизни в самом расцвете.

Володя родился 28 июля 1899 года в городе Фарабе Сыр-Дарьинской области, когда мне исполнилось семь лет. Наш отец Денис Семенович работал на железной дороге. Он умер через год после рождения Володи. Матери пришлось пойти в услужение к богатеям. Взяли она прислугой, кухарничала, стирала белье, нянчила чужих детей, чтобы как-нибудь сводить концы с концами. Но достаток не приходил.

Выручила тетка Василиса, взяла Володю на воспитание. У нее он прожил шесть лет, и, возможно, жизнь его сложилась бы по-другому, если бы не смерть тетки. Володю отправили к матери. После долгих мытарств и унижений мать определила его в Петро-Александровское городское училище.

Ему установили государственный пансион, но проучился он всего четыре года. Случилось так, что вечером, играя в лапту, Володя угодил мячом в лампу. Вспыхнул пожар. Володю за это исключили из училища.

В 12 лет он стал работать мальчиком в магазине, был на побегушках, получал подзатыльники от купца-хозяина, терпел издевательства и лишения. В 16 лет пошел работать на хлопкоочистительный завод — торговая карьера его не прельщала.

Октябрьская революция застала его в Чимбае. Летом 1918 года вооруженная до зубов банда Джунаид-хана напала на хлопкозавод. Рабочие (в их числе был и Володя) отчаянно защищались, но слишком неравными были силы. Бандитам удалось поджечь бунты с хлопком, ночью они ворвались на территорию завода. В темноте и суматохе Володе с двумя товарищами удалось вырваться из огненного кольца. На заводских конях они ушли в пески Кара-Кумов и с трудом добрались до Илецкой защиты, где вступили в кавалерийский полк Красной Армии. В составе полка он сражался с белоказаками атамана Дутова, пробился с боями в Туркестан, был ранен. После выздоровления Володю зачислили в Памирский пограничный отряд, сформированный в Ташкенте и направленный в город Ош.

Обо всем этом я узнал, когда встретился с Володей в мае 1919 года в Андижане. Мы не виделись семь лет. О себе Володя рассказывал скупо, по его словам выходило, что ничего особенного он не совершил. Впрочем, наверное, так оно и было: немало юношей его возраста сражались с оружием в руках с врагами революции и считали это своим долгом.

Володя был общительным, готов был поделиться с товарищем последним куском хлеба. Всегда уравновешенный, неунывающий — таким он сохранился в моей памяти.

* * *

Нина Петровская (из дневника).

«В июне семнадцатого года я окончила с золотой медалью Скобелевскую женскую гимназию, а в сентябре стала учительствовать в Ошском начальном училище.

С Володей познакомилась в середине мая девятнадцатого... Был он смуглым, с крупными чертами лица, хорошо сложен, всегда подтянут и корректен. У него были чистые краски глаз, лица, волос. Больше всего мне запомнились его глаза — огромные и удивительно добрые. Именно добрые и никакие иные.

Доброта была отличительной чертой его характера... Казалось, сама жизнь должна была его ожесточить... а он был на удивление добрым...

Сначала... казалось необъяснимым, непонятным, как можно быть добрым, светлоносным, когда вокруг идет жестокая война, когда каждый день гибнут люди. Позже я поняла, что доброта — это то, что делает человека человеком, это особое проявление не столько человеческого характера, сколько человеческого сердца.

Володя всеми своими действиями проявлял доброту к людям. Он обладал способностью чувствовать чужую боль, откликаться на нее. Мне запомнилось, как однажды он столкнулся на базаре с маленьким оборвышем. Мальчик стоял с протянутой рукой, доверчиво смотрел на людей и робко просил милосты-

ню. Володя остановился, лицо его помрачнело. Он поспешно достал из кармана мелочь и отдал мальчику, сказав при этом:

— Это все, что я могу для тебя сделать...

Из его рассказов я знала, что ему приходилось не раз смотреть смерти в глаза. Он считал, что если бандиты не будут обезврежены, то принесут еще большее зло. Высшей справедливостью он считал возмездие врагам революции и во имя этого не щадил себя.

У него были свой взгляд на вещи, свое представление о людях, о делах, свое мнение, наконец...

Счастье, по его мнению, это метод последовательного приближения к цели. Счастье — это и ожидание, и встреча с хорошим человеком, который готов понять тебя, хотя два человека одну и ту же истину понимают по-разному. Счастье — это утрата одного и приобретенье другого. Долг и доброта в понимании Володи образуют единый органичный сплав.

— Долг,— объяснил Володя,— это поступок или несколько поступков, которые выражают наивысший смысл человечности — доброту.

Для меня это было открытием... И еще мне запомнились его слова о том, что каждый человек, родившись, должен исполнить свой долг, который поднимает его над самим собой...

Когда, где он успел почерпнуть эти премудрости жизни? Оказалось, он много читал, у него был повышенный интерес к книгам. Я заметила это в его первый визит в наш дом. Он тогда сразу обратил внимание на мою этажерку с книгами. Получив мое разрешение, он с какой-то жадностью пробежал глазами тисненые на корешках названия книг.

Потом он поведал, что, будучи в училище, читал запоем, и в Бухаре, когда служил у купца в магазине, допоздна засиживался в читальном зале городской библиотеки.

Со мной Володя был предельно откровенным и в то же время о служебных делах предпочитал говорить меньше всего...

...7 сентября 1919 года город Ош захватили белогвардейцы Монстрова и басмачи Мадамин-бека. После падения крепости коммунистов арестовали и бросили в тюрьму. Я ничего не знала о Володе; где он, что с ним, никто ничего не мог сказать о нем. Я увиделась с ним только 26 сентября, в день освобождения города Красной Армией. Позже от его товарищей я узнала, что Володя... после падения крепости по заданию комсомольской организации ушел в подполье, принимал участие в освобождении коммунистов из тюрьмы. Мне он об этом не сказал ни слова...

...До мельчайших подробностей запомнилась мне наша последняя встреча... 2 октября. В тот вечер мы долго бродили по парку. Было еще по-летнему тепло, и лишь от Ак-Буры тянуло прохладой. В небе зажглись крупные осенние звезды.

Володя был отчего-то задумчив, больше молчал, чем говорил. Мы прошли по аллее вдоль Ак-Буры к восточной окраине парка и оказались на небольшой поляне, окруженной молодыми тополями. Нарушая тишину, в стороне электростанции явственно прозвучало несколько выстрелов. Мы остановились, прислушались, но выстрелы не повторились. Володя провел рукой по коре тополя, потом коснулся моей руки и тотчас же отнял. Я слышала его дыхание, оно становилось все слышнее.

— Я хочу тебе сказать, Нина...— начал он и не договорил. Его дыхание, только что шумное, оборвалось. Он затих, и вместе с ним будто погасли все звуки вокруг, будто небо стало ниже, и Ак-Бура шумела глуше.

— Нина, если что со мной случится,— продолжил Володя,— то пусть эта поляна станет для меня последним пристанищем...

Я сразу как-то не поняла, что именно он имел в виду, а когда до меня дошел смысл сказанного, не выдержала, разрыдалась. Володя не ожидал такой реакции... стал успокаивать, уверял, что это всего лишь... шутка. Через минуту он уже был веселым, улыбался, строил планы на будущее. А назавтра был бой, последний бой для Володи...»

* * *

Воспоминания, как пламя костра: то разгораются ярким огнем мысли, то затухают, чтобы вспыхнуть с новой силой.

В тот вечер на киевской квартире Дмитрия Дмитриевича Чуракова я слушал его и казалось, что смотрю на пламя, в котором каждую секунду появляется что-то новое, неповторимое...

Д. Д. Чураков. Произошло это на второй или третий день после прибытия в город Ош Памирского отряда. По вечерам комсомольцы собирались в небольшой комнате, отведенной для нас уездным комитетом партии. Слышим, в дверь кто-то постучал.

— Входите, открыто,— отозвался Земсков, наш комсомольский секретарь. Дверь распахнулась. Вошел незнакомый парень.

— Комсомольский штаб здесь? — спросил он.

— Штаб — у военных, у нас просто комитет,— ответил Земсков, разглядывая парня.

— И к вам по делу,— широко улыбнулся незнакомец. Он назвал себя.

Тогда я и познакомился с Володей Голубевым. Его привело к нам желание вступить в комсомол. Через несколько дней мы приняли в члены Коммунистического Союза Молодежи Володю Голубева, Мухамеда Арсланова, Лизу Неупокоеву и Рашида Шашканова...

Володя лихо танцевал, знал немало песен, играл на гитаре, и эти качества сразу выделяли его в компании. Мне довелось вместе с Володей принимать участие в двух боевых операциях. Кавалерист он был отменный, великолепно владел саблей, метко стрелял, отличался бесстрашием и хладнокровием.

Володя помог раскрыть намечавший в Памирском отряде заговор против Советской власти. Ему удалось узнать, что часть бойцов из числа кулацких сынков, бывших кадетов и юнкеров намеревались по прибытии на границу уйти с оружием в руках за кордон. Обезвредить изменников Родины помешало нападение на Ош басмачей и белобандитов.

После прихода в город Красной Армии Володя стал бойцом отряда особого назначения, выполнял ответственные задания. Запомнилось одно из них. Возникла необходимость послать в Андижан пароччи с донесением особой важности. К тому времени боеприпасы у защитников города были на исходе. Об этом враг не должен был знать. Чтобы доставить пакет в штаб Андижанского боевого участка, требовался исключительно надежный человек. Выбор пал

на Володю, и он с честью выполнил задание, вскоре для ошского гарнизона доставили патроны.

О том, что басмаческая банда намерена напасть на ошский базар в пятницу, 3 октября, мы узнали накануне. Для участия в операции выделили взвод Красной Гвардии и часть отряда особого назначения под общим командованием Ивана Лаврентьевича Бондарева.

Утром 3 октября поступило сообщение, что басмачи совершили нападение на пригородный кишлак. На помощь жителям кишлака поспешила партийная дружина под командованием А. К. Добрынина. Завидев нас, басмачи поспешили уйти. Мы вернулись в город, узнали, что идет бой с басмачами в старом городе, и ринулись на помощь нашим. Когда мы ворвались во двор мечети, где засели басмачи, я увидел Володю. Он лежал ничком неподалеку от дувала и еще дышал. Как проходил бой, более подробно знает И. Л. Бондарев...

* * *

Ивана Лаврентьевича Бондарева удалось разыскать в Батуми. Когда наступали сумерки, мы медленно шли по набережной, слушали как шумит морской прибой, дышали морским воздухом. В один из таких вечеров я услышал то, что меня интересовало.

И. Л. Бондарев. Да, мы ждали нападения басмачей. Ждали и приготовились к этому. Постарались все предусмотреть и не дать басмачам уйти безнаказанными.

По сигналу тревоги сводный отряд под моим командованием поспешил в старый город. На базаре

творилось что-то невообразимое: выстрелы, крики, ржание лошадей, суматоха... Одним словом — паника. Басмачи без разбора грабили торговые ряды, тащили все, что попадется под руку.

Мы спешились, перекрыли им пути отхода. Группе бандитов все же удалось уйти, остальные попрятались в мечети, укрылись во дворе за высокими дувалами.

Расчет у них, как я понимаю, был простой: досюда, место святое, мы туда не сунемся, а они отсидятся и постараются уйти через соседние дворы. Но мы обложили их, что называется, наглухо, и все же дальний угол двора мечети оставался без присмотра, чтобы попасть туда, нужно было пробраться через дувалы примыкавших к мечети кибиток.

Как тут быть? Придется кого-то посылать. Объяснил я своим хлопцам положение, сказал, что дело опасное. Кто вызвался? Голубев первым вызвался, заверил, что не упустит ни одного бандита. На него я мог положиться, как на самого себя, вместе в подполье были в сентябре, вместе коммунистов освобождали из тюрьмы. Но это уже другой рассказ...

Посмотрел я ему в глаза и понял, что даже погибая, он выполнит поставленную задачу. И хотя мелькнула мысль, что боец может погибнуть, но в душе все же была уверенность — живым вернется. Отвел я его в сторонку и спокойно так говорю, словно ничего особенно вокруг не происходит.

— Вот что, Голубев, я тебе посоветую. Нужно всполошить басмачей, пусть думают, что мы в тыл им зашли. Бери пару гранат и устрой шум. Они, конечно, отвлекутся, вот мы этим и воспользуемся и

проникнем через дувал во двор. Тут им и крышка. Нельзя больше тянуть время, уйти могут. Давай, действуй.

Володя ушел, и через несколько минут на помощь нам подоспели дружинники Добрынина. Притаились у дувалов, ждем. И вот слышим один за другим взрывы гранат. Выждали еще минуту и через дувал кинулись во двор мечети. Видим, басмачи в панике руки поднимают, но кое-кто из них пытался отстреливаться.

Вдруг подбегает Митя Чураков и сообщает, что Володя тяжело ранен. Я приказал Чуракову хоть из-под земли найти извозчика и доставить Голубева в больницу. Не помню, как и где, но Митя извозчика нашел, и Голубева увезли. Вечером я узнал, что спасти его не удалось. Басмаческая пуля пробила ему легкое, он потерял много крови.

Похоронили мы Володю в парке, на берегу Ак-Буры, на полянке, под сенью тополей. Молодой еще был, ему бы жить да жить...

* * *

Биография складывается из действий и поступков человека. Бывает: прожитые годы словно не долетевшие до цели стрелы. Но есть другая жизнь, вся на переднем крае, вся на виду, где подвиг обычен. Именно такой жизнью прожил Володя Голубев.

Я стараюсь представить последние минуты жизни Володи. Вот он взял у Бондарева гранаты и, легко ступая, пошел вдоль дувала. Скрылся за поворотом. Остановился. Прислушался. Там, за дувалом, враг.

Вся его жизнь до сих пор — это дорога, проложенная им самим, а потом людьми, по которой он шел. Дальше дороги нет. Она кончилась здесь, у стен старой мечети. Ее преградили басмачи. Отсюда вместе со всеми эту дорогу будет прокладывать он. Для себя и для тех, кто пойдет за ним.

«Вперед, вперед!» — стучало его сердце. Он ловко залез на дерево, что росло у дувала, и спрыгнул во двор мечети. Враг его не видит, а надо, чтоб увидел. Оглушительно, одна за другой, рвутся гранаты. Рассеивается дым, и басмачи видят Володю. Он, не торопясь, целится и плавно нажимает на спусковой крючок карабина. Басмач падает. И вот уже несколько бандитов ужами ползут к нему. Володя чуть-чуть приподнялся, чтобы увидеть новую цель, и тогда небо неожиданно полетело к глазам, знойное солнце обожгло грудь, придавило его к земле. И свет померк...

Восточная поговорка гласит, что крепость кетменя проверяется в поле, доблесть человека проверяется в делах. И если дела — россыпь щедрот горячего сердца, они оставляют след в жизни и памяти народа.

Сейчас имя Голубева знает каждый ошанин. Там, где он похоронен, воздвигнут памятник. Одна из центральных улиц областного центра названа именем Володи Голубева. Пионерская дружина ошской средней школы № 1 тоже носит его имя. О нем слагают песни и легенды, пишут книги и поэмы, рассказывают на пионерских сборах. А ведь был он самым обыкновенным, самым земным. Он отдал свою жизнь во имя революции, отдал без колебаний и размышлений, прокладывая дорогу в завтрашний день, наш сегодняшний день. Володе

сейчас было бы восемьдесят, но в памяти народной он так и остался юным, смелым, решительным...

Мы часто произносим: память. Это очень важно — помнить. Но у памяти должно быть продолжение — не только в очерках и рассказах, в названиях улиц, но и в сердцах, поступках тех, кто эту память наследует.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Трое суток отряд особого назначения преследовал небольшую басмаческую банду. На далеких рыжих холмах Отуз-Адыра, словно дразня, маячили всадники. Бойцы, беспрестанно понукая лошадей, стараясь не обращать внимания на палящие лучи, на ломоту во всем теле от бессонных ночей и усталости, переваливали холм за холмом, но басмачи с приближением отряда уходили все дальше и дальше в горы Нанаи. Наконец, потеряв следы банды, отряд на четвертые сутки возвратился в Ош.

Командир отряда Баранов, руководивший операцией, не заезжая домой, шатаясь от усталости, прошел в свой кабинет. Воспаленные, красные от бес-

сонницы глаза невольно смыкались, голова была тяжелой, и хотелось только одного: спать, спать, спать, повалиться прямо на пол и спать. Огромным усилием Баранов заставил себя прогнать сон и углубился в чтение накопившихся донесений. Просмотрев бумаги, он тряхнул головой, прогоняя наседавшее забытье.

— Опять Сатыбай... — Он пососал успевшую потухнуть цигарку и со злостью ввинтил ее в пепельницу.

Через три часа отдохнувший, выбритый, бодрый Баранов снова сидел в своем кабинете и внимательно изучал по карте окрестности города. Дверь тихо скрипнула.

— Можно, товарищ командир?

Баранов с недовольной миной вскинул голову, но, узнав вошедшего, скупо улыбнулся.

— А-а, Михайличенко! Заходи! А где остальные?

— Прибыли все трое по вашему вызову,— послышался за спиной вошедшего голос.

— Ну, проходите, орлы, садитесь. Разговор будет серьезный.

Трое юношей сели у стены. Баранов испытующе оглядел каждого.

Миша Михайличенко был совсем молод, на безусом лице только-только начинала пробиваться растительность. У него было открытое, волевое лицо, нежные губы и доверчивые, смеющиеся серые глаза. Второй, Володя Земсков,— коренастый, плечистый, с туго сжатыми губами,— выглядел старше Миши. Третий — подтянутый, с непроницаемым лицом, сидел выпрямившись, аккуратно положив руки на колени. Глаза его — бледно-синие, спокойно глядели

на Баранова. Новенький. Николай Линц. Ребята, кажется, надежные. Ну, что ж!..

— Пришлось нарушить ваш отдых,— не то оправдываясь, не то объясняя, начал Баранов и вдруг внезапно спросил: — Сколько тебе лет, Михайличенко?

— Восемнадцать.

— А вам, Земсков?

— Двадцать один.

— Яр-Кишлак хорошо знаете?

— Как свои пять пальцев,— быстро отозвался Миша.

— Тем лучше! Слушайте внимательно. Пока мы гонялись за бандой по Отуз-Адыру, Сатыбай снова начал визит в Яр-Кишлак. Вот сюда,— Баранов постучал карандашом по карте. — Заметьте, этот бандит действует хитро и уверенно, налетает на кишлак именно тогда, когда нашего отряда нет поблизости. Видно кто-то не только информирует и укрывает басмачей, но и снабжает их продовольствием, оружием и боеприпасами. Сатыбая надо лишить этой опорной базы, выкурить в горы. Внезапный налет отряда на Яр-Кишлак вряд ли поможет. Ваша задача — выяснить и установить связи Сатыбая, узнать, какими путями идут к нему оружие и боеприпасы. Попутно распустите слух, что отряд завтра уходит на неделю в сторону Наукати. Постарайтесь выяснить время очередного визита Сатыбая в Яр-Кишлак. Действовать придется без оружия, старайтесь не навлечь на себя подозрений. Справитесь?

— До сих пор вроде справлялись,— с некоторой обидой ответил Володя. — Думаем, и на этот раз не опозоримся.

— Иного я и не ожидал,— удовлетворенно кив-

нул Баранов. — Ребята вы бывалые, обстрелянные, местным языком владеете хорошо, пригородные кишлаки вам знакомы. Вы не просто бойцы отряда особого назначения, но, прежде всего, комсомольцы. Вот почему мы доверяем вам это особое задание. А вы, Линц, поучитесь у наших разведчиков. Переоденьтесь в гражданское и действуйте. План какой-нибудь наметился? За кого будете выдавать себя?

— А что, если мы изобразим будто на рыбалку собрались? — Мишины глаза заискрились. — А на ночь завернем в Яр-Кишлак, это же рядышком, переночуем у Юлдаша-аке. Хороший старик, бедняк, через него можно многое узнать.

— Правильно, Миша,— поддержал Земсков. — Постараемся провернуть задание не хуже прошлых. Так что, товарищ командир, разрешите действовать?

Баранов поднялся, встали и трое друзей.

— Что ж, орлы, действуйте. Будьте осторожны. Берегите себя. Желаю удачи. Жду завтра к вечеру. — Баранов подошел к разведчикам и крепко пожал им руки.

Спустя некоторое время, Миша, Володя и Николай с удилищами в руках шагали по пыльной андижанской дороге. Солнце уже клонилось к закату, его косые лучи скользили по серым, отполированным паломниками плитам Сулейман-горы.

— Ну, Николка, какие вести из Москвы? — обращаясь к Линцу, спросил Миша.

Николай Линц, латыш по национальности, был командирован в Туркестан из Москвы Центральным Комитетом комсомола. Ферганский обком послал его для укрепления Ошской городской комсомольской организации. Быстро освоившись на новом месте, Николай уже принял участие в нескольких опе-

рациях отряда. В эту разведку он пошел по собственной инициативе. Щуря от солнца глаза, Николай тихо вздохнул:

— Писем долго нет, уже второй месяц. Беспокоюсь, не случилось ли что дома?

— Ничего, Коля,— хлопнул его по плечу Володя,— задержка сейчас — дело обычное...

— Вот черт! — Миша вдруг остановился. — Глянь-ка, Володя, у тебя глаз острый. Уж не Рахман ли прется?

Земсков прищурился.

— Точно! Он самый! Носит его леший... Что ему здесь надо? Не дай бог, прицепится еще, всю музыку испортит.

Рахман пользовался плохой славой. Это был парень сорви-голова. Дал честное слово, что исправится, он сам просил принять его в отряд. Парню поверили, но, спустя некоторое время, поступили жалобы — в одной из операций он, угрожая оружием, пытался ограбить дехкан. С отрядом ему пришлось распрощаться. Но Рахман не унывал и нанялся к владельцу городского кинотеатра Апостолову. Вскоре, не поладив с хозяином, Рахман куда-то исчез почти на месяц, потом снова появился. Мало кто знал, чем он занимается.

Миша и Володя были знакомы Рахману по отряду, и эта непредвиденная встреча не предвещала им ничего хорошего.

Рахман, увидав ребят, ускорил шаг и, широко улыбаясь, закричал издали:

— О, Мишка! Вовка! Здорово, друзья!

Пожимая руки, Рахман искоса кинул взгляд на незнакомого ему Николая и принялся без умолку тараторить:

— На рыбалку, да? О, я хорошее место знаю, рыбы там много. Вот такая! Хотите, покажу?

— А мы тоже местечко не хуже приметили. Там рыба клюет, пожалуй, побольше твоей,— в тон ему ответил Миша. — А ты далеко направился? Что-то в городе тебя стало редко видно.

Глаза Рахмана забегали, он хмыкнул, деланно зевнул.

— В Яр-Кишлак иду... Тетка там живет. У нее сегодня день рождения. Да не в тетке дело, а в ее соседке. Ой, какая вдовушка! — Рахман даже прищелкнул языком. — Свидание у меня с ней сегодня.

— Ого! Молодец! — нарочито завистливым тоном отозвался Миша.

— А вы что, уже вернулись с операции? Много басмачей поймали?

Миша вместо ответа, понизив голос, сообщил:

— Завтра утром снова выступаем в Наукат. Только ты не болтай никому! Как другу доверяем. Понял?

— Понимаю! Никому не скажу! Ну, спешить надо.

— Желаем успехов! — подмигнул Володя Рахману, и разведчики зашагали в противоположную сторону, к реке.

...Вечерняя заря погасла. Темнота стала затягивать долину. Со стороны Яр-Кишлака дул ровный ветер и слегка вихрил пыль на дороге. В темнеющем небе вспыхнули, замерцали первые звездочки. Разведчики подсчитали улов.

— Не плохо для маскировки! — заметил Миша,— двадцать восемь штучек! Ха-а-рошая уха будет! Ну, друзья, пойдем? Побаловались, пора и к делу приступать.

По время лова они подробно обсудили детали предстоящей операции и договорились, как им действовать.

Держа в руках куканы с рыбой, друзья тронулись к Ир-Кишлаку. Порывы ветра доносили от селения протяжный рев медных труб-карнаев и стук барабанов. Где-то невдалеке закричал ишак, залаяли пробудившиеся собаки.

Углубившись в первый проулок кишлака, Миша остановился перед знакомой калиткой и негромко постучал. В глубине двора тотчас отозвался пес и, спустя минуту, послышались шаркающие шаги.

— Кто там?

— Юлдаш-ако? Это я, Миша, со мной товарищ. Идем с рыбалки, решили зайти, проведать вас.

Юлдаш-ако распахнул калитку.

— Здравствуйте! Проходите, спасибо, что не забыли старика. Назад! — крикнул он сыну. — Скажи матери, пусть поставит чайник, гости пришли.

— Что нового в кишлаке? Как живете? Как здоровье ваше, вашей супруги и детей? Не болеет ли кто? — начал издалека Миша.

— Слава аллаху, все живы и здоровы. Три дня назад в кишлаке снова Сатыбай был, последнюю овцу у меня забрали, — голос у старика дрогнул, на глазах блеснули слезы. — Даже угостить вас как следует не могу.

— Вы не беспокойтесь, Юлдаш-ако? — сказал Назар. — Мы сами к вам с угощением. Вот рыба, сварите детям. Для нас это забава, а вам пригодится. Берите, берите, от чистого сердца даем, иначе обидимся.

— Спасибо,— пробормотал старик, принимая рыбу. — Рассказывайте, как живете? Как у вас дома, все ли благополучно?

— Спасибо, все хорошо,— скупо отозвался Миша.

Когда чайник вскипел и разведчики выпили по пиале, Миша завел нужный разговор.

— А чего это басмачи к вам повадились, как мухи на мед? Почему терпите?

— Почему? — переспросил старый Юлдаш. — Нет, Миша-бай, народ терпеть такое зло не хочет, прямо в лицо басмачам говорит, что они грабители, воры. Да разве у них есть стыд? Посмеиваются, говорят: «Это не разбой, так угодно богу». Нашлись смельчаки, которые заступились за свое добро. Так двое из них тут же нож в бок получили.

— А все же почему Сатыбаю именно ваш кишлак полюбился?

— Разное болтают...— помолчав, отозвался старик. — Живет здесь Турсунбай. Он в прошлом году вторую жену себе взял, а теперь третью сватает. Слыхали карнай? К тою готовится. Поговаривают, что этот Турсунбай близкий родственник Сатыбая. Только Турсунбай хитрый, не сознается в этом, но как бы лиса хвост ни прятала, его все равно видно. К Турсунбаю по ночам приезжают неизвестные люди, говорят, даже из Кашгара какие-то тюки привозили. А что за люди — сказать не могу. Сосед мой должен знать, видел он их однажды, так пригрозили, чтоб молчал.

— Можно его повидать? — осторожно поинтересовался Миша.

— Отчего же нельзя. Человек он приветливый, бедняк, как и я.

— А что, аксакал, правда ли, что у Рахмана тетка здесь живет? — вдруг вспомнил Николай.

— Это какой Рахман? Что у вас в отряде был?

— Угу, тот самый.

— Ха! Так его тетка Кудратхон и есть вторая жена Турсунбая. Хорошо живет Кудратхон. Все у нее есть. А Рахман... не нравится он мне, глаз у него дурной, никогда людям в глаза не смотрит. Как же, он частый гость Турсунбая...

«Кое-что начинает проясняться»,— подумал Миша.

— Юлдаш-аке,— попросил он старика,— хочу побеспокоить вас: проведите к тому соседу, надо бы поговорить с ним.

— Раз надо, идем, Миша-бай. Я хоть и стар стал, но все понимаю, рад помочь вам. А Сулейман тоже должен понимать.

Когда Миша и Юлдаш-аке возвратились, Володя и Николай начали собираться.

— Нет, нет! Никуда я вас не отпущу,— запротестовал старик. — Куда вы пойдете ночью? На дурного человека наскочите, а у вас даже палки нет. Переночуйте у меня.

Прежде чем заснуть, Миша сообщил Володе и Николаю:

— Понимаете, Сулейман сначала упрямился, ничего, мол, он не знает и никого не видел. Но потом, взяв слово, что его имени нигде упоминать не будем, сообщил много интересного. Турсунбай — ближайший сообщник басмачей, связан с контрабандистами, которые доставляют из-за границы оружие и боеприпасы. Рассказывает, а сам трясется от страха, видно, запугали его здорово. А когда мы вышли, то мимо нас какой-то всадник на белом ко-

не проскакал. Правда, темно было, но готов поклясться, что Рахман... Лазутчик он у басмачей, ясно. Вот они, какие дела.

...Холодные звезды постепенно блекли и растворялись в сиянии, поднимавшемся из-за зубцов Сулейман-горы. Вершины деревьев все отчетливее выступали на просветлевшем серебристо-голубом небе. Но крепкий предзоревой сон разведчиков нарушили внезапные выстрелы, цокот множества копыт и истошные вопли. Миша вскочил и бросился к калитке. Сквозь щель он увидел, как, потрясая над головами винтовками, пригнувшись к шеям разгоряченных коней, скакали по узкой улице кишлака басмачи.

— Уходить надо! — тревожно бросил товарищам Миша. — Обнаружат — не помилуют. Рахмана это работа. Стойте... А если мы им в лапы попадем?

Миша бросился в дом и столкнулся с хозяином.

— Бог мой,— простонал Юлдаш-аке. — Опять беда на нашу голову! Уходить вам надо!

— Слушайте, Юлдаш-аке! Мы понимаем, что у вас оставаться опасно, можем навлечь беду на вашу семью. Постараемся уйти незамеченными. А если нас поймают, то... Я сейчас напишу записку, отнесете ее в город, командиру отряда Баранову. — Миша быстро набросал несколько строк на клочке бумаги. — Спрячьте записку, чтоб никто не нашел. Обязательно передайте... Спасибо вам за все... Прощайте!

Садами, через дувалы разведчикам удалось пробраться на окраину кишлака, но здесь они наскочили на засаду. Не знали они, что в последнее время басмачи из предосторожности стали выставлять до-

норы, чтобы никто из жителей кишлака не мог сообщить о налете в город.

На Мишу с Володей навалились сразу несколько басмачей, а Николаю удалось вырваться, и он кинулся бежать. Один из басмачей вскочил на коня и, догнав Николая, с плеча рубанул. В лучах восходящего солнца еще раз блеснула сталь клинка, но Миша с Володей уже ничего не видели: они лежали связанными, а басмачи били их ногами, прикладами. Наконец, взвалив разведчиков на коней, их повезли в кишлак.

Первое, что они увидели, когда их втолкнули в чей-то двор,— два костра, на которых варилось мясо. На террасе, устланной хотанскими коврами, подложив под бок атласные подушки, развалясь, полулежал Сатыбай. Возле него, потягивая бузу, сидел Турсунбай. А в глубине... Или это только показалось Володе? Нет, ошибки быть не могло,— в глубине террасы мелькнуло лицо Рахмана.

Завидев разведчиков, Сатыбай захохотал:

— Попались, красные птички? Ах, какие вы красивые!.. У-у, отродье шайтана, большевики! — внезапно переменил тон курбаши. — Будете говорить или помочь вам?

Презрительные взгляды, которыми наградили его разведчики, были красноречивее слов.

— Эй, палач! — повелительно кинул Сатыбай.— Развяжи-ка им языки. Вытяни из них все и не жалей эту скотину. Сейчас они по-другому запоют.

На середину двора, тяжело ступая, прошел здоровенный басмач. Он издал гортанный звук, напоминающий возглас мясника при разделке бараньей туши, засучил рукава и приступил к своим обязанностям.

Семижильная плетка из сыромятины, рассекая воздух, мерно опускалась на спины и головы разведчиков. Миша при каждом ударе вздрагивал, но, прикусив до крови губу, молчал. Володя вначале глухо стонал сквозь зубы, но вдруг напружинился, перевернулся на спину и, изловчившись, пнул палача ногой в живот.

— А-а-а, паршивец...— взревел от боли басмач, и удары посыпались на разведчиков с новой силой.

Кожа на спине Миши полопалась, и сквозь рубаху стали проступать полоски крови. Разведчики молчали.

— Поцелуй их горячим железом! — спокойно распорядился Сатыбай. Палач, не торопясь, накалил добела в очаге железный прут...

Сатыбай ожидал, что разведчики, наконец, запросят пощады и все расскажут, но комсомольцы, стиснув зубы, по-прежнему безмолствовали.

— Закопать их в землю! — взбешенный упорством разведчиков, приказал Сатыбай.

Через полчаса Миша Михайличенко и Володя Земсков были живыми закопаны по плечи в землю.

Чтобы привести разведчиков в чувство, на головы опрокинули несколько ведер холодной арычной воды. Придя в сознание, Миша почувствовал, что все его тело скована, грудь словно сдавили стальными обручами, и сердце бьется гулко и быстро. Казалось, оно вот-вот не выдержит, разорвется. Было трудно дышать, даже от ничтожного усилия глаза заволакивала красная пелена.

Сатыбай сплюнул на землю насвай, поднялся и подошел к разведчикам. Его левый глаз дергался в нервном тике.

— Ну, будете отвечать, зачем вас в Яр-Кишлак

послали? Рыбки захотелось? Знаем, что вы за рыболовы. Лучше расскажите все по-хорошему, а не то сейчас подохнете. — Курбаши присел перед разведчиками на корточки и оскалил большие желтые зубы.

— Комсомольцы не предают Родину,— негромко сказал Миша, тяжело и порывисто дыша. Это были его первые слова с начала пытки. — Смертью нас не запугаешь,— голос Миши окреп и стал слышен окружающим. — Бояться смерти надо вам! Не сегодня так завтра вам придет конец. Ты хотел, чтобы мы заговорили? Вот тебе мой ответ, собачье отродье...— Миша напряг последние силы и плюнул в лицо Сатыбаю...

Курбаши вскочил. Зарычав от бешенства, не владея собой, он выхватил из-за пояса маузер и в упор несколько раз выстрелил в голову Мише. Вытерев рукавом шелкового халата кровавый плевок, курбаши перевел взгляд на Володю.

— А ты? Ты тоже ничего не знаешь? Посмотри на своего друга, то же ждет тебя, если ты не заговоришь...

Володя медленно повернул голову, посмотрел на мертвое лицо друга и почувствовал, как слезы застлали глаза.

— Ага, плачешь? — торжествующе воскликнул Сатыбай. — Значит, будешь говорить. Будешь?

— Прощай, Миша,— прошептал Земсков. — А ты, кровавый пес, зря стараешься. Смотри и запоминай, как умеют умирать комсомольцы. Бандюга ты проклятый... — Володины глаза закрылись, и он больше не произнес ни слова.

Уже в мертвого Сатыбай разрядил оставшиеся в маузере патроны.

Никто так и не заметил, что из соседнего двора через щель в дувале за гибелью смельчаков наблюдает Юлдаш-аке. Его плечи вздрагивали, а по сморщенному лицу текли слезы.

...Прошло около месяца. Басмачи уже не появлялись в Яр-Кишлаке. Турсунбай и еще несколько басмаческих пособников были пойманы и предстали перед советским правосудием. Но о Рахмане не было ни слуха ни духа, словно он сквозь землю провалился.

И вот однажды в ясный августовский день он внезапно появился в городе. Рахман спокойно ехал на белом скакуне, придерживая какой-то длинный сверток поперек седла. У штаба отряда особого назначения привязал коня, взвалил сверток на плечи и проследовал к Баранову.

— Вот, товарищ начальник,— без тени волнения сказал Рахман. Он развернул мешковину, и на пол вывалились английские винтовки. — Три недели назад басмачи захватили меня в плен. Угрозой смерти заставили служить у них, я для вида согласился, а сам стал выжидать. Сегодня ночью, когда все спали, мне удалось бежать. Забрал вот эти винтовки, на коня — и к вам...

— Скажите, что вам известно о гибели Михаила Михайличенко, Владимира Земскова и Николая Линца? — медленно, с расстановкой спросил Баранов.

— Как? Разве они погибли? Бог мой! Когда?— выразив на лице удивление, воскликнул Рахман.

— Бросьте представляться, Борбиев,— сверля глазами предателя, отчеканил Баранов. — Турсунбай нам все рассказал. Как басмаческого лазутчика, вас будет судить военный трибунал.

— Я ничего не знаю...— загнусавил Рахман. — Я был в плену у басмачей. Они меня били. Вот, смотрите...— дрожащими руками он стал снимать халат.

— Не надо! — остановил предателя Баранов. — Часовой! Уведите арестованного.

Баранов закурил, подошел к столу и, достав одну из папок, бережно взял в руки маленький клочок бумаги. Торопливым почерком было написано: «Баранову. Задание считайте выполненным. Первый пособник басмачей в Яр-Кишлаке — Турсунбай, он же родственник курбаши Сатыбая. Снабжение басмачей оружием и боеприпасами идет через него. Рахман, что был в нашем отряде, предатель и басмаческий лазутчик. Пишу на всякий случай, на кишлак совершено нападение. Михайличенко. 22 июля 1921 года». Баранов бережно положил записку в папку...

...Могила героев-комсомольцев осталась безвестной. Басмачи, боясь расплаты, постарались надежно скрыть следы преступления. Но память о трех юношах с горячими комсомольскими сердцами до сих пор сохранилась в народе.

САЛКЫН

Было это минувшей зимой в Кара-Кульдже. Я с тревогой поглядывал на тучи, которые сгущались над перевалом. Кончалась командировка, а ошский автобус, если вновь повалит снег, наверняка, задержится. Диспетчер, круглолицая молодая женщина, успокаивала: «Скоро поедете. Расчищают заносы. Подождите немного». Но прошел час, за ним другой, терпение мое иссякло, и я снова направился в диспетчерскую.

Девушка-диспетчер поманила меня пальцем и прошептала: «Прошу вас, присядьте, не пожалеете». Она указала взглядом на старика, который си-

дел в кругу шоферов. Он что-то рассказывал. Его слушали с таким вниманием, что я как-то сразу остыл и тоже прислушался.

«На рассвете была ясная погода,— продолжал свой рассказ старик. — Салкын вышла из юрты, посмотрела на склоны гор и удивилась: склоны урочища и берега реки зазеленели в одну ночь, да так ярко, что женщина с радостью подумала: «Будет где разгуляться овцам». При этом она вспомнила Козубека, брата мужа, который пас отару в долине. Салкын никогда не была в долине, не знала, как живут там люди. Козубеку довелось бывать в Андижане и Оше, и когда он приезжал к брату, то рассказывал о богатых базарах, дарил Салкын серебряные украшения, платок или отрез на платье.

В тот раз проездом из Оша он завернул на стойбище, показывал бумагу — газетой называется эта бумага,— говорил, что скоро бедняки будут жить счастливо. Сколько Салкын помнит себя, ее отец всегда был должен баю, потом должником стал ее муж. Козубек сказал: «Новая власть прогонит баев, и бедняки будут трудиться на себя».

Такой уж добрый человек Козубек, и каждый приезд радовал хорошей вестью и задушевной песней. Он знал много песен, только не всегда и не каждому пел их. Муж Салкын — Асылбек по обычаю угостил брата. Нарезал баранину. Салкын приготовила шорпо. Поели ужина и наступающих сумерках Асылбек попросил брата:

— Спой нам песню, байке.

Козубек не стал отказываться, взял в руки комуз, задумчиво позвенел, настраивая, и тихо запел. Он пел о горах. Пел о человеке, который на виду у гор становится и выше и чище.

Асылбек и Салкын слушали, и большая радость наполняла их сердца. Из-за зубчатых вершин белоснежного хребта показалась луна. Все вокруг молчало, только звенели струны комуза, да песня плыла над урочищем.

Когда Козубек кончил петь, зачарованная его голосом и словами песни Салкын попросила:

— Спойте еще, агай.

Козубек улыбнулся и спросил:

— О чем ты хочешь услышать песню, Салкын? — И, не дожидаясь ответа, промолвил: — Хорошо. Я спою вам про Шарапат. Было это в седую старину и мало кто сейчас помнит об этом. Слушайте... — И над урочищем снова поплыла песня.

Козубек пел о том, как давным-давно в эти края пришли завоеватели. Страдания и горе принесли они, намереваясь покорить народ, но не могли сломить его свободолюбивого духа. Чтобы собраться с силами, народ ушел в горы. Хану, предводителю завоевателей, донесли, что среди покинувших долину жителей есть необыкновенная красавица. Зовут ее Шарапат.

— Если ты возьмешь ее в жены,— шептали хану приближенные,— то будешь властвовать над непокорными.

Отправленному в горы отряду воинов хан повелел не возвращаться без красавицы Шарапат...

Шли дни, недели, но вестей от воинов не было. Тогда хан отобрал самых храбрых и выносливых воинов и приказал им во что бы то ни стало привезти Шарапат. Но и этот отряд не вернулся в назначенный срок, словно горы поглотили воинов.

Разгневанный хан решил сам пойти в поход за красавицей. Через семь дней он пришел с воинами

в урочище, что раскинулось у самого подножья снежных великанов. Хан остановился лагерем и послал лазутчиков разведать местность. Никаких следов жилья лазутчики не нашли. На восьмой день хану донесли, что на берегу реки обнаружили одинокую юрту, возле которой стоял оседланный аргамак. Когда хан подскакал к юрте, из нее вышла Шарапат.

— Кого ищет господин? — спросила хана Шарапат и без страха посмотрела ему в лицо. Хан молчал, пораженный красотой девушки.

— Если твое имя Шарапат, то я ищу тебя,— наконец, промолвил хан. — Я посылал за тобой моих воинов. Где они?

— Ты спрашиваешь о джигитах, которые были здесь, да? Они не достойны называться воинами хана, потому что, увидев меня, забыли о твоем поручении. Каждый из них хотел взять меня в жены.

— Я не верю тебе, красавица. Где они, куда ушли? — спрашивал хан, а сам не мог отвести глаз от Шарапат.

— Я знаю, где они. Но показать место могу только при одном условии: ты поедешь со мной. Иначе воины передерутся из-за меня.

Хан посмотрел на воинов. Они, словно завороженные красотой девушки, не отрывали взгляда от ее лица.

— Хорошо! — согласился хан.

— Это на том берегу реки. Надеюсь, доблестный хан не испугается переправы? Я пойду первой.

— Веди! — решительно сказал хан.

Едва они подъехали к реке, как полил дождь. Белые стрелы молний разрывали небо и падали в реку. Шарапат стегнула своего аргамака камчой

и бросилась в воду. За ней скопом бросились в реку хан и его свита. Река поглотила всех.

Напевные звуки комуза вдруг оборвались. Салкын молчала, ожидая продолжения песни, но Козубек отложил в сторону комуз и произнес:

— С тех пор ни один завоеватель не решался ходить в наши горы. Говорят, что юрта Шарапат стояла где-то здесь...

— Это правда? — спросила Салкын.

— Так говорят аксакалы. Им верит народ,— ответил Козубек. Салкын тоже поверила.

Вспоминая песню, она снова огляделась, и на душе ее стало радостно: «Такая теплая весна и такой травостой — хорошие приметы, овцы будут жирные и дадут большой приплод».

Салкын уже хотела вернуться в юрту, как увидела на дальнем косогоре огромную отару, окруженную всадниками. Силуэты их четко вырисовывались на фоне неба и что-то тревожащее было в облике всадников — может быть, оружие. «Кто такие? — удивилась она. — Если они вздумают остановиться здесь, придется кочевать на другое место».

— Эй, Асылбек, посмотри...

Муж показался из юрты в ту же минуту. Удивление в голосе жены взволновало его. Всегда спокойная, Салкын привыкла держаться с достоинством, как подобает красивой женщине, а тут вдруг закричала и кинулась к нему навстречу.

— Куда смотреть? Кто испугал тебя? — не понял Асылбек.

Салкын показала на косогор.

— Видишь, сколько всадников! Они вооружены. Я чувствую недоброе. Не о них ли говорил Козубек?

— Наверное, это басмачи, те самые, что отнимают отары и угоняют их за кордон.

— Куда? — не поняла Салкын.

— Так сказал Козубек. Это далеко...

Салкын разозлилась: «Какая разница, куда угонят отару, если отберут ее? Что же сделать?.. Как их увести в сторону от нашего стойбища?»

— Оседлай скорее коня!..

Салкын быстро сменила платье, надела поверх чыптаму, повязала лучший платок. Нарядная, румяная от волнения, она взлетела в седло и помчалась к косогору, с которого уже спускались басмачи. Они переправлялись в реку, видимо, высматривали брод. «Если вам нужен только брод, я помогу...» подумала Салкын и повернула коня к берегу.

Ее заметили. От группы отделился басмач на сильном иноходце, догнал Салкын и приказал подождать курбаши.

— Такая красавица придется ему по душе,— осклабился басмач.

Салкын задорно ответила:

— Мне самой нужен джигит по душе, но придется ли твой таксыр? Я разборчивая...

Басмач удивленно замолчал, видимо, побоялся поднять вопрос, заподозрив в этой смелой женщине жену местного бая.

Они остановились на берегу. Вглядывались на подъезжающих басмачей и на отару. Сползая с косогора серым облаком, отара росла на глазах. Шум реки заглушался блеянием овец. Салкын успела подумать, что такая огромная отара не может принадлежать кому-то одному, но иначе как в нее согнали награбленных овец.

К ним подъехал курбаши на розовом карабаире.

Несколько мгновений он смотрел на Салкын, не скрывая своего восхищения, потом заговорил:

— Где-то здесь должен быть брод. Ты поможешь нам, красавица? — Словно невзначай он потрогал саблю, висевшую на ремне поверх шелкового халата.

— Мне как раз надо на ту сторону, можете ехать за мной,— гордо ответила Салкын.

В горах начиналась пора таяния снегов. Река вздулась и была полноводной. Только бывалые чабаны, хорошо знавшие местность, решались переправляться в эту пору. Салкын выросла здесь, с детства помогала отцу-чабану, была сильной и ловкой. Ей ничего не стоило переправиться на другой берег. Она знала, где брод, до него рукой было подать, но повела басмачей в другую сторону».

Рассказчик прервал повествование и потянулся к пиале с кок-чаем. Я вспомнил подвиг Ивана Сусанина, предвидел, чем кончится рассказ, но не потерял интереса и слушал с таким же вниманием, как и другие слушатели.

«Река ревела,— продолжал рассказчик,— на дне глухо гремели камни, погода совсем испортилась. Подул холодный ветер, пришли черные тучи, начался холодный дождь.

Басмачи хохлились, прятали руки, втягивали шеи. Курбаши не вытерпел и спросил, скоро ли будет брод.

— Я покажу вам самый безопасный переход,— отвечала Салкын и вела басмачей дальше, туда, где никто не решался переправляться даже в самое засушливое лето.

Когда-то давно там стояла юрта ее отца. Мать Салкын однажды оступилась, упала в воду, ее по-

несло течение... Женщину спасли из объятий реки с огромным трудом, но она умерла от простуды в то же лето... Река отняла у Салкын материнскую ласку.

«Это проклятое место,— говорил отец, когда они переезжали,— врагу не пожелаю ступить сюда ногой».

С тех пор Салкын только издали смотрела на ту излучину реки и всегда вспоминала мать.

Теперь Салкын ехала впереди басмачей, снова вспомнила детство и неожиданно в памяти всплыл образ свободолюбивой Шарапат, песню о которой пел всего два дня назад Козубек.

— Здесь...— сказала Салкын, остановив коня и показывая на излучину реки.

На берегу басмачи столпились, поджидая отставшую отару. И в это время на косогоре показались новые всадники. Басмачи встревожились, но тут же узнали своих, которые задержались в попутном кыштаке. Те мчались во весь опор и вскоре стали слышны их крики: «Кызыл-аскеры! Большевики! Погоня!»

— Надо бросить отару и быстрее уходить, а то погибнем все,— загалдели бандиты.

Вдали послышались выстрелы, на косогоре показались силуэты красноармейцев. Поднялась паника. Басмачи закружились на месте, никто не решался спуститься к воде, да и кони упирались, храпели, не шли туда. Тогда взбешенный курбаши приказал Салкын первой броситься в поток.

— Вы не джигиты, вы жалкие трусы! — крикнула она и камчой заставила коня войти в воду.

Первые десять метров было мелко. Это взбодрило басмачей. Они гурьбой бросились за Салкын. А

потом произошло то, чего хотела она. Скрытый мутным потоком, обрыв поглотил всадников. Они не успели сдержать коней, двигались лавиной и, смешиваясь в кучу, топили друг друга.

Салкын, подхваченную волнами, понесло вниз, как щепку в водовороте. Лошадь разбилась о камни в первые же минуты, а Салкын несло и несло, то ударяя о перекаты, то подбрасывая на волне. В какой-то миг она увидела поваленные кусты, из последних сил устремилась к ним. Но на берег сразу выбраться не могла. Кое-как перевела дух, потом осторожно дотянулась до камней и взобралась на них.

Шел дождь, дул холодный ветер. У нее болело все тело, избитое о камни. Она не знала, как далеко уплыла, но была довольна тем, что произошло. Мимо нее проплывали трупы басмачей, их кони. Салкын смотрела на них и думала, что иначе поступить не могла.

В полдень тучи рассеялись, выглянуло солнце. Ветер потеплел и быстро сушил берег. Салкын выбралась на траву, вдыхала ее запах и вспоминала, как радовалась утром сочности трав, как верила в счастье, которое придет с новой жизнью.

«Асылбек уже ищет меня. Найдет, ведь я жива». Она слабо улыбалась, как всегда, когда муж проявлял о ней заботу, и покорно ждала, прислушиваясь к звукам урочища. Но кроме рева реки, ничего нельзя было слышать, и тогда Салкын, напрягая силы, поползла дальше от воды. Ветки кустов цеплялись за порванную одежду, нестерпимо болело израненное тело...

Ее нашли на следующий день красноармейцы. С ними уходил воевать против басмачей и ее муж,

уже посчитавший себя вдовцом. Ее подняли на конные носилки, укрыли, согрели, накормили. А в Узгене, волостном центре, устроили в больницу.

Прошло два месяца, прежде чем она выздоровела. Асылбек воевал, и в тот день, когда она вышла из больницы, отряд вернулся с вестью о его гибели.

— Я заменю его,— твердо сказала Салкын, и ее приняли в отряд.

В конце лета случилось так, что отряд снова встретил басмачей в том же урочище Ой-Тал. Бой был коротким, басмачи разбежались по горам, а захваченные в плен рассказали легенду о красавице-колдунье, которая заманивает басмачей в речку. «Нельзя подходить близко к воде. Она выходит из воли на коне и заманивает на глубину. Никто не может спастись». Красноармейцы смеялись, многозначительно поглядывая на Салкын, а басмачи призывали в свидетели самого аллаха, просили поверить.

— Пусть враги не ждут пощады на этой земле,— сказала Салкын, погрустнев, и ушла от костра на берег.

Река мирно шумела. Перекрывая шум реки, в зарослях тальника громко перекликались розовые дрозды. Вечер наступал тихий, зоряный. Салкын вспомнила мужа, навсегда ушедшие счастливые дни. Теперь нет ничего и будет ли? Дело у нее большое, за счастье народа идет война, а придет ли к ней счастье? Щемящая боль обволокла сердце, и ей нестерпимо захотелось испытать нечто такое доброе, ласковое, как наступающий вечер.

Вдруг кусты зашелестели, раздвинулись, из них вышел командир отряда Темиралы, совсем молодой парень, никогда не смевший посмотреть ей в глаза.

— Родные места тревожат? — спросил он, опускаясь на камень в двух шагах. — По себе знаю. Недавно был дома.

— Разве места тревожат? Это тревожит память,— не сразу ответила Салкын.

Она догадывалась, что Темиралы неравнодушен к ней, но разница в возрасте казалась ей непреодолимым препятствием для его любви, и она держалась с ним подчеркнуто спокойно, рассудительно.

А грусть действовала предательски. Захотелось рассказать о том, что вспомнилось, поделиться доброй памятью об умерших, о матери, отце, муже. Она не удержалась, стала рассказывать о своей жизни. Глаза ее потемнели от слез. То, что она считала потерянным, оказывается было трудным и горьким счастьем.

— Но ведь должно же быть другое! Так не может оставаться. Новая жизнь должна быть лучше. Только очень дорогие жертвы мы отдаем за нее,— Салкын замолчала.

И тогда заговорил Темиралы. Никогда прежде Салкын не слышала таких слов, никто не говорил с ней так и не было в жизни такого.

— Тебя огрубляла жизнь, сейчас огрубляет борьба и, если ты не полюбишь, пропадешь... — говорил Темиралы.

Салкын смотрела ему в глаза и чувствовала, как они излучают поток нежности, которому трудно противиться. Рука Салкын как-то сама собой потянулась к лицу Темиралы и стала гладить его щеку...

Заря догорала, приглушенно шумела река, и урочище погружалось в мягкие сиреневые сумерки. На всем берегу не виднелось ни одной души. Салкын подумала, что в мире остались только они

вдвоем и он — ее новая судьба, то счастье, за которое они воюют.

— Но что скажут бойцы? — спросила она, чтобы не оставалось никаких сомнений.

Он быстро поднялся, взял ее за руку и повел к потухшему костру. Бойцы уже дремали. Окрик часового взбодрил их. Они удивленно смотрели на командира и Салкын.

— Знайте, она моя жена...— сказал Темиралы.

Кто-то из бойцов улыбнулся:

— Верно говорят: нельзя близко подходить к речке, красавица заманит.

Салкын подняла взгляд и посмотрела на них так, что больше никто не посмел шутить.

А сам Темиралы признавался потом в кругу близких друзей, что нашел свое счастье у той самой речки, о которой рассказывают легенды.

К тому времени Салкын уже не участвовала в походах. Она готовилась стать матерью, жила в Узгене. И однажды, когда Темиралы вернулся из дальнего похода, она вынесла ему навстречу дочь.

— Я назвала ее Шарапат,— сказала Салкын, и муж одобрил выбор имени».

— Вот и все,— закончил рассказчик и, подумав, добавил: — Случилось это в двадцатом году.

— А где же сейчас Салкын? — спросил кто-то из нетерпеливых слушателей.

Я улыбнулся, предполагая, что услышанная история — плод народного творчества, легенда, основанная на каком-то подобном случае времен гражданской войны. Ответ рассказчика был для меня полной неожиданностью.

— Салкын жива и живет здесь, в Кара-Кульдже.

Заметив сомнение на лицах слушателей, рассказ-

чик покачал головой, словно осуждал за недоверие.

— Я сам воевал в отряде Темиралы. Если и этого вам мало, то посмотрите на девушку,— рассказчик кивнул на диспетчера. — Она — внучка Салкын, и зовут ее так же в честь бабушки. Их дом неподалеку...

Я глянул в окно, словно надеясь увидеть дом старой Салкын, но увидел автобус, которого ждал с самого утра. Через несколько минут я уже ехал в Ош. Мои мысли занимал образ легендарной киргизки, повторившей подвиг Ивана Сусанина, о котором она в те времена, естественно, не могла и слышать, а поступила так, как и должна была поступить истинная дочь своего народа.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Конный отряд особого назначения возвращался с задания. Было жарко. Августовское солнце опаляло выгоревшие адыры. Знойный воздух дрожал и струился голубым потоком. Даль двоилась. Все затихло, спряталось, дремало, даже цикады молчали. Потные и усталые бойцы ехали, опустив поводья, надвинув на глаза козырьки фуражек. Изредка кони спотыкались о камни, кто-нибудь незлобно ругался, и снова наступала тишина, которую нарушало только мерное цоканье конских копыт.

— Подтянись! — послышалась вдруг команда.

Бойцы встрепенулись, тронули поводьями коней,

подравняли шеренги. Командир привстал на стременах, поднес к глазам бинокль, вглядывался в лощину между холмами. Туда спускалась проселочная дорога. Там блестел извилистый ручей, поросший кустами ивняка и барбариса. Командир хорошо различил в бинокль опрокинутую арбу, разбросанные в беспорядке какие-то мешки, силуэты людей, ничком лежавших на земле. Над ними вились сороки, оглашая окрестность тревожным стрекотанием.

— Федотов! — командир показал биноклем на косогор, подступающий к лощине слева.

Федотов, крепкий, остроглазый боец на тонконогом буланом иноходце, тронул коня шенкелями, тот вздыбился и птицей понесся на косогор, словно наконец дождался минуты, когда можно стряхнуть дремоту, размяться после нудного шага следом за тяжелым громоздким мерином командира. Через несколько минут Федотов доложил:

— В кустах — убитые: старик и баба с дитем. На камнях — мужик или парень. Киргизы.

— Это курбаши Муэтдин, больше некому,— пояснил командир, продолжая путь. Бойцы, не успевшие побывать в деле, вытягивали шеи, всматривались в кусты.

— Привал! Напоить коней! — командир понял бойцов, разрешил нарушить строй. Бойцы спустились к ручью, спешились, оставили коней у воды, осматривали кустарник. Командир набивал табаком трубку, прислушивался к разговорам бойцов. Ему довелось не раз видеть такие картины, после которых крепла злость на басмачей. Нарушая его мысли, Федотов закричал издали:

— Товарищ Подгайный, парень-то живой, только весь изранен. Что делать?

Командир ругнулся тихонько: «дурацкий вопрос» и, быстро поднявшись с камня, пошел к раненому. Тот смотрел на окруживших бойцов пристальным взглядом, ожидал чего-то, готовый вскочить. Был он жилистым, плечистым, и, видимо, напрягал последние силы, чтобы не расстаться так просто с жизнью. Его рука тянулась к камню.

«Ершистый парень»,— подумал командир и распорядился принести йод, бинты и приготовить конные носилки.

— Куда ранен? — спросил он парня по-киргизски.

Парень размяк, взгляд его потух, рука ослабела, голова поникла на плечо.

— Помер? — удивился Федотов. — Чего это он?

Командир молча разорвал на парне просоленную рубаху, промыл раны, залил их йодом и перевязал. «Живучий» — отметил он, понимая, что раненый жив, но раны сильно болят, и эта боль лишает его сознания. Через полчаса отряд был на конях, спешил в город. Раненому требовался покой, уход, удобная постель.

«Где это взять?» — размышлял командир. Лазарет переполнен. Фельдшер не успевает делать перевязки. Кого можно, определяют на лечение у горожан на дому. «Придется к Захаровне поместить,— решил командир, вспомнив соседку, бабку-знахарку, врачевавшую травами и заговором. — Взъерепенится старая чертовка, надо через Варвару уговорить». Захаровна недолюбливала его за насмешки над ее знахарством, а ее дочь, рослая, крепкая Варвара, уже заглядывалась на парней, невестилась. «Статный парень, выходит — ее будет»,— думал коман-

дир и улыбался, представляя, как Варюха зальется румянцем, когда он скажет об этом.

В город въехали вечером. Улица была пустынной, виднелись только патрульные да в зыбком свете фонарей мелькали тени бездомных собак.

Отпустив отряд, командир привез раненого в свой двор, позвал Варвару.

— Спасти надо. Жених вполне подходящий,— сказал он.

Варвара присела, всмотрелась в лицо раненого. Ее толстая коса упала из-за плеча, тронула щеку парня. Он открыл глаза, чуть слышно выговорил: «апа...»

— Какая же я тебе мама,— вспыхнула Варвара и непонятно к чему добавила: — Смуглый, а на украинского парубка похож.

— Вот я об этом и толкую: выходишь, твой будет. Один остался, всю родню басмачи порешили.

— Глупости говорите, Максим Андреевич,— рассердилась Варвара. — Человек помирает, а у вас на уме бог знает что. Лучше помогите перенести его в мою хату.

В хате горела коптилка. Захаровна видела, куда уходила дочь, теперь разжигала печь, готовила варить какой-то настой из трав. Видя, что никаких уговоров больше не требуется, командир пошел в ревком докладывать о результатах поездки. А потом нахлынули другие дела и заботы, и он как-то упустил из вида раненого парня, даже имя его узнал только через неделю, когда повстречалась Варвара.

— Крестник ваш, Сатымкул, вставать хочет,— сказала она, не скрывая радости. — Мы его Саней зовем. Он не возражает. Хочет проситься к вам в отряд. Басмачей бить. Понятие, как у дитя.

— Передай, как хорошенько окрепнет, обязательно возьму,— сказал Подгайный.

Он подбирал в отряд крепких, смелых людей, готовых грудью отстаивать Советскую власть. Не думал командир, что так и случится, когда сказал Варваре про парня: «Выходишь — твой будет». А вот они нашли друг друга и вместе вступили в отряд Подгайного, вместе воевали за свое счастье.

К лету двадцать второго года Ошский уезд был очищен от басмачей, но остатки банды Муэтдина не пожелали сдаться Советской власти и укрылись в глухом горном ущелье. На ликвидацию банды был брошен и отряд Подгайного. Басмачи отбили первую атаку, и тогда Максим Андреевич спешил отряд, повел его в обход, чтобы ударить со стороны речки. Кусты на берегу росли густые, хорошо укрывали бойцов, позволяли приблизиться к врагу. Варвара в форме красноармейца лежала рядом с Сатымкулом, отчего-то кривилась и потихоньку убирала из-под живота камни. «Понесла, наверно»,— глядя на нее, подумал Подгайный и уже хотел приказать ей остаться, как Сатымкул встревоженно сказал:

— Командир, смотри!

Подгайный видел, как открылись ворота крепости и показались всадники.

— Вперед! — гаркнул Подгайный, забыв про Варвару.

Бойцы вскочили, побежали за ним, но тут же шарахнулись в сторону. На них ринулась басмаческая лавина. Ее не остановили взрывы гранат, огонь из винтовок. Перемахивая через падающих коней, всадники неслись на дорогу, а с дувала ударил пулемет.

Подгайный швырнул в него последнюю гранату

и ворвался в крепость, но там уже остались не те, кто был нужен. Пешие басмачи бросали винтовки, поднимали руки. Подгайный вспомнил про Варвару, оглянулся. Она склонилась над упавшим Сатымкулом, приникла головой к его груди.

— Что? — спросил Максим Андреевич, вернувшись.

Она упала плашмя на мужа, разметав над ним руки, словно закрывала от опасности и вдруг заголосила так, что даже у бывалых бойцов в душу стал закрадываться холодок. Они возвращались, снимали фуражки, молча смотрели на Сатымкула и Варвару, у которой от горя затуманились глаза.

* * *

Отгремели двадцатые годы. Сыновья Максима Андреевича и Варвары росли вместе. Варвара назвала сына в честь командира мужа Максимом. Подгайный нарек сына Александром. Саша и Максим вместе ходили в школу и вместе со сверстниками играли в Чапаева, мечтали стать полярниками, летчиками, пограничниками.

В начале тридцатых Максим Андреевич получил назначение на работу в Ташкент. Мальчишки расстались, но не забыли друг друга, переписывались и, когда удавалось, приезжали друг к другу погостить.

В домашнем кабинете Подгайного на стене между двумя перекрещенными саблями висела фотография отряда особого назначения. В часы отдыха он пристально вглядывался в знакомые до мелочей лица бойцов, и со стороны казалось, что командир ведет с ними про себя неспешную задушевную беседу.

Саша наперечет знал от отца по именам и фамилиям всех бойцов на снимке. Украдкой он приводил в отцовский кабинет одноклассников, великодушно разрешал им трогать боевое оружие и восторженно рассказывал о жарких схватках отряда чекистов с басмачами. Мальчишки с горящими глазами слушали Сашу, вздыхали и завидовали судьбе Подгайного-старшего. Завидовали и сожалели, что поздно родились и не довелось им совершать подвигов, не довелось вот с такой грозной саблей в руке преследовать банды по выжженным адырам. Но пришел сорок первый, и таким как Александр Подгайный и Максим Сатымкулов пришлось пройти суровое испытание, ничуть не меньшее, если не большее, чем прошли их отцы.

Их призвали в армию через месяц после начала Великой Отечественной войны и направили в Ташкентское пехотное училище. Максим и Александр при встрече не сразу узнали друг друга, да и не легко было узнать в повзрослевших, раздавшихся в плечах молодых людях некогда щуплых, угловатых мальчишек. И Александр и Максим, словно сговорившись, в мае справили свадьбы, но война разрушила все их планы.

Их учили на командиров по сокращенной программе, учили всем премудростям военной науки, и все же доучиваться пришлось на поле боя. В ноябре сорок первого курсанты училища были сформированы в отдельную ударную бригаду и направлены на фронт.

Друзей провожал Максим Андреевич. Он хмурил брови и старался казаться спокойным, расспрашивал тезку о Варваре, о знакомых по Ошу.

Раздался свисток паровоза. Люди на перроне за-

шумели, и вагоны двинулись словно от того, что к ним прикоснулись руки провожающих. И всюду слышались одни и те же слова: «Пиши!», «Береги себя!», «Возвращайся с победой!»

Максим Андреевич махал сыну рукой и что-то кричал, но слов его нельзя было разобрать в общем шуме.

...Воинский эшелон спешил на Запад. Мимо проплывали заснеженные степи Казахстана, леса и перелески, реки и речушки средней полосы России. На коротких остановках менялась поездная бригада, курсанты выпрыгивали из теплушек и спешили в столовые, где к прибытию эшелона были накрыты столы, на которых дымились кастрюли с горячими щами и пшенной кашей.

На четвертые сутки показалась Москва. Такая знакомая с детства по картинкам и фотографиям, по кадрам кинохроники она в те дни была неузнаваемой, преображенной. На окраинах — противотанковые рвы и надолбы. Окна жилых зданий заклеены крест накрест полосами бумаги. Витрины магазинов укрыты мешками с баластом. В скверах и на площадях — зенитные батареи.

Ночью бригаду на грузовиках доставили к первой линии обороны, а на рассвете 6 декабря морозный воздух Подмосковья потряс гул артиллерийской канонады.

Александр и Максим шли в цепи атакующих по рыхлому глубокому снегу. Справа и слева стали взрываться вражеские мины, оставляя после себя черные воронки. На правом фланге взревели моторы тяжелых танков.

9 декабря в боях за освобождение Солнечногорска рота попала под вражеский пулеметный огонь.

Максим видел, как упал его друг, видел, как Саша левой рукой подгребал под себя снег, словно искал точку опоры и не находил.

Максим кинулся к нему, осторожно перевернул на спину и увидел, как по припорошенному снегом виску струится кровь.

— Санитара! — закричал он в растерянности и дрожащими от волнения пальцами стал расстегивать крючки на шинели друга. Потом приник ухом к груди, прислушался. Сердце не билось, санитар был не нужен.

Сашу похоронили в братской могиле на окраине города. Бригада продолжала наступление. В сорок втором Максима ранило под Гжатском, и он оказался в Тюмени, где лежал в госпитале. После выздоровления с маршевой ротой его направили под Сталинград. На какой-то станции поезд шел тихо, словно не решался остановиться. На перроне вокзала стояла толпа, все смотрели на круглую черную тарелку репродуктора, выставленную за окно дежурного по станции. Голос Левитана сообщал число убитых и раненых немецко-фашистских захватчиков, назывались цифры уничтоженных танков, орудий, минометов.

— Где это? — крикнул кто-то из теплушки.

— Сталинград! Наши пошли! — толпа словно проснулась, бежала рядом с вагонами, кричала на разные голоса. Женщины плакали. Какая-то старушка протягивала к вагонам руки, просила:

— Сыночки, не останавливайтесь! Гоните их, сыночки!

Маршевая рота догнала фронт на Северном Донце. До утра окапывались в прибрежных кустах. Необстрелянные солдаты не понимали, зачем окапы-

ваться, если предстоит переправляться на тот берег.

Перед рассветом послышался рокот подходивших наших танков, саперы заканчивали наводить понтонный мост.

И вдруг на том берегу вспыхнуло зарево. Небо как будто вздрогнуло, разорвалось, и гул покатился над водой, как эхо грома. А на этом берегу вспыхнули взрывы и над ними встали черные столбы. От них пахнуло жаром. Грохот оглушил Максима.

Уже светало, когда наши батареи подавили вражеские огневые точки. Началась переправа. Река кипела фонтанами, на ней кишели люди. Шум боя нарастал, а наши солдаты шли и шли по понтонам, падали, сраженные пулеметным огнем. На смену им шли новые цепи, и вот уже бой переметнулся на вражеский берег.

Максим успел переправиться, бежал вместе со всеми вперед. Внезапно все заволокло чернотой, смолкло, и сам он стал проваливаться в какую-то пустоту.

* * *

День Победы Максим встретил в прибалтийском госпитале. Он прошел путь до Балтийского моря и там из строя его вывела контузия.

Его выходила медсестра Лайма, золотоволосая эстонская девушка с голубыми, как морская волна, глазами. Когда на пятые сутки Максим пришел в себя, то первое, что увидел,— голубые глаза и нежную девичью улыбку.

Врачебная комиссия признала Максима негодным к дальнейшему несению воинской службы, и он возвратился в далекий Ош.

Через неделю Максим засобирался в Ташкент,

к Подгайному. Память о его сыне Саше он пронес через всю войну и самому себе дал твердое слово рано или поздно навестить братскую могилу, где похоронен его боевой друг.

Максим Андреевич встречал его на вокзале вместе с внучкой Людой, дочерью Саши. Горе надломило старого краскома, посеребрило виски, избороздило морщинами лицо. Они расцеловались, и Подгайный, подавляя боль в сердце, незаметно смахнул набежавшую слезу.

— Спасибо, тезка, за то, что не забывал меня,— сказал он просто. — Ты уж извини, что не на каждое письмо отвечал. Трудно было мне отвечать, сам понимаешь... Ну, а сейчас — ко мне.

После угощения они прошли в уютный домашний кабинет Подгайного. Там все было по-прежнему. На стене висели две перекрещенные сабли, а между ними в рамке под стеклом старая фотография отряда особого назначения. В центре снимка восседал лихой командир с подкрученными усами, а рядом с ним отец Максима Сатымкул. Он смотрел с фотографии на сына немигающими глазами и, казалось, говорил: «Я горжусь тобой, сынок!»...

...На местах боев под Москвой Максиму Сатымкулову удалось побывать лишь через 10 лет. Жизнь закрутила его, перебрасывала с одного места на другое. Первые годы после демобилизации он работал в обкоме комсомола, потом его выдвинули на партийную работу. Шли годы, подрастал сын, которого в честь погибшего друга Максим назвал Сашей, а он все никак не мог выкроить время и поехать в Солнечногорск.

Однажды ему приснился сон. Он шел вместе с Сашей по залитой солнцем зеленой поляне, вдали

искрились снежные вершины Алайского хребта, а над ними голубело небо. В тот день Максим твердо решил: «Надо ехать в Солнечногорск. Сколько можно откладывать?» Он известил телеграммой о своем намерении Подгайного, взял отпуск и вместе с сыном Сашей вылетел в Ташкент. В Москву они полетели вчетвером, к ним присоединилась Люда, которой, как и Максиму Сатымкулову, не суждено было увидеть при жизни родного отца.

Солнечногорск за послевоенные годы вырос, преобразился, окраины отступили, на месте былых сражений высились корпуса заводов. Там, где полтора десятка лет назад была пустошь, шумел зеленой листвой молодой парк. В центре парка возвышался строгий обелиск. У подножья обелиска мраморная плита с именами отдавших жизнь за Родину, в сорок первом.

У Максима Андреевича зарябило в глазах, к горлу подступил комок, когда он среди многих фамилий увидел и свою: «Подгайный А. М. 1921—1941». «Здравствуй, Сашок...» — еле слышно произнес он и почувствовал, как внучка крепко вцепилась в него и заплакала.

Максим Андреевич осторожно отвел ее руки, ласково погладил по голове и глубоко вздохнул. «Жизнь продолжается...» — подумал Подгайный и стал не спеша набивать табаком трубку, такую же старую, как и он.

СЧАСТЛИВАЯ ДОЛЯ

Когда угасает вечерняя заря и на небосклоне в лучах уходящего солнца купаются синеватые горы, дед Антон выходит из дома и не спеша, словно прогуливается, идет на западную окраину села. Завидев его, прохожие уважительно произносят: «Здравствуйте, дедушка». — «Доброго здоровья», — отвечает дед Антон и продолжает свой путь. У столетнего карагача он останавливается и пристально смотрит на парящую в воздухе вершину Баубаш-Ата, к которой прилепились розовые лохмотья облаков.

Село погружается в голубую тишину. На высо-

ких нотах тянут свою песню цикады. Дед Антон садится на валун, прогретый солнцем, прислушивается к тишине. Где-то неподалеку начинает звучать нежный девичий голос. Слова песни еще не разборчивы, но у деда Антона от уголков глаз разбегаются лучистые морщинки и теплая улыбка прячется под коротко подстриженными усами.

Песня звучит громче, и деду Антону кажется, что слова ее плывут к нему, будто донесенные ветром с гор, будто смешанные с терпким и сладостным дымом костра, который в ущелье развел одинокий путник.

На селе эта песня родилась недавно, а ему кажется — она приходит из вечера в вечер уже много лет. Песня переходит из зеленого вечера весны в синий вечер лета, из осеннего желтого в белый зимний. Приходит и звучит над селом в вечерние часы.

Медленно, словно свечи, угасали вдали звуки светлой, как сама юность, песни. И поднимались в рост перед глазами старого Антона далекие годы. Стелились по земле шелестом шелковых трав. И мчались буйными ветрами. И шумели, гремели годы студеными водопадами Арслан-Боба.

Дед Антон уверовал, что ему выпала счастливая доля. Все было в его жизни: и печаль, и горе, и тяжелые испытания, но счастья все же больше. Всю жизнь он был связан с землей и любил ее. Земля дала ему тепло — простую радость детства. Она пела босоногому мальчишке из села Быстрицы, что в Словакии, бесхитростные песни, те, что в нелегких заботах не успевала спеть ему мать. Возьмет, бывало, земля в свои теплые, как парное молоко, объятия маленького Антошу, укрост шелком медвяных

трав, и поет, баюкая, песни, щемящие нежной грустью. Да только не все песни успела пропеть, не хватило ей короткого детства Антоши. Знала старая земля — у бедняков оно рано кончается. Так и у него ушло, облетело, как яблоневый цвет, растворилось в сиреневом мареве гор, что зовутся Высокими Татрами.

Как отец его и как отец отца его, встречал Антон утренние зори в поле. И увидел землю, ту же землю своего детства совсем другой. Не песенницей и не рассказчицей, а щедрой труженицей, знающей усталь, но не знающей покоя.

Довелось ему быть подпаском, сеять и убирать хлеб, рубить лес, ковать железо в кузнице. В 1915 его призвали в армию, отправили на русско-германский фронт. Под Черновцами оказался в плену у русских. Из Черновец попал в Киев, из Киева в Петрозаводск, а из Петрозаводска в Ташкент привезли. Поместили в лагерь для военнопленных. Вскоре в лагере появился какой-то делец, выспрашивал, у кого какая специальность, особый интерес проявлял к тем, кто хорошо знаком с сельским хозяйством.

Вот так и попал Антон в услуженье к кулаку села Ивановки, что в Кугартской долине у подножья Ферганского хребта. От зари до зари лошадей ковал, кетмени и лопаты мастерил, а в страдную пору хлеб убирал, травы косил.

Был Антон строен, лицо чистое, открытое, глаза, что васильки, черные брови вразлет. Не одна дивчина на него заглядывалась, а ему приглянулась дочь бондаря Якова, ладная и пригожая Марийка. При встречах она не отводила глаза в сторону, смотрела так, словно подбадривала, и та-

кую улыбку дарила, что Антон совсем покой терял.

Весть об Октябрьской революции Антон воспринял спокойно, стал думать о том, что скоро вернется в Словакию. Но гражданская война закрутила, завертела Антона и привела его в интернациональную бригаду, которой командовал Эрнест Кужело, земляк из Братиславы. С боями прошла бригада по всей Фергане, громила басмачей в Алайской долине, несла дехканам новую жизнь. У Антона словно крылья за спиной выросли, он только сейчас почувствовал по-настоящему себя человеком. Почувствовал, что из подневольного и униженного стал свободным, равным со всеми. И не просто свободным, а несущим свободу другим, таким же обездоленным, каким был сам недавно.

В одном из походов тяжело ранило Антона. Воевать дальше не смог, подлечился немного и вернулся в Ивановку. И снова вспомнилась Словакия. Как быть? Что делать дальше? И, наверное, все-таки вернулся бы в родную Быстрицу, не будь Марийки. Полюбил крепко. Все сошлось на ней клином, ничего милее Марийки не осталось на свете. Даже если бы она согласилась уехать из Ивановки, где родилась и выросла, не увез бы, чтобы она потом не тосковала у него на глазах. И стал Ферганский хребет роднее родного. И оправдание тому, что стали забываться Высокие Татры, нашлось. «Человек рождается на земле для счастья,— думал Антон. — Без счастья человек не может чувствовать себя полноценным, а, значит, и дело в его руках не станет сотворяться как надо».

Неожиданно предложили ему быть лесничим в Арслан-Бобе. Согласился. Снарядили его в дорогу,

выделили пару коней, бричку, инвентарь разный, провизией снабдили, все, как полагается в таких случаях. И поехали Антон с Марийкой в неведомый зеленый край.

Поселились в неизвестно кем и когда срубленной избушке, и началась для них удивительная жизнь. Все вокруг было первозданным: и заросли алычи с красными желтовосковыми плодами, и колючие кустарники барбариса с кислыми ягодами, и могучие орешины с раскидистыми кронами. Бродил Антон среди этой красоты, глаз от нее не мог оторвать, удивлялся животворной силе природы. Восторгался студеным, говорливым водопадом и ручьями. У Марии, как умоется в таком ручье, румянец проступал на щеках, как заря утренняя.

Вдвоем прорубали просеки, расчищали ореховый массив, заготавливали впрок дрова, промышляли охотой на кабанов. По вечерам, при свете коптилки Антон рассказывал про Быстрицу, про родню и сетовал, что нет при нем топора, которым валил он деревья в Татрах, когда довелось одно время быть лесорубом.

— Сколько потом ни держал в руках топоров, а таких больше не попадалось,— объяснял Антон.— Сталь особой закалки. Гвозди рубил тем топором, а он не только не тупился, еще острее был.

— И куда же ты его подевал? — улыбалась Марийка. — Небось, запрятал от всех, когда в армию призвали.

— Зачем же прятать,— обиделся Антон. — Отдал на сохранение Мирке — дружку моему. Вместе лес рубили, но его в армию не взяли, бревном ногу малость покалечило. Обещал сберечь топор.

Через полтора года Мария настояла вернуться

в село: она ждала ребенка. Первенца назвали Яковом, в честь отца Марии, но Антон звал сына Янеком. Смотрел на него и думал, что жизнь у сына должна быть счастливой. А как же иначе? Советская власть установилась прочно, врагам уже не сломить ее.

Сын в отца рос, такой же хлесткий. Правда, в плечах пока что жидковат, но ничего — с годами раздастся. Губы четкие — полюбит одну на всю жизнь. Синеглазый. Взгляд вдумчивый. Речь неторопливая, каждое слово на место ставит, будто взвесит на ладони и поставит, куда следует. Вылитый отец.

За Янеком появился Людвиг, потом Алеша. И оба тоже в отца, как по заказу. А за сыновьями пять дочек. Одна за другой, как горошинки из одного стручка. Да шустрые, веселые, словно старались повторить мать. И красотою в нее, будто Мария нарочно приберегла для них свое, отдав сыновьям отцовское.

Шумно и тесно стало в избе Антона. Не легко было поднимать вдвоем детей на ноги, а без них жизнь уже не мыслилась. Заболеет кто, ушибется или двойку получит — тревога, печаль, беспокойство. Скорее бы подросли. И подросли.

У Антона своих забот хватало: он к тому времени председательствовал в сельсовете, проводил коллективизацию, раскулачиванием приходилось заниматься. Но воспитывать детей считал первейшей обязанностью, учил их, как мог, неписаному правилу — чтобы в жизни все было прямо и честно, чтобы не вилять и не скользить.

Дети вырастают, думалось Антону с Марией, и трудности уже позади, теперь жизнь должна пойти

еще лучше, потому что в доме был достаток, никогда еще так богато не жили. И вдруг... война. В июле сорок первого сразу три сына ушли на фронт. Алеше еще срок не вышел идти в армию, но он все же настоял в военкомате, уговорил, не захотел отставать от братьев, ушел воевать добровольцем. Что может сравниться с родительской тревогой? Ожиданием писем от сыновей стали жить мать и отец.

Седина появилась у Антона в сорок втором, когда Мария с дочками на своей корове пахала колхозное поле. «Все для фронта! Все для победы!» — этот призыв можно было увидеть тогда повсюду. А кто остался в селе? За двоих, за троих приходилось работать женщинам, и больно было смотреть на них Антону.

Побелели виски у Антона зимой сорок третьего, когда пришла похоронка на младшего сына Алешу. Жутко было представить его упавшим лицом в снег. Именно лицом, именно в снег. Может, сын погиб по-другому, но Антону почему-то смерть Алеши виделась так. Наверное, память неосознанно возвращала Антона в зиму девятнадцатого года на Алай, где он, раненный в грудь навылет, упал лицом в снег и, теряя сознание, видел огромные снежинки у самых зрачков. Снежинки надвигались, превращаясь в глыбы льда, сердце холодело, и от этого становилось страшно.

Откричав свое, Мария тоже поседела. И не только от горя, вызванного смертью младшего, но и от постоянного беспокойства за жизнь оставшихся на войне сыновей. Письма от них приходили редко и шли долго. От каждого письма в сердце матери вспыхивала радость, как огонек в ночи: «Жив!»

Но это когда был жив? Может, это последнее письмо...

Ожидание несчастья, неизвестность выматывают у человека последние силы. Антон и Мария, как и тысячи отцов и матерей, дотянули до конца войны на одной надежде. Потом удивлялись: как жили, как работали, как поднимали на ноги дочерей? Ведь пятерых, не одну!

Пришел срок, и возвратились с войны сыновья. Грудь в орденах и медалях, а в глазах суровость не по годам. Как прежде, собрались за одним столом. Антон по случаю такого торжества был тоже при орденах, один за гражданскую, другой — за доблестный труд в годы Великой Отечественной. После второй рюмки домашней наливки Яков подмигнул Людвигу и, обращаясь к отцу, загадочно произнес:

— Удивлю тебя сейчас, батя. Такое услышишь, что и не поверишь.

— Я теперь ко всему привычен,— скупо отозвался Антон.

— Не писал я об этом, решил: жив останусь, сам расскажу, а если погибну, значит, и знать никто не будет. Так вот. Довелось нашему полку в конце войны село одно освобождать. После боя попалась на глаза молодуха, ладная такая. Спрашиваю: «Как ваше село называется»? Отвечает: «Быстрица». Я не поверил, переспросил, ведь не думал и не гадал, что доведется село освобождать, где ты родился.

Слово Быстрица имело для Антона особый смысл. Чтобы не бередить память отца о прошлом, в семье это слово старались не произносить. Теперь оно словно выстрелило у самых ушей Антона, оглушило, зашумело в голове, встало перед глазами черепичными крышами аккуратных домов, яркими

наличниками, зеленью садов у подножия Высоких Татр. Яков заметил, как по лицу отца пошли красные пятна, на виске набухла, быстрее стала пульсировать голубая жилка.

— Так вот,— продолжал Яков,— попросил молодуху свести меня с кем-нибудь из старожилов. Привела в избу к дядьке твоих лет. Спрашиваю, не знал ли он Антона Светличека? Удивился дядька, отвечает: «Как же, помню. В империалистическую без вести на фронте пропал. Постой, солдат, откуда тебе ведомо про него...»

— Кто же это мог быть? — перебил Якова отец. — Звать его как?

— Спокойно, батя, слушай дальше. Пригляделся ко мне дядька и руками всплеснул. Говорит: «А ведь ты вылитый Антонин. Сыном ему доводишься?» — «Сыном,— отвечаю. — Так и так, жив и здравствует мой отец». Что тут было! Полсела сбежалось, обнимают, целуют, как родного, в гости наперебой приглашают...

— Ты забыл назвать имя того человека,— напомнил Антон.

— Не забыл. На всю жизнь запомнил. И ты должен помнить. Сейчас проверю твою память. — Яков поднялся из-за стола, вышел в другую комнату. Возвратился с холщовым свертком в руках. — Тебе велел передать.

Антон неторопливо развернул холст, все увидели обыкновенный топор и кусок металла, величиной с куриное яйцо. Людвиг взял кусок металла, покрутил и тихо сказал:

— Осколок от артиллерийского снаряда.

Антон пристально смотрел на топор, руки его вздрагивали.

— Это же мой топор. Мирко... Он тебе его дал?

— Правильно, батя. Мирослав Пропичек. Настоял взять. Объяснил, что перед уходом на фронт в 1915-ом ты просил топор сохранить в память о вашей дружбе. Он обещал и сдержал слово.

Словно не веря, что в его руках тот самый топор, Антон постучал по нему вилкой. Все услышали мелодичный звон.

— Он самый, в темноте по звуку могу узнать,— уверенно сказал Антон и вдруг обратил внимание на вмятину, видневшуюся на поверхности топора, поскреб по металлу ногтем.

— А этот самый... осколок-то зачем? — спросила мать.

— Это уже другая история, но к топору имеет самое прямое отношение. — Яков подержал на ладони кусок металла, словно взвешивал, осторожно положил на холст рядом с топором. — В последнем бою немцы обстреляли нас из пушек, к земле прижали. Лежим. Снаряды вокруг рвутся, головы не поднимешь. Вдруг что-то шмякнуло меня по спине. Да сильно так. Я еще успел подумать: «Все. Конец»... Пошевелился, чувствую — жив, невредим. Снял со спины вещмешок, вижу, распороло его вот этим самым осколком. В топор угодил, я его и взял, в вещмешке с собой всюду таскал. Вот и выходит, что топор и мне теперь дорог, можно сказать, от смерти спас. Память на всю жизнь, а ты, мать, говоришь — зачем.

— Да разве ж я знала... Прямо как в сказке,— Мария щупала осколок, трогала руками топор, и слезы сами полились из ее глаз.

— Что ты, мама,—обнял ее Яков. — Жив и невредим я.

— От радости это я, сыночек...

Все стали по очереди брать и разглядывать топор, осторожно прикасались к зазубренным краям осколка.

— Вот ведь как интересно жизнь складывается,— поднялся из-за стола Антон. — Я воевал с врагом на земле, где родились и выросли вы. Эта земля стала для меня родиной, здесь я обрел свое счастье. А ты, Янек, освобождал от фашистов землю моих отцов и дедов.

Не успели перевести дух в доме Антона, как начались свадьбы. Семь свадеб! Конечно, не все в один год, а в два, в три, в те послевоенные. Совсем побелела голова у Антона. О матери и говорить не стоит, если подумать, что значит справить пять приданых, да не каких-нибудь, а одинаковых, чтобы, не дай бог, младшая не позавидовала старшей, да не затаила обиду. Может, ни одна и не обиделась бы — не маленькая — понимала, какая жизнь. Но мать есть мать, рожала-то каждую для счастья, как же обездолить своими руками. Одним словом, нелегкие были годы. Радость вперемежку с сединой.

Все дети Антона и Марии нашли свое место в жизни. Яков перебрался в соседний шахтерский городок, стал горняком, вскоре возглавил добычную бригаду. Людвиг пошел дорогой отца, прикипел к земле, выучился на агронома, осел в ближнем семеноводческом совхозе. Дочери остались в селе, каждой нашлась работа по душе.

Однажды, когда Антон гостил у Якова, уговорил сын отца посмотреть шахту. Согласился. Столько лет прожил, а под землей ни разу не был, по рассказам сына представлял, как добывают уголь.

В тот день водил его Яков по штрекам, показывал, как нарезают лавы, по которым потом пойдут рабочие очистного забоя, выдавая на-гора уголек. Увидел Антон и добычной комбайн в работе. Его стальные зубья упрямо вгрызались в угольный пласт, обламывали, крошили его, и текла по ленточному транспортеру черная речка.

Яков чувствовал себя в шахте уверенно. Спокойно отдавал распоряжения, возмущался, узнав, что задержали доставку крепежного леса. Все здесь было в движении, и шахта походила на большое живое существо. Антон сразу же сумел распознать, что шахтеры — люди суровой и мужественной профессии, люди, которые держат на своих плечах всю землю. Яков старался не навязывать отцу своих мнений о шахтерской профессии, понимал — увидит отец шахту и сам все поймет. Поймет и оценит, почему сын стал горняком.

Как-то в праздники собрались сыновья, дочери и внуки в родительском доме. И не только внуки, но уже и правнуки присутствовали на семейном торжестве. Тесным, как в прежние времена, стал дом, и чтобы разместить всех, пришлось выносить столы в сад. Дети вели разговор каждый о своем. У этих детей были свои дети, но для Антона и Марии они так и оставались детьми. Антон прислушался к разговору сыновей.

— Все же я не пойму тебя, Яков,— с еле уловимой иронией вопрошал Людвиг. — Скажи, что ты видишь в своей шахте? Ни простора, ни далей. То ли дело — хлебное поле. Небо всегда над головой. Воздух пьянит. Солнце, ветер, дождь ли — вся природа перед глазами. А в шахте что?

— Не скрою — хлеб всему голова,— соглашал-

ся Яков. — Да только не хлебом единым жив человек. Ему многое надо. В том числе и тепло. Я лишь один из тех, кто добывает и несет это тепло людям. Кстати, и тебе. А на твой вопрос пусть батя ответит. Он был у меня на шахте. И тебе советую побывать. Увидишь, сравнишь, поразмыслишь. Просто так спорить бесполезно.

— Предлагаешь обмен производственным опытом? Предложение принято. Со своей стороны вношу встречное. Сейчас поедем и посмотришь мое хлебное поле. Оно под боком. А перед уборочной снова тебя приглашу полюбоваться на результаты нашего труда. Ну как? Я на своей «Волге» быстро домчу.

— Согласен. Поехали! Давненько я не дышал воздухом хлебной нивы. Ну и батю, конечно, с собой повезем.

Они ехали по улицам села, полыхавшего густорозовым пламенем цветущих садов. За селом в разрыве пушистых облаков проглянуло солнце, долина дымилась и блестела. Сильнее запахли травы, хлеба и земля. Людвиг остановил машину на краю поля, окинул взглядом хлебную ниву, разлившуюся зеленым ковром.

— Добрые всходы,— сразу же оценил Антон.

— Да этой пшенице, батя, цены нет,— волнуясь, пояснил Людвиг. — Элита. Семена отбирали, как парней в армию отбирают. За нашими семенами со всей округи едут. Это вот — новый сорт, пять лет на него затратил. Теперь вся забота — выходить эти всходы, чтобы силу не потеряли, урожай дали добрый. Что теперь скажешь, Яков? Правильно я мыслю?

— Хороша пшеница. Но у каждого свои заботы.

Моей бригаде доверили внедрять новый добычной комбайн. Переживаю, как-то он покажет себя в наших условиях? Не подкачаем ли? Но я в своих хлопцах уверен: надежный народ, всегда на них положиться могу. И в тебя, Людвиг, верю, ты настойчивый, терпеливый. Вот увидишь — все будет хорошо.

Подоспела уборочная страда, и снова приехали на хлебное поле два брата и отец. Антон прошел вслед за сыном в глубину хлебного массива, взял в руки колос, размял его и стал пересыпать из ладони в ладонь крупные золотые зерна. Пересыпая зерна, он думал о том, что в них воедино собраны и сила солнца, и доброта рук земледельца.

— Хороша пшеничка,— одобрительно отозвался Яков. — Что же ты, Людвиг, слово не держишь? Так и не приехал на шахту.

— Извини, совсем замотался в последние дни. Завтра комбайны выводим в поле. Это знаешь, как в бой идешь. Управимся с уборкой и сразу к тебе. Да, а как у тебя с новым добычным комбайном? Освоили?

— Смотри-ка, вспомнил. Газеты надо читать,— незлобно сказал Яков и надвинул брату на глаза капроновую шляпу. — Еще два месяца назад как внедрили комбайн. Теперь моя бригада по суточной добыче первой считается на шахте.

— Поздравляю, от души поздравляю тебя, Янек.

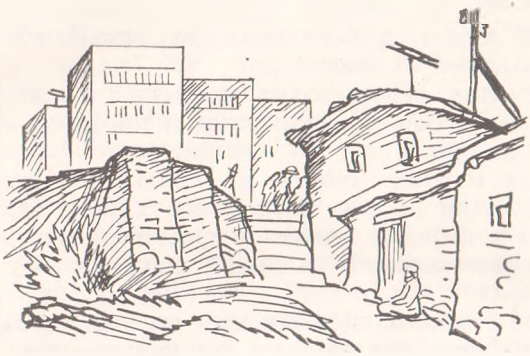
— Это еще не все новости, есть и поважнее. Вчера получил почтовый пакет из Быстрицы. Думаю,— что в нем может быть? — Яков сделал паузу, посмотрел на отца. — Оказывается, грамота. Присвоили звание Почетного гражданина. За освобождение села. Твоего села, батя...

Старый Антон словно помолодел, словно это ему присвоили почетное звание.

— Ну, Яша, перещеголял ты меня по всем статьям,— с деланным разочарованием протянул Людвиг, обнимая брата.

Сыновья и отец стояли на краю пшеничного поля и вдыхали аромат созревшего хлеба. Над ними высоко в небе огненным шаром горело солнце. На горизонте сверкала белизной вершина Баубаш-Аты.

Как все старики, подводя итог жизни, чтобы ответить на вопрос, не впустую ли она прошла, Антон Светличек видел: нет, не зря жил, все правильно. Именно так, как должно быть у счастливого человека.

* * *

Каждый раз, когда мне доводится бывать в древнем и вечно молодом городе Оше, я люблю бродить по его улицам. Нет, я не выбираю себе маршрут, не стремлюсь очутиться именно там, где происходили описанные в этой книге события. Да и зачем это делать? На каждом перекрестке улиц, на каждом шагу оживает история города. О ней я услышал от очевидцев, участников событий, вычитал из архивных документов, из газет начала двадцатых годов.

Улицы и облик города за последние годы изменились неузнаваемо. Появились новые микрорайоны, скверы, площади. Благодарные ошане воздвигли памятники, увековечившие подвиги бесстрашных первых комсомольцев.

В сквере, что на улице имени Хохлова, воздвигнут обелиск в честь комсомольцев двадцатых годов. На мемориальной доске фамилии тех, кто отдал свою жизнь за власть Советов в борьбе с контрре-

волюцией. Среди них имена Михаила Михайличенко, Владимира Земскова, Николая Линца, Ивана Малышева, Володи Голубева.

По-разному сложилась судьба других героев этой книги. Кудайберген Ниязов в 1926 году был призван в Красную Армию. Служил на границе. Когда началась Великая Отечественная война, он был направлен в эскадрон разведки кавалерийского корпуса. При выполнении боевого задания в июне 1944 года пал смертью храбрых, предотвратив продвижение фашистских танков. Посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Дмитрий Дмитриевич Чураков 25 лет прослужил в органах ВЧК—ОГПУ—КГБ. В годы Отечественной войны оборонял Киев и Сталинград, возглавлял особый отдел гвардейского кавалерийского корпуса. Награжден пятью боевыми орденами и двенадцатью медалями. Он умер в 1971 году и похоронен в Москве на Введенском мемориальном кладбище.

Хамид Хаджиевич Шамсутдинов после описанных в книге событий продолжал до 1932 года служить в органах милиции, был заместителем начальника сектора Южно-Киргизского управления милиции, затем служил в советских органах.

Валерий Андреевич Лебедев в 1920 году громил белогвардейцев на Южном фронте. Был тяжело ранен, после демобилизации из Красной Армии работал в Киеве.

Александр Константинович Добрынин еще не раз принимал участие в операциях по ликвидации басмачества в Южной Киргизии и Таджикистане. После окончания гражданской войны находился на ответственной хозяйственной работе.

Герои рассказов «Салкын», «Жизнь продолжается», «Счастливая доля» не придуманы. Автор по-своему увидел их жизнь и поэтому изменил фамилии и имена.

И хотя судьбы героев книги не схожи, но в одном они оказались одинаковыми: через всю жизнь они пронесли верность Родине, народу.

Автор.

СОДЕРЖАНИЕ

Верность избранной теме *А. Сальников* . . . 5
Пропуск в историю. *Рассказ* 9
Ошские зори. *Повесть* 31
Схватка у старой мечети. *Рассказ* 112
Особое задание. *Рассказ* 125
Салкын. *Рассказ* 140
Жизнь продолжается. *Рассказ* 153
Счастливая доля. *Рассказ* 165
От автора 180

Гарий Амосович Жильцов

ПРОПУСК В ИСТОРИЮ

Повесть и рассказы

Для молодежи

Редактор П. Г. Леденев
Художник А. С. Осташев
Художественный редактор А. Байбориев
Технический редактор В. И. Комерова
Корректоры В. П. Мединская, А. Абдиева

ИБ № 1576

Сдано в набор 17. 10. 1979 г. Подписано к печати 11. 01. 1980 г. Д—02805. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. «Школьная» гарнитура. Печать высокая. 5,75 физич. печатных листа, 8,05 условн. печатных листа, 6,94 учетно-издательских листа. Тираж 12000. Заказ № 461. Цена 60 коп.

Издательство «Мектеп»
720361, ГСП, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата Киргизской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

60 коп.